

Литературная

საქართველოს
ლიტერატურა

13
Грузия

1 - 6

10335/
1997/2

1997

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

1997

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Орган Союза писателей Грузии

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАЗА АБЗИАНИДЗЕ. К читателям . . . 3

ПОЭЗИЯ

ГИВИ ГЕГЕЧКОРИ. Стихи. Перевод Гиви
Орагвелидзе 5

ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ. Стихи. Перевод
Владимира Саришвили 7

ТАРИЭЛ ЧАНТУРИЯ. Стихи. Перевод Гиви
Орагвелидзе 10

ПРОЗА

РЕЗО ИНАНИШВИЛИ. Цитадель. Рассказ.
Перевод Майи Мерабишвили 13

ГАРРИ КУНЦЕВ. Мое кино 114

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

РЕВАЗ СИРАДЗЕ. «...Тяжела несправедли-
вость мира...» 26

БАХТАНГ VI. Утешение сердца. (Отрывки из
поэмы). Перевод Георгия Ашкинадзе 29

НОВОЕ ИМЯ

БЕСО СОЛОМОНАШВИЛИ. «Контрабандисты».

1-6

Издательство «Самшобло», Тбилиси
Журнал выходит с июня 1957 года

Рассказ. Перевод Лианы Татишвили 34
ТАМАЗ ЧИЛАДЗЕ. «Контрабандисты» Бесо
Соломонашвили 33

ПАМЯТНАЯ ДАТА

ЛАДО АСАТИАНИ — 80. Стихи. Перевод
Гиви Нижарадзе 61

ЗАЗА АБЗИАНИДЗЕ. Испеленный талант 67

ГУРАМ ГВЕРДЦИТЕЛИ. Певец дружбы 111

НА ХОЛМАХ ГРУЗИИ

МИХАИЛ СИНЕЛЬНИКОВ. Стихи 72

ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ. Стихи 75

НАТАЛЬЯ ШЕМЯТЕНКОВА. Гимн красоте 76

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

ГУРАМ ОДИШАРИЯ. Возвращение в Сухуми.
Фрагменты. Перевод Лианы Татишвили 81

АНКЕТА «ЛГ»

«Как мы пишем» — Чабуа Амирэджиби 107

ОБЩЕСТВО

ГАГА НИЖАРАДЗЕ. Мы — грузины 165

ИСТОРИЯ

АВТАНДИЛ МЕНТЕШАШВИЛИ. Закавказ-
ский сейм (заключительная часть) 203

ТЕАТР

ЭТЕРИ ГУГУШВИЛИ. Наш театр: жить или
не жить? 216

ПУБЛИЦИСТИКА

РОМАН МИМИНОШВИЛИ. Олимпийский урок 226

БЫЛОЕ

И времени рассеется туман... (Воспоминания
Симона Чиковани о Паоло Яшвили) 231

РЕЦЕНЗИЯ

ГЛАН ОНАНЯН. Врачеватель души 236

ВАХТАНГ БУАЧИДЗЕ. Эксперимент без ро-
мантики 241

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

ГЕОРГИЙ ЧАРКВИАНИ. «...А душа вся в
слезах». Памяти Бориса Андроникашвили 245

БОРИС АНДРОНИКАШВИЛИ. Стихи 248

ГИВИ ОРАГВЕЛИДЗЕ. Памяти друга 32

К ЧИТАТЕЛЯМ

Итак, после долгого интервала, выходит в свет обновленный номер «Литературной Грузии». Думаю, это обновление касается не только нового редактора и новых имен в редколлегии и коллективе журнала.

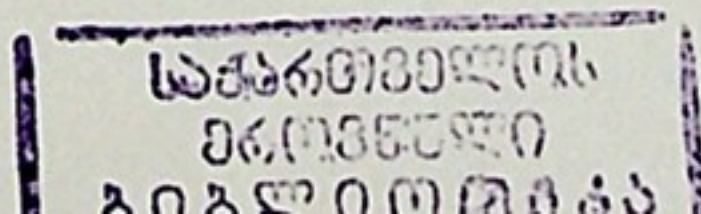
Несколько слов о нашем видении места и роли «Литературной Грузии» на пороге XXI века: для грузинского журнала на русском языке эта роль весьма специфична. В свое время «Литературная Грузия» сделала себе имя, познакомив русскоязычного читателя с наиболее яркими и смелыми образцами грузинской поэзии, прозы, эссеистики. Да и не только грузинской — многие произведения, годами придавленные прессом московской цензуры, впервые увидели свет в нашем журнале.

Каждый из нас, более или менее причастный к судьбам «Литературной Грузии», помнит, какой ценой давались нам эти публикации, помнит и ту, разделяемую сотнями восторженных читателей радость литературных побед. Парадоксально, но период застоя стимулировал наш профессиональный пафос, а наступившая, столь желаемая, демократия привнесла ряд сложнейших проблем.

Теперь, когда свободомыслием никого не удивишь — ни у нас, в Грузии, ни в России, «Литературная Грузия» может и должна сохранить свое доброе имя уже в условиях жестокой конкуренции с огромным количеством увлекательных, ярких и красочных периодических изданий.

Этот сегодняшний фон рождает соблазн увлечения «бульварщиной», скандальными публикациями, подспудной замены истинной литературы «паралитературой».

Можно с уверенностью сказать, что «Литературная Грузия» в случае подобной метаморфозы будет недостойна своего имени. Трудные времена мы долж-

ны пережить, не изменяя своему призванию и нравственному облику, как бы это ни отразилось на нашем тираже и периодичности. Что касается периодичности, то исходя из наших реальных возможностей, предполагается, что со следующего года журнал будет выходить в квартал раз. Хотелось бы, чтобы он стал своеобразной «визитной карточкой» Грузии, — у нас есть писатели, артисты, художники, которыми можно гордиться. Что до оформления, красочности журнала, то тут, конечно же, наши желания пока расходятся с нашими возможностями — единственный в Грузии иноязычный общекультурный журнал и без цветных иллюстраций, без качественной полиграфии?! Увы, до поры мы вынуждены мириться с этим.

Широкий ареал, отражающий не только литературную, но и художественную артистическую жизнь Грузии, постепенно должен превратить «Литературную Грузию» в действительно общекультурный журнал. Более того, грузинская инициатива духовного, политического и культурного единения Кавказа диктует нам расширить сферу наших интересов и, по мере сил, постоянно учитывать также и общекавказский фон культурной и общественно-политической жизни.

Конечно же, наша первейшая задача — широко представлять негрузинскому читателю грузинскую духовную жизнь — неизменна и, независимо от объективных трудностей, мы надеемся достойно продолжать эту благородную традицию «Литературной Грузии».

Заза АБЗИАНИДЗЕ

Гиви ГЕГЕЧКОРИ

Отец

Вслед за книгами в путь
ты отправился дальний...
Я не понял, был глуп,
оценить не сумел.

И остались на полках
в кабинете и в спальне
Эти книги твои,
до которых мой ум не дозрел.

Абажур. Лысый череп:
читаешь с азартом...
Так те годы ушли...
Но помню сквозь шелест страниц,

Как бережливо с полки
опускал фолиант ты,
Словно женщине с лошади
помогал соскочить...

Сливовая водка

В плетне под кроной ореха
выщербил отверстие:
прогнать решил я водку из слив.

Когда в корыте вода закипит,
к речке спущусь за новым ведром воды.
И так до тех пор

пока жидкость не примет форму

цепочки,

пока

пламенем синим не вспыхнет
на раскаленном угле.

Когда спускаюсь к речке,
лягушка поднимает лапку
и прыгает в воду.

Теперь
только листья ореха шелестят надо мной.
Теперь я один.
Остальные ушли.
Все ушли.
И я уйду...

Когда мудрая смерть меня посетит,
и когда убедится, что я
водку в цепочку не в силах уж гнать,
что пламенем синим гореть не могу,
что выжат, как жмых, до отказа, —
Тогда смерть ведро возьмет,
а не косу
(не модно с косою ходить в наши дни...).
Значит, ведро.
И выплеснет воду на угли мои...
Так погасну в шипенье и дыме,
как этот костер под корытом...

Тост

За дней этих бархат,
как кьянти, пьянящих,
За штиль Адриатики,
к лазури манящей;
За здравие Рима,
что значился в визе,
За лунную ласку
Пульчинеллы из Пизы;
За ересь латыни
и пафос хорала,

За эту мигрень,
    что мне спать не давала;
За пуделя белого
    во Флоренции синей,
За зеркало в лифте
    и тело в витрине;
За зонтик раскрытый
    сицилийской матроны,
За гондолу в Сан-Марко
    и за Крест вознесенный;
За солнечный лучик,
    что, как ландыш, в заливе застыл,
За то, что не видел,
    и за то, что забыл...

Перевод Гиви ОРАГВЕЛИДЗЕ

Эмзар КВИТАИШВИЛИ

Я всему дивлюсь,
    как чуду

Солнца луч скользнет по полю,
Конь ли рухнет на колени —
Я всему дивлюсь, как чуду —
Свету, мельнице, сирени...

И плывущему узором
Свечки тоненькой огарку,
И прожилкам на фиалке
Удивляюсь, как подарку.

Повидавший в жизни много,
Шлю тебе благословенье,
Щит атласного каштана,
Злых шипов столпотворенье!

Для чего Христос явился,
Если реки крови льются?
Кто гранил кристалл снежинок,
Что по улице несутся?

Кто наполнил светом звезды,
Бирюзовым этим током,
Что меня со дня рожденья
Губит верно и жестоко?

Мне смешно судить о счастье,
Кто везучий — невезучий.
Что за сила крошку-семя
Обращает в дуб могучий?

Не браните, не хвалите,
Верьте, что за гранью зыбкой
И в гробу живых я встречу
Удивленною улыбкой.

Воспоминание о берегу Тихого океана

Варадеро в вечной лени,
Жарок сон песочка,
И зимою там не сыщешь
Тени лоскуточка.

Не блаженствовать мне больше
На волнах шелковых,
Там, под ясным райским небом,
Среди скал безбровых.

Жизнь уходит, ускользает,
Набирает скорость,
Все, чего я жаждал видеть,
Не увижу скоро.

Все сметает время, скалясь
Каменной химерой.
Что напомнило мне нынче
Белый Варадеро?

Неизменною и вечной
Лишь любовь пребудет,
Кто не знал ее тревоги —
Пусть иначе судит.

**Зяблику, слетевшему
ко мне в
университетском саду**

Чуть не прямо на ботинок,
Пыльный мой и рваный,
Ты слетел, в песке попрыгал,
Здравствуй, гость желанный!

Может, по сердцу тебе я
Ну хотя б немножко?
Да, не лодка я, не парус.
Удивился, крошка?

Смотрит смело, смотрит гордо,
Смотрит нежно, мило,
Может, он увидел то, что
Человек не в силах
Разглядеть в своем собрате?
Ни кусочка хлеба
Не нашел я, осрамился...
Он взлетел под небо.

Может, гость мой оскорбился,
Как знаток приличий.
Жаль, что я не понимаю
Разговоры птичььи.

Перевод **Владимира САРИШВИЛИ**

Неверный ход: конь h4 +

Шарахнула смерть — шахматный конь...
Качнуло. И ядом разлился огонь
по жилам Сократа...
Разжалась ладонь...
И кто-то из близких заплакал,
но, возможно, никто...

Ход сделан. И хоть
осторожным и был от природы,
убит ты, выходит:
нет хода вперед и назад нету хода!

Воистину, скорбь
смерти подобна...

День выборов

Раньше:

Вы грелись у двух разных каминов,
будто у одного и того же камина —
согревались одним огнем,
думали думой одной;
лежали в двух разных постелях,
будто в одной постели,
отдаваясь одной и той же страсти;
сидели за двумя разными столами,
словно за одним столом
и ели одно и то же,
правда, без аппетита,
поскольку любовь
заменяла вам аппетит...

Сейчас:

Греетесь у одного камина,
будто у двух разных каминов

и разные думы у вас;
лежите в одной постели,
будто в двух разных постелях,
и в эту постель проникает
некто третий... порою, четвертый...
И дом покидаете в разное время
по разным маршрутам и транспортом
разным,

А когда общие выборы,
кандидаты у вас разные!

Общим осталось одно:
кладбище...

* * *

За закрытою дверью
ничего не увидишь ты,
хоть Цезарем будь,
хоть Корсики идолом...

Ты же жаждешь узнать,
этой жаждой и маешься,
все про жизнь,
все про смерть
(раз поэтом считаешься)...

Кому гагринский пляж,
кому Гданьск причитается —
за закрытою дверью
и это решается...

Благородство любое,
любая нелепица
за закрытою дверью,
как зерно, перемелятся...
Ветер листья срывает,
но уносятся листья
дальше ветра,
в ту дверь,
где скрывается истина...

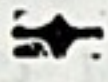
Каждый ляжет в могилу
 невзначай иль с обидою...
 Вашей жизни итог
 подведут панихидою...
 Для народов планеты
 и тут — иерархия:
 разве помнит этрусков
 наших дней демография?..

Что-то звезд не видать...
 Марс краснеть не желает...
 Очевидно, они
 за закрытою дверью мерцают...

В небе строгий баланс.
 И на суше нет лишнего.
 Но решается все
 за закрытою дверью Всевышнего...

Перевод Гиви ОРАГВЕЛИДЗЕ

День выборов

Резо ИНАНИШВИЛИ

ЦИТАДЕЛЬ

...Я вновь в Уджарма. Воскресенье, 29 июля, объявлен мною «личным днем». Я сложил в охотничью сумку бинокль, тетрадь, журнал, книгу, полбуханки хлеба, маленький топорик, — перевесил ее через плечо, взял в руки палку, выструганную из орешника, и вышел со двора. Я намеревался доехать попуткой до села Палдо, оттуда, лесом, подняться к Кобтавской пещере, взглянуть на затерявшуюся в густом лесу церковь, на которую наткнулся лет двадцать пять назад и которая произвела на меня неизгладимое впечатление, почитать в ее тени журнал или книгу, записать кое-что в тетради, если возникнет такое желание, и с заходом солнца отправиться обратно. Однако выйдя на шоссе, я встретил перед магазином группу студентов, работающих в крепости Уджарма. Они укрылись в тени акаций в ожидании попутной машины. Некоторых из них я хорошо знаю. Прошлым летом, как только выдавалась возможность, я поднимался к ним, помогал в расчистке и укреплении крепости. Был раз и в этом году — заменил сломавшиеся черенки лопат и кирок. Они тепло встретили меня. Подошел главный в группе, добрейший малый, этакий здоровяк с застенчивой улыбкой, словно бы стеснявшийся собственной силы, поздоровался и робко предложил: мы едем в крепость Бочорма, должны помочь работающим там, не поедете ли с нами? Недолго думая, я согласился. Мы вернулись ко мне домой, я и этот па-

рень, кое-что добавили к той провизии, что пригото-
вили для бочорминцев, и присоединились к остальным,
все еще ожидавшим попутки.

Надо видеть, во что наряжены эти Майи, Нино, Мананы, Темуры, Гии, Торнике и Датуны! Ведь большинству из них нет еще и двадцати! На ребятах рубахи цвета хаки, джинсы, стоптанные кирзовые сапоги, ботинки, на одном даже огромные резиновые сапоги. Брюки небрежно заправлены в обувь или в носки. На голове — наверное в пику всем «порядочным» головным уборам — у одного — вывернутая наизнанку солдатская панама, у другого — дорогая, но уже выдавшая виды фетровая шляпа, нахлобученная по самые уши, у третьего — кепка «жокейка» с длиннющим козырьком, у четвертого — голубой пластмассовый козырек с резиной вокруг головы, у пятого... И у пятого, и у десятого — головные уборы, словно бы выброшенные людьми разных поколений и разных профессий. На девушках — отрезанные чуть выше колен джинсы. Икры загорелые, в царапинах. Из выцветших кед и ботасов выглядывают пестрые шерстяные носки. Тоненькие маечки тоже утратили свой первоначальный вид. Иные из группы загорели дочерна, иные — чуть-чуть, иные же, приехавшие не так давно, все еще выглядят по-городскому. Единственное — солнце успело-таки подрумянить им щеки. Кто сидит на камнях, кто прямо на земле. Часть ребят на ногах, они как бы угрожающе тянутся друг к другу, делая быстрые, обманные движения, демонстрируя приемы бокса или каратэ — рывок вперед, затем одновременный поворот руки и туловища, слышны — аах! Уух! Держись! Большинство ребят небриты, рубашки расстегнуты почти до пояса. Девушки явно скучают, устало улыбаясь, смотрят на дурачества ребят. Один парень делит абрикос пополам, половинку протягивает Майе.

— Большое спасибо, — говорит Майя.

— Такое же большое не за что, — склоняет голову парень.

— Эй, эй! — Ребята с поднятыми руками выбегают навстречу огромному самосвалу.

— Малахольный, он же везет горячий асфальт!

— Грубые слова оскверняют душу произносяще-
го их.

— «Малахольный» не относится к категории гру-
бых слов.

— Это зависит от того, из чьей глотки оно раз-
дается.

— Тьфу!

— Не плюйся, и стой прямо, когда с тобой раз-
говаривают.

— Куда бьешь, ты и вправду чокнутый, что ли!

— Извините, повторяю по правилам.

Машины проносятся в основном легковые. За-
мечали ли вы, какой обычно горделивый вид у сидя-
щего рядом с водителем пассажира, особенно если
это молодая женщина! И здесь, на этой дороге, то
же. Но один вид наших студентов сбивает всякую
спесь с проезжающих. Почти все, и женщины и муж-
чины, тут же преображаются и с сожалением про-
вожат их глазами: почему это не они — там, вни-
зу, на выжженной солнцем голой земле, — а девушки
и парни, сидящие на этой земле, не проносятся мимо
них в комфортабельных машинах.

У магазина останавливается идущий сверху, то
есть из Бочорма, фургон. Из него выходят четверо
молодых людей, бочорминцы — две девушки и два
парня.

— Нет, вы на них посмотрите! — удивляются бо-
чорминцы. — Вы что, и сегодня работаете?

— Едем вам помогать.

— Это вам нужна помощь.

— Нет, мы серьезно, к тому же за свой счет.

Бочорминцы в некоторой растерянности.

— Но мы в баню собрались. В крепости осталось
всего несколько человек.

— Какое время — баня, люди, завтра же вы снова
будете в пыли с ног до головы!

— А мы хотим быть чистыми сегодня, — одна из
девушек бросает на нас застенчивый взгляд.

— Скажите пожалуйста.

— А вот и да!

— Но ведь по понедельникам баня не работает?
Она открыта только по субботам и воскресеньям.

Бочорминцы щурят глаза.

— Может, вы думаете, что сегодня суббота или воскресенье?

— Иди, родной, и выпипись.

— Это вы, дорогие мои, проспали все на свете, думаете, сегодня воскресенье, а сегодня понедельник, понедельник! Возвращайтесь назад.

— Какой понедельник, не понедельник, а вторник. Вот спросим девчонок — какой сегодня день, девочки?

— Понедельник! Вторник!

— Какой еще там вторник — среда!

Сегодня любой день недели, если угодно, пятница, но только не суббота и не воскресенье.

— Поворачивайте назад, ребята, поехали вместе с нами.

Бочорминцы с жалостью смотрят на уджарминцев.

— И вы такими умниками собираетесь вернуться к родителям и в свои более чем родные институты? Одолжи платок, подруга, или утри мне слезы. Огромное спасибо вам за солидарность, но мы все же пойдем в баню и даже успеем вернуться назад раньше, чем вы тронетесь отсюда. Ведь по воскресным дням на дорогах Грузии не встретишь подходящего для нас рыдвана.

— Сегодня не воскресенье, вы что, не понимаете!

Бочорминцы поднимают руки вверх. Маршем победителей они проходят по деревне. В их быстрых движениях, осанке чувствуется горделивое удовлетворение собой.

Какое-то время уджарминцы выясняют, кто решил именно сегодня отправиться на помощь к бочорминцам. Девушки с загоревшимися от азарта глазами тщетно пытаются определить проштрафившегося, никто толком ничего не может сказать, вину сваливают на тех, кто отсутствует, и тут назло бочорминцам, а может им на радость, подкатывает совершенно пустой автобус. На переднем стекле надпись «По заказу». Водитель с проседью в волосах спокойно выслушивает нас. Он едет до села Сасадило.

— Любыми средствами — вперед! Вперед! Вперед!

Водитель с улыбкой наблюдает за суетящейся молодежью.

Наконец все поднялись в автобус, рюкзаки, ящики, арбузы, лопаты, кирки разложены по местам.

— Поехали? — спрашивает водитель.

— Разумеется, уважаемый!

Автобус трогается в путь уже с иным настроением.

— Пройдите вперед, не переверните машину.

Три девушки и два парня действительно проходят вперед.

Водитель с довольным видом глядит на дорогу. Потом поворачивается ко мне:

— Они из Хати?

Я сразу не понял, о чем он.

— Они работают на Джварпатиосани?

— Да.

— Все же, что вы там строите, крепость, что ли?

— И крепость, и церковь.

Водитель бросает на меня недоверчивый взгляд.

— Да, чистим, убираем, укрепляем, чтобы и наши потомки знали, кто мы были, что умели.

— Главное — кто мы есть сегодня.

— И сегодня мы неплохи!

Водитель смотрит на меня с еще большим сомнением. У него добрые глаза, добрый лоб. У меня возникает желание рассказать ему, что я видел, когда в последний раз был у этих «ребят из Хати».

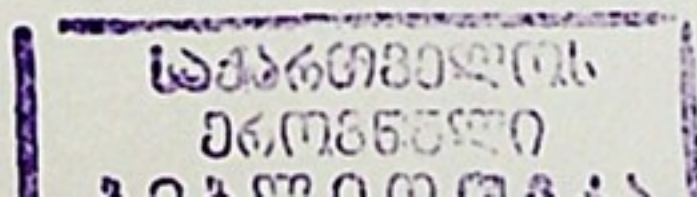
...«Прикрепленная» к нам хозяйством машина запаздывала, и на Джварпатиосани нас поднял грузовик, крытый выгоревшим тентом. (В крепости Уджарма есть церковь, построенная в честь Джвари Патиосани*, и ее именем называют порой и крепость). Дорога проходит внизу, крепость стоит наверху, на заросшем молодым лесом холме. В десяти шагах от дороги — большая куча мокрого песка.

— Это уже половина, или больше? — спросил один.

— Да где там половина!

— До половины еще далеко, парень!

* Джвари Патиосани — Крест Благородный.

— Меньше половины, намного меньше, один бросок — и делу конец!

Ребята оголились до пояса, девчата принесли мокрые со вчерашнего дня мешки. Две девушки раскрыли мешок, две другие вооружились лопатами.

— Кто идет первым?

— Я.

— Сколько потянешь?

— Сколько накидаете за восемнадцать раз.

Девушки с сочувствием взглянули на невысокого, худого паренька. Вдруг парень подскочил к другому, перебросил его через бедро, и оба упали на землю.

— Партер!

— Прекратите, что за глупости!

Борьба продолжалась в «партере».

Девочки считали:

— Семь, восемь, девять...

Борющиеся перебирали в воздухе ногами.

— Да хватит вам, хватит!

Девушки с лопатами закончили считать:

— Семнадцать, восемнадцать.

Борцы с покрасневшими лицами, наконец, разошлись. Невысокий парень подошел к мешку, закрутил его конец, с силой встряхнул и приподнял.

— Подсобите.

Подошли двое ребят, подняли мешок и положили его ему на шею и плечи.

— Отлично, поехали!

Девушки, опершись на лопаты, любовно провожали глазами поднимающегося по скалистому подъему паренька, пока он не исчез в лесу. Наверху, повыше леса, зловещим дымным призраком поднималась черная полуразвалившаяся башня. Небо за ней было замазано тонкими белыми облаками.

Подошел мускулистый парень в очках, математик.

— Сколько? — улыбаясь спросили девчата.

— Двадцать пять!

Математик не спеша закрутил конец мешка. И ему двое ребят помогли положить мешок на плечи, а этим двоим подсобила еще одна из девушек.

Ушел и математик. После него ушли и архитектор

тор, и художник, и философ. Сгорбившиеся под тяжестью, они обливались потом, а может, стекающей из мокрого мешка водой, но, чувствовалось, никого из них не смогла подавить эта ноша, ни у кого не смогла погасить какой-то затаенной довольной улыбки. Двести тридцать шагов крутого подъема, где и ослу трудно было бы пройти, а потом еще двести шагов вниз, до нижней стены крепости, на которой стоял каменщик.

— Несите! Раствор несите! — приказывал он.

Здесь тоже работали ребята и девушки, правда, уже остывшие.

Появилась группа любопытных — двое холеных мужчин, две красивые женщины и два чудных ребенка. Мужчины с недоумением, а женщины с состраданием глядели на согнувшихся под тяжестью мешков взмокших ребят.

— Думаете, песка, притащенного на ваших спинах, хватит, чтобы привести эту огромную цитадель в божеский вид?

— И это в атомную эпоху, когда в космос и обратно летают огромные лаборатории!

Лишь девушки взглянули на них, но и они, эти девушки, ничего не сказали в ответ.

Зеваки сели в свои шикарные машины и укатили.

Одна из девушек, сидя на корточках, с помощью скребка, оставшегося от мотыги, сражалась с тростником и терновыми кустами. Я взял у нее скребок...

Про все это вот я и хотел рассказать водителю автобуса с добрым лицом, но потом передумал — слишком долгим получился бы рассказ, и просто сказал:

— У тех, кто возвел эту крепость, и сегодня отыщутся весьма достойные потомки.

— Как сказать, брат, вот еду я мимо, вижу, у забора в домино режутся, возвращаюсь назад — та же картина.

— Есть и такие на этом свете.

— А все потому, что пахарь вывелся.

— А что бы он сделал?

— Разве же он позволил бы этим молодцам дар-

моедничать! Уж он-то показал бы им, где раки зимуют, да еще с помощью пары ночных пастухов бил бы ногами так, что они бежали бы до самой Гюри.

— О таком пахаре и мы мечтаем.

Водитель бросает на меня недоверчивый взгляд, проверяет, насколько я серьезен.

Бъезжаем в село Сасадило.

Автобус останавливается, и водитель, как бы извиняясь, говорит:

— Я сюда — на поминки.

— Что вы, мы и так благодарны вам.

Устраиваемся у развилки дорог на Гомбори и Бочорма. Здесь вполне можно встретить машину, идущую из Гомбори в сторону Бочорма. Вновь ожидание. Вновь довольные, а затем резко меняющие выражение лица владельцев легковых машин.

— Как вы думаете, Арсен* одолел бы Мохаммеда Али?

— Одной рукой?

— А когда Арсен пользовался обеими руками?!

— Один удар кулаком — и тот треснул бы как арбуз... Нет, брат, не советовал бы я Мохаммеду Али драться с Арсеном.

Удивительно, и здесь тоже девчата сидят как-то тихо, задумчиво. Спокойно, ласково улыбаясь, глядят то на одного из ребят, то на другого.

— Хорошая шашлычная, правда? Белая шашлычная и зеленый-зеленый дуб.

— Белая шашлычная, зеленый дуб и пегий пес. Главное, пес.

— О, простите, пожалуйста!

А на середине дороги:

— Поэты в старину смотрели на мир из окон царского дворца. Даже Руставели.

— А китайцы в эпоху Тан?

— И они. Ванчуанский отшельник, который якобы никого не хотел видеть, призывал к управлению государством просвещенного царя и предварительно беседовал с ним.

У белой стены шашлычной женщина г... л... пе-

* Речь идет о народном герое.

реднике раскладывает на черном мангале освещенные розовым светом шашлыки. Ветерок доносит приятный запах.

— Манана, приглашаю тебя на шашлык.

Манана обворожительно приподнимает брови.

— Шестнадцатое октября тысяча девятьсот восьмидесятого года. Запомнишь эту дату, и я приглашу тебя, где бы мы ни находились.

— Ради одного шашлыка постоянно думать об этом?

— Главное ведь не шашлык, главное — человеческие отношения.

В глазах у Мананы — насмешливая грусть.

— А я приглашаю тебя сейчас, но за твой счет.

— Чего лезешь вперед, нахал!

— Извините, извините!

И вновь доносится с середины дороги:

— Акакий совершенно другой. Сын гордого феодала Ростома Церетели взглянул на мир глазами босоногого мужика. «Пошел я к берегу реки, или на берег реки, думать грустную думу», — это говорит один человек, а «Где ты, моя свирель, сладкоголосая и приятная», — это совершенно другой.

Трое, потеряв терпение, отправляются пешком. Еще троих мы сажаем в согласившуюся подвести их «Волгу». Наконец появляется большая желтая машина, идущая в Сиони.

— Куда вам? — с улыбкой спрашивает сидящий рядом с водителем мужчина в спецодежде.

— В Бочорма!

— Где это?

— По пути, по пути!

— Кузов у нас железный, — опять улыбается мужчина в спецодежде.

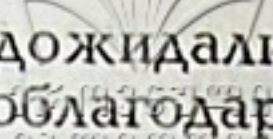
— Нам не страшен серый волк! Нам не страшен...

Ребята и девушки с лопатами и кирками в руках перелезают через задний борт. Наверное так, в старину, атакуя крепость, перелезали через стены воины. Даже девушки не издали ни звука, ни звука...

— Надо полагать, мы у крепости Бочорма.

Мы нагнали троих ребят, ушедших пешком, с громкими возгласами подняли их к нам на борт. На

дороге, ведущей от трассы к лесу, нас дожидались еще трое, отправившиеся на «Волге». Мы поблагодарили мужчину в спецодежде и водителя. Они улыбнулись вслед нам и устремленной в небо крепости Бочорма.

Цепочкой идем по аробной дороге, пробивающейся меж густых деревьев. Ночью прошел дождь, и к ногам прилипает грязь. Вытаскиваю свой топорик, выстругиваю палки из орешника для тех, кому этого хочется.

— Смотри, как они пахнут, — говорят друг другу девчата.

— Удивительно!

— Вы на цветы взгляните!

По краю поспевшей к жатве нивы растут цикорий и васильки. Нива тихонько колышется, волнуется.

— Ауу!

Небо очень синее и высокое, каким оно бывает обычно после дождя. Над вершинами гор кружат какие-то большие птицы. Один за другим выстроились в ряд большие деревья. Прекрасное зрелище они будут являть в бурю.

Приближаемся к небольшому селу Грдзелвели, всего из пяти дымов. Дома утопают в садах. Резные балконы, выкрашенные в голубой цвет, призывно проглядывают сквозь ветви деревьев. По двору ходят свиньи, поросята, индюшки.

— Вот, где должен жить человек, — с чувством произносит девушка в очках, будущий филолог.

— Телевизор здесь ничего не ловит.

— Именно потому здесь и рай.

Какое-то время мы отдыхаем в тени большого ореха. С гордостью взираем на грозные башни крепости, растущей прямо из скалы.

— Один иранский историк говорит, — грузины полегли, защищая Уджарма, а неприступную и величественную Бочорма сдали нам без боя.

— Это понятно. Уджарма не только крепость, это древнейшая моельня, место, связанное с именем Вахтанга Горгасала, еще бы ее не защищать!

Потом на помощь к нам, вконец выдохшимся на этом крутом подъеме, приходят спустившиеся сверху

ребята. Я не представляю себе более приятного зрелища, чем это: вот они выходят из крепости, сбегают по спуску, и встречают поднимающихся снизу друзей.

С Джварпатиосани открывается великолепная панорама, но отсюда, из крепости Бочорма, она еще величественней! Крепость огромна, огромен и мир, раскинувшийся перед ней. Воды Иори прорезают его мутно-желтой лентой. За ней величаво устремляются в небо темно-синие вершины Иално и Иквливи.

— Зачем эти лопаты и кирки?

— Мы пришли работать.

— Да ладно вам...

Студенты здесь живут в брезентовых палатках. Палатки стоят прямо на земле. Лишь вокруг одной прорыта канавка для воды. Стены ее пестрят надписями и рисунками.

Здесь же, недалеко от палаток, стоит знаменитый храм, Святой Георгий крепости Бочорма, памятник десятого-одиннадцатого века, один из блестящих образцов грузинского зодчества, охраняемый государством. Полностью разрушен купол и основание храма (в двадцатые годы некие молодые люди испытали здесь мощь гранаты), смыты фрески. «Копия бочормийского Святого Георгия» — говаривали еще в пору моего детства о мужественном и сильном человеке. Сейчас от этого Святого Георгия остались задняя нога коня, узлом завязанный хвост, часть копья и несколько мелких деталей. И все-таки знатоки искусства «из центра», которые вертятся здесь, полны благоговения. Фотографируют. В храм заглядывает синее-синее небо.

Начата уборка осыпавшейся вокруг храма земли.

— За дело, ребята!

Наступает апогей прекрасного — «совместный» труд оголенных по пояс юношей и стоящих рядом с ними улыбающихся девушек. Ребята с такой силой размахивают кирками, что обломки камней с визгом разлетаются в стороны. Девушки, склонив головы, ожидают, пока наполнят землей носилки. Некоторые раскачиваются на заступах. Земля крепкая-крепкая. Камни еще крепче. Девчата и парни с видом заговорщиков бросают друг на друга взгляды, исполненные

любви. Много мешает их работе, хотя бы то, и это главное, что нет даже элементарного плана работы. Учреждение, которому государство вменило в обязанность составление планов, не позаботилось об этом.

Анекдот, рассказанный во время раскачивания на заступе:

— Делегация негров — в Кахети. Сидят за накрытым столом. Один из кахетинцев поднимает глаза, негр смотрит на него, опять поднимает глаза, опять этот негр смотрит на него.

— Чего уставился, не я же тебя выкрасил! — разозлился кахетинец.

Что это я здесь наплел? Я же очерк собирался написать! Должен же я хоть раз потрудиться во славу этого уважаемого жанра! Вы и представить не можете, сколь уважаем жанр очерка. Доказательство? Пожалуйста! К сведению читателей, поедешь куда-нибудь ненадолго и напишешь что-то вроде «Встает рассвет», но никто тебе заранее даже дырявой монеты не даст. А вот очерк — дело другое. Если ты собрался писать очерк, тебе дадут деньги за год вперед. Наверное потому, что в очерке меньше шансов «схалтурить», скажем, расписать его коротенькими диалогами и так далее. Действительно, что ж это такое, братцы: напишешь в диалоге рассказа одно слово — «Конечно» или еще более короткое — «Да», и оно тебе за одну строку засчитывается, которая оплачивается, между прочим. Нет, брат, ты напиши солидный очерк, чтобы каждая строка от начала до конца была заполнена, и получай свое заслуженное вознаграждение, и пусть оно пойдет тебе впрок! Я давно уже пришел к такому выводу, именно к такому. Однако продолжаю писать как прежде. Простите меня и на этот раз, вы ведь понимаете, как нелегко переходить от одной манеры письма к другой, а уж в будущем я непременно напишу настоящий очерк без диалогов.

Впрочем, что еще сказать?

Вернулись те, кто ушел в баню, — чистенькие, красивые. И тоже взялись за кирки и лопаты, живо встали рядом с остальными. Да, и сюда тоже добрались, правда, другие уже зеваки: — Что, дескать, вы можете сделать с этими развалинами? — спросили с

сомнением. И опять ни парни, ни девушки ничего не
сказали в ответ. Работали до вечера. Щедро ссыпали
землю вниз со скалы.

А вечером, когда солнце собиралось спрятаться
за Иквливи, на скалистом плато крепости накрыли
импровизированный стол. Казалось, несколько Агази
прислуживают нескольким Джокола и Звиадаури*.
Кто-то разжег небольшой костер, и дым поднимался
ровно-ровно ввысь.

За этим столом сидел и я, пожилой человек, и
мечтал, чтобы мне не раз еще пришлось поработать с
такой молодежью. Хотя бы так: пусть они почаще ло-
мают черенки лопат и кирок, а я своим топориком бу-
ду выстругивать и выстругивать для них новые. И
конечно же, всегда под милосердным взглядом матери
нашей Отчизны.

Перевод Майи МЕРАБИШВИЛИ

---

* Герои поэмы Важа Пшавела «Гость и хозяин».

Реваз СИРАДЗЕ

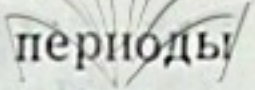
„...Тяжела несправедливость мира...“

Судьба распорядилась так, что царь Вахтанг VI (1675—1737) стал создателем целой эпохи в истории Грузии. Потом эту эпоху стали именовать — «временем возрождения» (по мнению С. Додашвили, правильнее было бы «время восстановления»). Ее датируют XVII—XVIII веками, хотя главные события произошли в последнем. Вдохновителем и вождем этой исторической ступени культурного развития был Вахтанг VI.

Трудно определить, что является главным в его деятельности. Быть может то, что он разработал правовые законы для упрочения в стране государственности? Или то, что создал комиссию «ученых людей», чтобы они написали новую летопись страны, способствовали формированию системы исторического сознания нации? Он же основал в Тбилиси первую грузинскую типографию, где в закономерной последовательности были изданы сперва «Евангелие», а затем «Витязь в тигровой шкуре». Причем, поэма Руставели вышла с комментариями Вахтанга, в которых сформулированы его литературоведческие принципы (осмысление двуплановости текста и подтекста), что заложило основу научной руствелологии. Вахтанг стал одним из инициаторов обновления грузинского стихосложения, способствовал утверждению неклассицистической метрики. Он восстановил и обновил церкви и монастыри, очаги культуры и просвещения. Причем, все это и еще многое другое осуществлялось в пору сложнейшей политической и государственной ситуации.

Сущность вахтанговой лирики, да и переводов, вряд ли всегда можно объяснить его литературными интересами. Вах-

танг работал в изящной словесности фактически в периоды принудительной свободы. Во время многолетней ссылки в Иран выбор у него был невелик. Он оставался верен утвердившейся в родной литературе традиции — переводил с персидского эпические сочинения («Висрамиани», «Шахнамэ»), но не лирику, даже не ее классические образцы. Ибо лирика в большей степени способствовала бы распространению иноземного духа. Героические, любовные и дидактические произведения больше подходили христианской литературе, обогащали светскую словесность, которая растворяла, сводила на нет неканонические тенденции, дабы в дальнейшем они не распространялись в виде религиозной ереси.

В 1722 году Петр I предал Грузию — вынудил Вахтанга выступить против Ирана. По договоренности грузино-армянское войско вошло в Гянджу и стало ждать русскую армию, но тщетно... Все это имело роковые последствия для Грузии. В 1724 году Вахтанг с более чем большой свитой отправился в Москву в надежде получить помощь от православной России. Давид Гурамишвили писал — «В городе Москве мы ждали солнца». Надежда и ожидание оказались напрасными.

В селе Всесвятском под Москвой тогда выросла как бы Грузия в миниатюре, что явилось выражением большой трагедии страны: здесь находился царский двор, вельможи, духовенство, слуги, слышалась грузинская речь, но земля была неродной. Оставалась лишь эфемерная надежда на возвращение, и хранить ее также должен был Вахтанг. Разумеется, трудно судить, считал ли царь свое дело обреченным, но в стихах не высказан ни один упрек России и ее правителям, правда, почти все они пронизаны мотивом проклятия миру сему.

Рядом с Вахтангом на политико-государственной, церковной, научной и литературной арене стояли значительные личности — С.-С. Орбелиани, Д. Гурамишвили, М. Бараташвили, патриарх Доменти и др. Но духовной поддержки он, пожалуй, почти не испытывал. Вероятно, потому поиски преодоления одиночества и обретения духовной обители выражаются хотя бы в такой форме — «Пойду, стану пастухом, буду ходить по горам и долинам». Это не поэтический артистизм, не стремление к пасторальному быту. Это — желание спастись от одиночества. Сама поэзия Вахтанга — своеобразное духовное убежище, способ преодоления тоски. Поэтические раздумья даже о бытовой грусти — возвышают.

Царь и поэт, человек, жертвовавший собой во имя родины, когда от него требовали принятия мусульманства, не отрекся от веры предков. Он скончался как православный христианин и нашел вечный приют в астраханском храме в 1737 году.

В лирике Вахтанга проявляется пессимизм личностный, но не национальный. Надежда на спасение нации опиралась на религиозный оптимизм.

Творчество Вахтанга представляет синтез восточного и западного начал, в нем охристианена восточная тропика. Во главу угла поставлена любовь к Христу. В принципе по этому пути следует и Давид Гурамшвили. Образам и лирическим мотивам, взятым из фольклора, он смог придать христианское содержание.

Так что тропика в стихах Вахтанга не может быть воспринята только как персидская по содержанию.

Думается, главным в творчестве Вахтанга является всеобъемлющая любовь. Она пронизывает все. Она превращает в единое целое Бога, родину, родную природу, небо и женщину. Поэтому можно сказать, что основным предметом поэтической мысли для Вахтанга является сама любовь. Любовь — высшая реальность, духовная реальность, которая проявляется в разных лицах, в разных образах. По мнению Вахтанга, сущность каждой истинной любви — Божественная любовь. Божественная любовь, Божественное желание, Божественное стремление.

Другое дело, с каким художественным мастерством осуществляет поэт воплощение этой любви в конкретном образе. Вахтанг часто не может избежать установившихся, традиционных мотивов, хотя нередко достигает и высокого художественного уровня. О его потенциальных художественных возможностях свидетельствует хотя бы такой образ — «дерево безлистное, покройся вместо листьев муками Христа». И дальше — в возникшей тени надо дать отдохновение страждущим от жара грехов. Жизнь дерева проявляется в листьях. Безлистное дерево — бездуховное бытие, как жизнь лишеного доброго начала человека. Он должен проникнуться сочувствием к страстям Господним. Главное, добро человека должно быть направлено на ближнего, чтобы он сумел обрести духовный покой, духовную обитель.

УТЕШЕНИЕ СЕРДЦА
(отрывки из поэмы)

О Господи, приязный казнь во имя нашего спасенья,
Безгрешный, вечный, всеблагой, услышь несчастного
моленья!

Прошу Тебя и всех святых мне даровать свое
прощенье
За безрассудные грехи, что совершал я в ослепленье.

Мир измывался надо мной, и день и ночь пытал сурово.
Я к совести его взывал, но что ему молящих слово!
От горьких слез промок подол, я затихал и плакал
снова.

Невыносимо тяжела несправедливость мира злого!

Я бросил свой народ и дом, детей оставил без надзора
И в чуждедальной стороне от вражьего укрылся взора.
О Боже правый, помоги тому, кто стал презренной
сора,
С понурых плеч его сними одежды скорби и позора.

Дверь в радость заперли на ключ, и замер я пред
ней устало,
И девять дротиков огня в меня свои вонзили жала.
Я зарыдал, и слез река была подобием обвала.
С душой расстаться не грешно, когда в груди ей
тяжко стало.

.....
Влюбленных страстно я решил жестоким опалить
пожаром,
Заставить их ревмя реветь и биться в исступленье
ярмом.

Познать разлуку, почернеть, согнувшись под ее ударом,
Чтоб легковерный никогда не доверялся жизни чарам.

Не утешать тебе дано — испепелять, светил царица.
Сражен твою стрелой, дрожа, как в сердце раненная
птица.

И хоть хлопочут лекаря — не суждено мне исцелиться.
 Миджнуры, плачьте надо мной, в слезах желаю
 утопиться.

Чернильные озера глаз, бровей невиданных агаты,
 В моих мучительных слезах как вы жестоко виноваты!
 До мига сжались дни мои—я опален тобой трикраты.
 Прочь не гони меня, молю, не то умру, тоской объятый.

Из-за любви к тебе, кумир, терплю отныне муки ада:
 Сгораю бабочкой ночной, бьюсь соловьем в колючках
 сада,
 И стражду, словно еретик, бродягой мучаюсь от хлада.
 Мне в этом мире счастья нет, а тот, иной, сокрыт от
 взгляда.

Морозам не отнять у роз вовеки рдяного их цвета.
 Свечу огню не растопить, пылай он даже до рассвета.
 Точило так не сточит сталь, как с сердцем делаешь
 ты это.

А ранишь глубже, чем кинжал, ни в чем не ведая
 запрета.

Я от огня твоих ланит воспламенился поневоле,
 И вмиг ногой попал в капкан, и скорчился от дикой
 боли.

В горящем сердце проку нет, когда душа живет в
 неволе.

Заплачут братья обо мне, не перенесшем горькой доли.

Ну с кем тебя могу сравнить — никто не выдержит
 сравненья.

Средь смертных не было еще столь совершенного
 творенья.

Все целомудренно в тебе, все создано для поклоненья.
 Великий Боже, гибну я, влюбленный до самозабвенья!

Ты скрылась в крепости, увы, и не взломать врата
 твердыни.

Сама же нас не вступишь в рай, во всем верна своей
 гордыне.

От метких стрел твоих горим, в огне моля о
 благостыне.

Ты повергаешь в прах мужей, что слыли твердыми
 доныне.

Моя безумная любовь рождает песен чудо-звуки,
Твоим сияньем ослеплен, я славлю сладостные муки.
Бровей агатовая нить связала сердце мне, не руки.
Блистаешь ты, а я реву, предчувствуя тоску разлуки.

Коль роза алая в саду смеется звонко, расцветая,
Мир улыбается в ответ, цветку веселому внимая.
Но коль предестница, что лед, к тому ж безмолвна,
как немая,
В нее влюбленный загрустит, хоть садом будут кущи
рая.

Ты не луна, но, как она, лучи у солнца захватила.
Ты ярче звездного огня, дневного солнечней светила.
Твой свет рассеивает мглу — такая в нем таится сила.
Собой божественный Сатурн, легко, играючи затмила!

Я высоко был вознесен: карал врагов, был добр с
друзьями,
И подданных не обижал, достойных радуя дарами.
Но злом воздалось за добро, дни обернулись мне
ночами.

Отныне заживо гнию в зловонной и глубокой яме.

Пошел народ против меня — какая страшная минута!
Мои дворовые и те возненавидели вдруг люто.
О всемогущая судьба, ты обошлась с безвинным круто:
Забрала родину и кров и доказала, друг — Иуда.

Сижу у запертых дверей — связали намертво напасти.
И вести, горькие как яд, рвут сердце бедное на части.
Ужасной казнью мне грозят те, у которых я во власти.
Но верую, Господь вернет скитальцу дом его и счастье.

Апостольский не слышат глас, хотя он яростней
набата.
Ну как поверить в святость тех, кто беспощадно губит
брата.
Молились в церкви мы одной, я был царем для них
когда-то.
Но предали они меня коварней злого супостата.

Перевод Георгия АШКИНАДЗЕ

Памяти друга

Переводы шаири Вахтанга VI — одна из последних работ талантливого поэта-переводчика Георгия Ашкинадзе. Он умер в расцвете творческих сил, и многое из задуманного им, увы, не осуществится.

Начинались теперь уже далекие семидесятые годы, когда мы с ним встретились и подружились в коллективе энтузиастов душанбинского журнала «Памир», где возникла идея создания рубрики «Антология тысячелетия». Задумка эта позволила расширить круг переводчиков-ориенталистов, вылавливавших из бездонного океана поэзии фарси все новые и новые жемчужины. Георгий Ашкинадзе проходил здесь трудную выучку в постижении тайн капризной газели, жестких контуров премудрых рубаи и секретов, позволяющих превращать бейты в воздушную прозрачность течения строк. Это была большая школа, и привела она его в итоге в мир грузинского классического стиха. Его избранниками стали поэты-цари: Арчил II, Теймураз I, Вахтанг VI и их современники, преломлявшие традиции Руставели в контексте сложных исторических перемен.

Георгий Ашкинадзе часто бывал в Тбилиси, очень любил старую часть этого города, и особенно Майдан, где скрещивалась символика трех великих религий, где каменный Сиони, оттеняя кирпичную синагогу, искоса взирает на глазурный купол минарета.

Он был нашим другом, любил Грузию сквозь призму ее многовековой поэзии, в окоеме ее живописных пейзажей, в звучании ее многоголосия...

Поэт ушел из жизни, но, я уверен, переводы его еще долго будут необходимы любителям поэзии, читающим по-русски.

Гиви ОРАГВЕЛИДЗЕ

„КОНТРАБАНДИСТЫ“ БЕСО СОЛОМОНАШВИЛИ

Этот рассказ почему-то напомнил мне фильм боснийского кинорежиссера Кустурицы о цыганах. И здесь та же удивительная, поразительно емкая непосредственность, те же бесконечные одиночество или боль, которые так роднят представителей рода человеческого. Пластичные картины быта воссозданы с помощью точно найденных деталей, и постепенно перед нами разворачивается сама жизнь, которая течет подобно той самой реке, что, по словам автора, проносит человеческие трупы. Мир, созданный писателем, пронизан печалью маленького человека, удивительно тревожным, ему самому непонятным влечением. Это влечение Киплинг назвал «весеннее брожение», только в отличие от вольного, свободного героя Киплинга перед нами в данном случае — словно бы рожденный в тюрьме юноша, выросший в жестко локализованной среде, с его робкой и потому тщетной попыткой отстоять свое. Поэтому его любовь — да, и это чувство нам следует назвать великим словом, ибо в сером море будней оно, возможно, единственный романтический проблеск — не устремляется к небу пурпурными красками рассвета, но разбивается о грязную стену вендиспансера...

Все происходит словно во сне или на другой планете, куда переселился наш народ после постигшего его огромного несчастья; словно этот народ и здесь, ничего нового не придумав, живет по старинке, следуя своим нравам и обычаям, но главное — живет, что и является основной мыслью этого, на первый взгляд, бесстрастного рассказа. Здесь все говорит

языком поэзии. Взять хотя бы этот единственно яркий цвет — цвет кизила, который неожиданно сверкнет то здесь, то там на всем протяжении рассказа. Он воспринимается как пятно, наложенное на холст рукой живописца, как единственный цветной, музыкальный звук, который невольно заставляет задуматься о разыгравшейся здесь трагедии или пролитой крови.

Многое можно было бы сказать об этом рассказе, вспомнить множество деталей, увиденных глазами истинного художника, но лучше, наверное, предоставить читателю право самому вынести суждение о нем.

А внимательный читатель легко заметит не только бесспорную одаренность автора, но и тот радостный факт, с которым связано рождение нового писателя.

Тамаз ЧИЛАДЗЕ

Бесо СОЛОМОНАШВИЛИ

„КОНТРАБАНДИСТЫ“

Перед тем как снести яйцо, курица отчаянно кудахчет и идет к облюбованному ею месту. Не обнаружив там яйца, несушка попросту не узнает гнезда, и одному Богу известно, под каким деревом или кустом, в каком стоге сена вздумается ей снестись. Поэтому крестьяне обычно используют «подкладень» — вырезают яйцо из дерева, красят его известкой, и таким вот образом дурачат курицу. Настоящее яйцо оставлять в гнезде нельзя. Рано или поздно его сожрет самовольно забредший во двор бродячий пес или кто-либо ему подобный; вкусив яйца, он станет наведываться регулярно, а потом и от курицы не откажется, ну а если обманется и схватит деревянное яйцо, то зубы сломает и уже на ружейный выстрел к тому месту не подойдет. Но какой же это бродячий пес, если нюх у него не натренирован, скорее он принюхается к деревянному яйцу, лизнет разок и уже не посмотрит в

его сторону, да что там в его, в сторону этого места вообще.

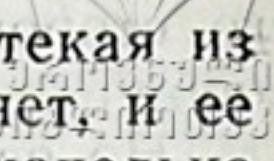
Но если несушка все же потеряла гнездо и куда-то устроилась где-нибудь в укромном месте, надо искать петуха — он непременно окажется поблизости, с вытянутой шеей орущий во все горло в знак подтверждения своих прав и обязанностей. Взрослый здоровый петух должен заботиться не менее чем о десяти курах, а то трех или четырех он попросту подавит. Взъерошив перья, он вскакивает на курицу, полный сил, подминает ее под себя, обрушивает сокрушительные удары клювом на голову и шею бедняжки и топчет ее окровавленную и обессиленную, а обессиленная наседка не сможет порадеть и о десятке цыплят. Вообще-то курица прекрасно обходится без петуха и без него кладет яйца — такие же круглые, в такой же скорлупе, с таким же желтком,, столь же годные для жарки на сковороде и столь же вкусные — одно только, из такого яйца никогда не вылупится цыпленок, высиживай она его хоть годами. И петух обходится без курицы, хотя кому нужен петуший бобыль, ему и до Рождества не дадут протянуть, свернут шею, чтобы попотчевать первого же гостя.

Отец никак не смог выкроить время, чтобы вырезать из дерева яйцо, и обманывал курицу, подкладывая в гнездо лежалое... Но, как видно, непрошенный гость в очередной раз уничтожил приманку, и в очередной раз курица потеряла гнездо, и, когда в один прекрасный день она отчаянно закудахтала, отец бросил свое дело и отправился на поиски петуха. Спустя некоторое время вернулся с довольной улыбкой на лице.

— Нашел, — важно бросил он сыну, — возьми старое яйцо и положи в новое гнездо, а новое заberi, пока кто-нибудь не забрел и не сожрал его, — он объяснил, где снеслась курица, и снова принялся собирать кизил в огромную корзину.

Кизиловое дерево цветет ранней весной маленькими желтыми цветами, а его тонкие темно-красные ягоды созревают поздней осенью. Из всех фруктовых деревьев оно раньше других подает надежду и дольше других заставляет ждать. Кизил — кислый, при одном его упоминании рот наполняется теплой слюной. Сок —

цвета крови пышущего здоровьем человека, вытекая из одной ягоды и попадая на другую, и ее уязвляет, и ее заставляет истекать соком. Там, куда попадает капелька сока, появляется пятно, нечего и думать отстирать его, след остается неистребимый.

— У каждого села своя прибыль, — говорил отец, заполняя корзину вместе с сыном, — у нашего — кизил, — он запустил руку в красные ягоды и помешал их. — Возьми, к примеру, Хандаки: когда приходит время, хандакцы с семьями переселяются в северные горы, там они собирают джонджоли*, там же маринуют, а потом здесь продают. Вот так целыми семьями собираются и все от мала до велика уходят на север.

— Но ведь северные горы очень далеко отсюда, — сказал мальчик.

— Тем не менее они туда уходят, — ответил отец, покрывая наполненную корзину тряпкой, измазанной красными пятнами.

Мальчик принялся наполнять другую корзину.

Тут же, сидя на треногом стуле, его младший брат плел корзину из тонких желтых прутьев. Прочные стенки корзины были закончены, и теперь мальчик трудился над ручкой. У его ног валялось несколько туго сплетенных днищ. Зажатая между колен корзина была почти готова — осталось вплести несколько прутьев.

— Может, успеешь сделать еще одну до моего возвращения, — сказал отец и отшвырнул ногой одно из днищ.

Машина пришла поздно ночью. Шофер был хороший человек, сын у него был борец, а отец играл на доли, когда в праздники устраивались поединки. В кузов уже набились люди. И у них было много корзин, покрытых тряпками в красных пятнах. Отец, мальчик и его брат подняли свои и влезли сами.

— Езжай! — впереди стоящие ударили широкими крестьянскими ладонями по крыше, и шофер тронул машину.

В этом маленьком, ничем не приметном городке электрическими огнями светились лишь железнодорож-

---

* Каперсы.

ная станция да полицейская машина, время от времени с оглушительным воем проносившаяся по улицам как напоминание гражданам о законе и порядке. А самая большая в стране река, что протекала за городом, несла мертвецов — результат боев, разгоревшихся в ее истоках. «Вот и сейчас два трупа вынесла», — говорили мужики.

Грузовик подъехал к единственно освещенной станции и остановился на порядочном от ее желтого здания расстоянии. Пассажиры спустили с кузова свои корзины, поблагодарили шофера, который имел сына-борца, и, поскольку был хорошим человеком, ни у кого не потребовал вознаграждения.

Вновь прибывшие тайком внесли корзины на перрон. Там их встретил целый ряд таких же корзин, выстроенных вдоль полотна, абсолютно одинаковых, покрытых тряпками в красных пятнах. Впрочем, хозяева никогда бы не спутали их. Наиболее боязливые поставили свое добро в укрытии. Вновь прибывшие были встречены с нескрываемым неудовольствием, ибо каждая новая корзина снижала цену всех остальных.

Поезд запаздывал. В городе стояла такая жара, что воздух на станции казался спертым. Мужчины сняли рубахи, обнажив волосатые груди и животы, и, скучившись, о чем-то спорили.

Один из них, подняв глаза на сверкающий ламп-он, сказал:

— Уладим дело со светом?

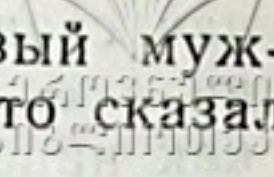
Спор прекратился, все стали шарить в карманах и совать в мозолистую руку инициатора бумажные деньги. Тот направился к желтому зданию к дежурному по станции, который дня два назад женил сына и сейчас угощался остатками пиршества в своем кабинете.

Мужчины все еще горячо спорили, когда мимо них промчался товарняк, заглушивший своим грохотом их голоса.

Тем временем погас свет. Темнота накрыла перрон, остались гореть лишь лампы возле станционного здания, свет от которых бледно высвечивал лица людей.

Отец беседовал с высоким молодым человеком без одного переднего зуба. Мальчик и его брат сидели тут же, на бетонном бордюре, свесив головы и уставившись на плитняк.

К отцу и высокому подошел голубоглазый мужчина, пожал им обоим руки, улыбнулся, что-то сказал и отошел.

— И этот едет? — спросил отец.

— Да, — ответил высокий.

— Тьфу, — сплюнул отец.

Голубоглазый переходил от одной группы беседующих к другой.

— Едет! — крикнул вдруг кто-то со стороны станционного здания. Вдали показались огни поезда. Тут погасли и остальные лампы, и станцию поглотила кромешная тьма.

— Это чтобы никто не видел, как мы в поезд садимся, — сказал отец мальчику, — но этот мы пропустим.

Станцию освещали лишь огни поезда, да и то где-то впереди. У вагонов суетились чьи-то тени, перебежали от одного к другому, заносили внутрь грузы, слышалось лишь мужское пыхтение и тихое: «Скорей, скорей, скорей!»

— Готово! — крикнул кто-то, и поезд осторожно тронулся. Проводники вскочили на ступени уже идущего состава и закрыли тамбуры. Последний вагон еще не выехал со станции, как у желтого строения снова зажглись лампы. В бледном свете возникли изрядно поредевшие ряды корзин. Добрая половина мужчин тоже отсутствовала.

Отец опять разговаривал с высоким. Мальчик с братом сидели на бордюре. К отцу подошел широкоплечий усатый мужчина с маленьким мальчиком.

— Везешь с собой? — спросил отец у усатого и указал пальцем на мальчонку.

— Везу, — ответил усатый, — заодно море увидит.

Отец поглядел по сторонам, щуря глаза, и опять спросил:

— Много у тебя?

Усатый бросил выразительный взгляд в сторону, где под застывшими в темноте деревьями угадывалось множество корзин.

— Ого! — удивился отец.

— Жить-то надо, — ответил усатый и уставился туда, откуда ожидался поезд. У въезда на станцию мерцал красный огонек.

— А тебя море не интересует? Поехали со мной,
— обратился отец к старшему сыну.

— Нет, — ответил мальчик.

— Не любишь море?

— Люблю, — сказал мальчик и добавил, — пойду попою, — он встал и направился к залу ожидания.

Голубоглазый отошел от одной группы что-то с жаром обсуждавших мужчин и подошел к другой.

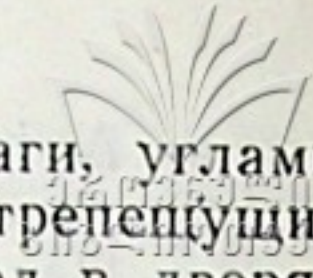
У фонтанчика стояла длинная скамья, с одного ее краю сидели двое, вокруг них все было уставлено корзинами. Увидев мальчика, они умолкли. На другом краю скамьи кто-то спал сном праведника. Там же, рядом с газетным киоском, стояли заросший мужчина и маленький мальчик. Заросший что-то говорил мальчугану, а тот размахивал руками и издавал непонятные звуки: «Ауаа, уаа!» Заросший был явно нездоров — он хрипло и надсадно кашлял и то и дело утирал мокрый нос — но с улыбкой продолжал беседовать с мальчуганом, а тот не слышал его и не мог ответить.

Мальчик подошел к зданию станции. На углу стояла красная машина, двое мужчин, облокотившись о багажник, беседовали с полицейским. Гладковыбритое лицо полицейского украшали длинные усы, из-под мышки торчала коричневая папка. Мальчик узнал полицейского — у него были те же погоны, что и тогда, несколько лет назад, такой же длины усы и даже та же коричневая папка, торчащая из-под мышки. Мальчику почему-то вспомнился мертвец, которого самая большая река в стране принесла из своих истоков.

В зале ожидания на зеленой стене висело расписание поездов. Под расписанием темнело маленькое окошко, забранное железной сеткой. Мальчик уставился на расписание. Затем перевел взгляд на объявление, висевшее у окна. В нем говорилось о заключенном, бежавшем из тюрьмы. К народу обращались за помощью в поимке беглеца. В углу объявления красовалась маленькая тусклая фотография — ничего не разобрать. В особых приметах говорилось, что у беглеца на руке вытатуирована русалка. В самом низу алело набранное красными буквами предостережение: «Преступник вооружен и очень опасен».

Мальчик потянул за отклеившийся кончик объявления и разорвал его по диагонали. Ворвавшийся в две-

ри ветер крыльями взвил два клочка бумаги, углами приклеенной к стене. Мальчик смотрел на трепещущие клочья, смотрел, а когда повернулся, увидел в дверях зала ожидания женщину. Она стояла спиной к нему. Поверх черного платья на ней была джинсовая куртка без рукавов. Длинные загорелые ноги и руки говорили о ее молодости, но крайне неухоженные волосы и обувь делали похожей на отчаявшуюся женщину средних лет.

Мальчик не отрывал глаз от незнакомки. Вдруг перед ним вырос глухонемой.

— Ауаа, уаа, — размахивая руками, он пытался что-то сказать ему.

— Не понимаю, — пожал плечами мальчик.

— Ауаа, уаа, ауаа, — повторил глухонемой, похоже, он о чем-то спрашивал.

— Нет, не понимаю, — повторил мальчик обеспокоенно, ему очень хотелось помочь бедняге. Тот, махнув рукой, направился к скамье, на которой сладко посапывал мужчина.

— Ауаа, уаа, — сказал глухонемой мужчине. Тот приподнялся, посмотрел на него затуманенными глазами, затем опустил голову на скамью и снова провалился в сон.

Женщина вышла из зала ожидания, мальчик последовал за ней. Выйдя, он увидел ее, сидящей на длинной скамье у двери. Мальчик взглянул на нее — оказалось, это девушка лет двадцати. Вокруг глаз у нее багровели синяки. Ноги действительно были длинные. Она сидела, свесив голову, и исподлобья смотрела перед собой.

Мальчик пошел вдоль перрона. Девушка сняла куртку, положила на колени и начала что-то делать с ней. Когда она снова надела ее, это была уже куртка с длинными рукавами. Она сунула руки в карманы и вобрала голову в плечи.

— Чего ждете? — услышал мальчик голос полицейского. Девушка не шевельнулась. Мальчик посмотрел в их сторону и остановился.

— Поезда больше не будет, — снова сказал полицейский, обращаясь к девушке. — Вы что, немая? — в голосе его уже звучало раздражение. — Ну-ка, следуйте за мной! — грозно закончил он. Девушка встала

и проследовала за полицейским, который оказался ни-
же ее ростом.

— Едет! — закричали вдруг. Вдали показались ог-
ни поезда. На станции вновь погасли лампы.

«Это для того, чтобы никто не видел...» — подумал мальчик и побежал в ту сторону, где, как он предполагал, находились отец и брат. Поезд остановился. Заметались тени. Мальчик бросился к корзинам, отец и брат уже тащили свою часть груза. Отец вскочил в поезд. Проводник тихо командовал: — Вы туда, а вы сюда. — Его широко раскрытые глаза мерцали в темноте.

Мальчик с братом подавали корзины отцу. Вокруг носились нагруженные мужчины. — Скорее, — шептал проводник. — Погодите, немного осталось, — отвечали мужики. — Подсоби! — просили пыхтя. Покончив со своими корзинами, мальчик стал помогать другим. — Ох, ну и тяжесть! — еле выдохнул он, взявшись за одну из корзин. Он глубоко вздохнул, напряг все мышцы тела и, задержав дыхание, поднял ее и зашвырнул в тамбур. «Справился!» — пронеслось в голове. — Как ты поднял ее один? — удивился кто-то, прыгая на ступеньку поезда. — Ерунда, — ответил мальчик стоящему на ступени силуэту. Поезд тронулся. — Скоро вернусь, — крикнул отец из окна вагона.

Вспыхнули станционные лампы. Перрон был пуст — ни людей, ни корзин. На скамье возле газетного киоска все еще спал мужчина. По обыкновению журчал фонтанчик питьевой воды. Глухонемого мальчика нигде не было видно.

— Пошли? — спросил мальчика брат.

— Пошли! — ответил тот, и только они собрались перебежать через железнодорожное полотно, как жуткая боль пронзила его где-то в области почек.

— Оххх! — стиснув зубы, выдохнул мальчик. Его прошиб холодный пот.

— Что случилось? — испуганно спросил брат.

— Не знаю, ничего, — мальчик схватился за поясницу, медленно подошел к скамье возле киоска и тяжело опустился рядом со спящим. «Они шли сюда, а потом... Они шли сюда, а потом...» — пробормотал тот во сне.

— Это все из-за тяжестей, — сказал брат и, смочив руки под фонтанчиком, провел ими по лбу мальчика. Тот вскоре поднялся.

— Пошли, — сказал он брату и, поскольку машина, шофер которой был очень хорошим человеком, уже ушла, им пришлось возвращаться домой пешком. Поясница глухо болела, и они шли не спеша.

Им предстояло пройти мост, перекинутый через самую большую в стране реку. Мальчик молча шагал по неровным, поперечно прибитым деревянным рейкам. За ним следовал брат, поглядывавший на реку.

— Что это? Труп? — спросил он вдруг дрожащим голосом.

Мальчик посмотрел вниз.

— Нет, это пень, вода несет пень, — ответил он глухо.

Некоторое время они шли молча.

— Интересно, море тоже несет трупы? — нарушил молчание брат.

— Наверное, море ведь больше реки, — тем же глухим голосом ответил мальчик. Когда они уже почти перешли мост, брат мальчика еще раз глянул на реку, замер на миг и спросил:

— Интересно, сколько рек уместится в одном море?

Девушка всю ночь провела в станционном здании. Здесь, в полицейской комнате ее уважили пятеро мужчин. Пальма первенства, разумеется, принадлежала полицейскому, второй был самый толстый из пятерых. Он обливался потом и двигался не спеша. Третий или четвертый, девушка точно не помнит, похоже, впервые имел женщину. Поначалу у него дрожали колени, и руки были, как лед, а потом он яростно обрушивался на ее живот, словно хотел вырваться из некоего несправедливого заточения. Потом девица с синяками вокруг глаз спала мертвым сном без сновидений. На рассвете ее разбудили. На сей раз их было трое. Полицейский отсутствовал, а один был и вовсе незнаком. Когда вошло солнце, она наконец вышла на перрон. Все тело ломило. За ней увязался полицейский.

— Теперь куда? — спросил он.

Девушка пожала плечами.

— На вот, возьми, — полицейский сунул ей в карман куртки две смятые десятирублевки.

Девушка ничего не сказала — ни «спасибо», ни «до свиданья».

Полицейский вернулся в зал ожидания. Грохоча и покачивая вагонами, к станции подошел поезд.

Дней через двадцать полицейский, у которого было гладковыбритое лицо и длинные усы, со спущенными до колен штанами стоял перед мужчиной в белом халате. Мужчина в белом пристально разглядывал низ живота и то, что находилось под ним. Он даже снял очки и какое-то время всматривался, щуря глаза, а потом задумчиво откинулся на спинку стула. Положив очки на стол, поднял глаза на полицейского.

— Та-ак! — произнес он и вызвал кого-то, не отрывая взгляда от стоящего перед ним.

В комнату вплыла дородная женщина, тоже в белом. Полицейский мигом натянул штаны и, повернувшись спиной к женщине, стал застегивать их.

— Кровь, — приказал мужчина в белом женщине в белом. Толстуха болотным комаром жадно вытянула у полицейского кровь из вены. Вылила содержимое шприца в маленькую стеклянную колбу, нацарапала несколько букв на бумажке и, улыбнувшись, вышла из комнаты.

— Когда это, вы сказали, был у вас контакт? — спросил мужчина в белом.

— Что? Ах, да, дней двадцать назад, — испуганно ответил полицейский.

— Та-ак! — протянул мужчина в белом и поинтересовался, — женаты?

— Нет, — полицейский широко раскрыл глаза.

— Это хорошо! Кроме вас, был кто-нибудь еще? — безучастно спросил врач.

— Нас шестеро было, — устыдился полицейский.

— Это плохо. Всех надо доставить сюда. Кто-нибудь женат из них? — казалось, врач навсегда утратил способность удивляться.

— Двое. Что у меня, доктор? — не выдержал полицейский.

— О-о! И жеи надо сюда доставить. А вы ее знали?

— Кого?

— Женщину, с которой... — врач почему-то пришел в раздражение.

— Нет, не знал.

— Как так можно? — недовольно пробурчал врач. — Подождите меня за дверью, — и когда полицейский вышел, закрыл за ним дверь, вынул из холодильника, уставленного лекарствами в разноцветных коробках и бутылках, бутылку пива, открыл ее, поднес ко рту и разом опрокинул в свое жаждущее с похмелья горло. Вытер губы, поставил бутылку за холодильником у мусорного ведра. — Ух! — выдохнул удовлетворенно, открыл дверь и выглянул в коридор. Полицейский мерил его шагами. Врач пересек коридор и вошел в комнату напротив.

Он вышел оттуда через довольно продолжительное время, снова пересек коридор и вернулся в свой кабинет. Полицейский на сей раз стоял, скрестив руки на груди, и внимательно разглядывал висящие на стене наглядные пособия, время от времени тяжело вздыхая.

Увидев врача, он опустил руки, посмотрел на него умоляющими глазами и, поскольку тот не обратил на него внимания, с безнадежным видом опустился на скамью. Через несколько минут появилась толстуха, полицейский приподнялся было, но она лишь кивнула ему головой. Полицейский остался сидеть на месте, а толстуха скрылась в кабинете врача. Когда врач вызвал полицейского, тот вскочил и почти бегом бросился к его двери, но в комнату вошел преисполненный почтения.

— Садитесь, — указал на стул врач. Толстуха взглянула на него и выдохнула, казалось бы, из самой глубины своих легких: — О-ох-ох!

Врач помахал в воздухе небольшим листком бумаги, снял очки и положил их на стол.

— Плохи дела, — сказал и постучал очками о стол.

— О-ох, ох! — снова вздохнула толстуха, печально посмотрела на полицейского и, уперев руки в бока, что-то бормоча, вышла из комнаты. Полицейский всей своей тяжестью рухнул на стул и проклял тот день, когда встретил девицу. А в тот день, вернее, той ночью в полупустом вагоне ехали трое. От жары даже мухи обессилели, папиросный дым застыл посреди купе, и

лица троих, казалось, плыли в душном мареве. Голоса их звучали глухо, как если бы звуки, утратив свою привычную скорость, замедлили движение. На откидном столике стояла бутылка водки, хлеб, сыр, помидоры. Путники сидели вокруг него и поочередно опрокидывали водку из деревянной стопки. Корзин, покрытых белыми в красных пятнах тряпками, нигде не было видно — проводник надежно спрятал их от таможенников, ну а если бы те все-таки обнаружили контрабанду, их ждало вознаграждение, да такое, что проводник легко отвязался бы от докучливых чиновников. За столом молча угощались отец, высокий молодой человек без переднего зуба и голубоглазый, которого все избегали.

— Ауаа! — слышалось в конце коридора, — уаа, — голос приближался, и вскоре у столика возник глухонемой мальчик. — Ауаа, — он тщетно пытался что-то сказать мужчинам. Потом вынул из кармана колоду карт, раскрыл ее красивым веером, сложил, подбросил вверх, как бы нанизав их, подобно бусам, на воображаемую нить, и ловким движением принял на ладонь уже аккуратной колодой. Затем последовали фокусы. Под конец он перетасовал колоду, выбрал одну карту и показал трем путникам, потом снова перетасовал и вытащил показанную карту из кармана голубоглазого. Все трое рассмеялись.

— Теперь иди, — махнув рукой, высокий показал глухонемому, что ему делать. Тот опять начал тасовать колоду. Высокий взмахом руки снова дал понять мальчишке, что ему надо уходить. Тогда глухонемой, так и не дождавшись приглашения, сам схватил со стола кусок хлеба, помидор и был таков. Мужчины переглянулись.

— погоди, — позвал отец мальчишку, но тот его не слышал. Отец встал, догнал его, вынул из кармана скомканные деньги и сунул ему в руку. Подошли высокий и голубоглазый и тоже дали каждый по бумажке.

— Ауаа! — засмеялся мальчишка и убежал. Мужчины должны были провести за столом всю ночь, потому что полагаемые им матрацы и тонкие одеяла надежно укрывали их корзины от пронырливых глаз таможенников — об этом позаботился проводник, и пока отец, высокий и голубоглазый готовились к бессонной изнурительной ночи, в течение которой им пред-

стояло томиться в ожидании таможенников, мальчик и его брат прошли мост через самую большую в стране реку, вступили в деревню и направились напрямик к пекарям. У пекарей все было белым — даже грязь, лишь хлеба — коричневато-красные. Торговлей ведала пышногрудая женщина. Халат у нее раскрылся на груди, из-за жары она не замечала этого, ложбинка между грудями заполнилась мукой, и белые же капли скатывались в нее одна за другой.

Ребята купили два хлеба, такие горячие, что им жгло руки, поэтому они несли их по очереди. Под конец мальчик не выдержал, стянул с себя рубаху и завернул в нее хлеб, освободив разгоряченные ладони. Вечерний ветерок обдал прохладой его голое тело, и оно покрылось пупырышками. Аромат горячего хлеба обострил чувство голода, не доходя до дома, они съели целый хлеб. Дома согрели воду, нарезали в нее помидоры, посолили, крошили горячий хлеб и съели все это в полном молчании. У мальчика все еще болела поясница, болела глухо, где-то в области почек.

— Опять болит? — спросил брат.

— Похоже, да, — ответил он слабым голосом.

Мальчик проснулся ранним утром. Поправил под одеялом задремавшую плоть, зевнул. Ему хотелось в уборную, но было лень вставать.

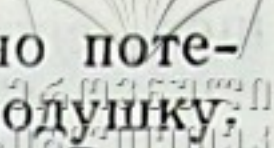
Брат лежал на железной кровати в противоположном углу комнаты. Спинки кровати в четырех углах были украшены серебристого цвета металлическими львиными мордами, которые переливались под лучами утреннего солнца. Брат чихал, нос и веки у него распухли и покраснели. — Четырнадцать, — сказал он и снова чихнул.

— Эх, надо вставать, невтерпеж уже, — мальчик откинул одеяло и привстал. — А-аххх! — крикнул он вдруг, хватаясь за поясницу и чуть не задохнувшись от пронзившей его боли.

— Что слу... — встревожился было брат, но не успев закончить фразы, снова чихнул, — девятнадцать, — посчитал он и добавил, — что случилось? — и снова чихнул, — двадцать, — продолжил он счет.

— Больно, — ответил мальчик и вспомнил, что всю ночь его не отпускала тихая, словно затаившаяся до

утра боль. Он попытался еще раз подняться, но потеряв сознание от страшной боли, откинулся на подушку;

2

Мальчик, потерявший сознание от страшной боли, лежал неподвижно в одной из маленьких палат большого шумного города. Он слышал только, как входила медсестра, которая вместе с другими лекарствами приносила и болеутоляющие таблетки, и, когда боль вконец утихла и изнуряющий жар уже не вызывал головокружения, он рискнул и медленно, осторожно сел на кровати. Робко поздоровался с соседом, тихо лежащим рядом. «При-вет», — с трудом выговорил сосед и осторожно чуть поднял руку, чтобы не коснуться прозрачной трубки, вставленной в маленькую ранку у него в боку. Желтая жидкость из трубки капала прямо в банку, стоящую под кроватью. «Ему больно», — подумал мальчик и приложил руку к пояснице, но боли не почувствовал. Осторожно встал, надел полосатый больничный халат, прошелся по комнате. Подошел к окну, облокотился о подоконник. За окном виднелось здание с палисадником, обнесенное каменной оградой.

«Зззунг! Зззунг!» — муха жужжа билась об оконное стекло. Мальчик отошел от окна и направился к двери. В коридоре он увидел старика с палкой и четками в руке. Казалось, все вокруг было пропитано запахом камфары и вареной капусты. Мальчик решил выйти во двор. «Простите», — незнакомец в белом халате толкнул его плечом и промчался мимо. Мальчик стал спускаться по лестнице, отдыхая на каждом этаже. Во дворе у него закружилась голова, и он присел на скамью. За спиной у него находилась каменная ограда. Верх ее был утыкан острыми стеклянными осколками, блестевшими в лучах заходящего солнца.

Солнце подрумянило небо.

Мальчик увидел на краю скамьи порванный резиновый колпачок, обычно надеваемый на палец, нехотя протянул руку и сбросил его наземь. Затих...

— Ну-ка, немедленно вставай, разве так можно, простудишься ведь, — чей-то громкий голос вывел мальчика из дремоты. Он смутился. Встал. Медсестра схватила его за локоть и повела к лестнице. Мальчик

шел, спотыкаясь. Медсестра проводила его до палаты.

— Я сейчас приду, — бросила она на ходу. Мальчик, не раздеваясь, лег на свою кровать. — Накрылся бы чем-нибудь, — посоветовал сосед, но мальчик его уже не слышал — он провалился в глубокий сон. Между тем появилась медсестра. — Уже спит? — спросила. — Разве так можно? Оставили без всякого присмотра! Родителей у него, что ли, нет! Э-эх! — вздохнула. — И не укрылся, — она осторожно вытащила из-под мальчика одеяло, укрыла и повернулась к его соседу. Потрогала трубку, вставленную в ранку в боку, и резким движением выдернула ее. В ожидании боли больной сжался как пружина и тут же расслабился. Медсестра приложила к ране кусок марли, взяла банку с пола, взглянула на собравшуюся в ней жидкость, «многовато», — сказала и вышла.

— Э-хе-хе! Сколько же ты спал, малый! — воскликнул старик с четками, с улыбкой глядя на мальчика, проспавшего почти двое суток. Мальчик потер ладонями припухшее лицо и сел на кровати. — Небось голых девочек видел во сне, зачем ему было просыпаться, — вперемежку со стоном и хихиканьем выдавил сосед по палате. Мальчик засмеялся, в свою очередь, раскрыл руки, зажмурил глаза и с удовольствием потянулся, почувствовав себя на редкость здоровым и свободным. За окном вечерело. Он уже собирался вскочить, как в палату вошла медсестра.

— Ух! Слава Богу! — обрадовалась она, — сколько можно спать, парень?! Для здоровья, правда, это неплохо... Болит что-нибудь?

— Нет, — ответил мальчик.

— На вот, это тебе, — она протянула ему вдвое сложенный лист бумаги, — думаю, от твоего брата, какая-то женщина принесла, она в город ехала, и он, видимо, с нею прислал это письмо... Тебе, небось, есть хочется?

Мальчик взял листок, раскрыл его и тихонько протянул: — Не-ет.

— Как же — нет! Подожди, вот закончу с ним, — и она бросила взгляд на соседнюю постель. — А чего тебя не навещают?

— Не знаю, — мальчик смутился. — Дороги не

знают, больницы не найдут. — Он натянул одеяло на самый нос, не выпуская при этом листок из руки.

— Ну и ладно, все это ерунда, — медсестра поправила прозрачную трубку, торчащую из ранки в боку у соседа. — Вот закончу с ним и принесу тебе поест, — с этими словами она выдернула трубку из раны и прикрыла ее куском марли. Подняла банку с полу, «многовато», — изрекла и прошла мимо старика с четками к двери.

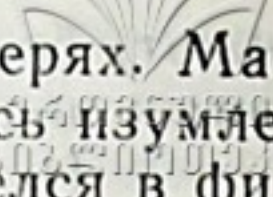
Когда она вышла, мальчик сел в постели, поправил подушку за спиной, и облокотившись на нее, раскрыл скомканный в кулаке лист бумаги и принялся читать: «Здравствуй, как ты, я хорошо. Те корзины, что были, — большие. Я стал плести поменьше. Папе, когда он приехал, не понравились, но потом понравились. Когда понравились, он уехал и снова приехал и снова уехал. Курица опять потеряла гнездо, папа, когда приехал, нашел ей новое, а когда уехал, она опять потеряла. Я теперь уже знаю, как найти несущке гнездо, я ей сам нашел, она опять потеряла, а я опять нашел. Петух всегда поможет найти потерянное гнездо, только папа сказал, что петух должен быть настоящий, не такой, как деревянное яйцо, настоящий — ну такой, со шпорами, с гребешком, что по утрам орет. И еще папа сказал, он должен печься о десяти курицах по меньшей мере, чтобы те высиживали цыплят. Я побил Гигило. У него из носа кровь шла, что твой кизилловый сок. Папа приедет, потом опять уедет, и опять приедет. Если курица потеряет гнездо, ты не волнуйся, я найду его. Тебе ведь не очень больно? Брат».

Мальчик кончил читать, но головы не поднимал. Сидел на кровати, опустив голову, и тихо улыбался.

— Э-эх, пора и мне, — пробормотал старик с четками, с трудом поднялся, опираясь на палку, и покоцывал к двери. Сосед мальчика надел пестрый больничный халат, взял стул и тоже вышел в коридор. В дверях на миг задержался и тихо, так, что мальчик едва расслышал, сказал:

— Потом выйди, что-то покажу. — Мальчик встал, проводил соседа взглядом: — «Да-а». — пробормотал про себя, подошел к окну. Вхол в здание напротив, укрывшееся за высокой оградой, был освещен голубым светом, в палисаднике перед ним в кромешной тьме уга-

дывались силуэты сосен. Кто-то возник в дверях. Мальчик напряг зрение, и на лице его отразилось изумление. «Э-ээ!» — сказал он и пристально взгляделся в фигуру под голубым светом. Потом быстро повернулся и выскочил в коридор. Однако тут же передумал, вернулся в палату и попытался открыть окно. Оно оказалось забитым гвоздями. Внизу, на фоне голубого света маячила фигура высокой долговязой женщины. Мальчик ринулся в коридор, в дверях поскользнулся и, потеряв равновесие, налетел на своего соседа, присевшего у окна.

— Ты что? — изумился сосед, — осторожнее! Куда бежишь?

— Извини... Вниз...

— погоди, погоди... Смотри... — сосед схватил его за руку, — смотри, смотри вон туда, сейчас начнется, — шептал он взволнованно. Мальчик попытался увернуться, но понял, что ничего из этого не выйдет, и подчинился: в единственно освещенном окне противоположного здания суетились две фигуры в белых халатах, между ними виднелся сверкающий металлическими частями покрытый белой простыней странный стол. Вскоре показалась третья фигура — женская.

— А теперь гляди, — нетерпеливо выдохнул сосед. Он нервно закурил и так вытянул шею, словно собирался влезть головой в то окно. Кольцо дыма коснулось оконного стекла, распалось, извиваясь растеклось по нему и пропало.

А в доме напротив вновь вошедшая женщина с трудом вскарабкалась на странный стол, неожиданно оголилась ниже пояса, легла, подняв ноги на какие-то подставки. У мальчика вдруг пересохло в горле.

Двое в белом привязали к столу руки и ноги женщины, сделали укол в руку, надели на лица марлевые повязки и прикрыли халаты передниками.

Один протягивал другому сверкающие металлические инструменты, а тот этими инструментами вырывал из чрева женщины кровавые комки.

— Видел? — с выражением безмерной грусти на лице спросил сосед и ткнул мальчика в плечо. Дымное кольцо проплыло у того перед носом и только распалось, как позади раздался раздраженный голос медсестры.

— Ай-ай! Снова уставился, да? Ты, ты... Его-то за-
чем заставляешь смотреть?!

Сосед мальчика надулся, как ребенок, которого поймали на шалости.

— Да мы не туда смотрели... и никого я не заставляю... — пробормотал он, вставая со стула, и, не поднимая головы, пошел в палату. За ним последовала медсестра. В руке у нее была миска с вареной капустой.

— Погаси сигарету, — злобно кричала она ему вслед, — погаси и ложись... никак не отобью охоту подсматривать...

Мальчик бросил взгляд в окно. На странный стол укладывалась другая женщина. Она тоже задрала ноги, при виде черного треугольника под животом мальчик застыл на месте, сердце у него отчаянно забилося. Передники у людей в белых халатах были покрыты красными точками.

— И ты туда же... Одного еле оторвала, а теперь и ты... — вышедшая из палаты медсестра толкнула мальчика в плечо. Мальчик вздрогнул и растерянно уставился на нее. — Иди, иди, ты же голоден, я тебе еду принесла, — продолжала медсестра, еще более энергично оттесняя мальчика от окна. Затем сама села на стул и, положив локти на подоконник, вперилась в единственно освещенное окно здания напротив.

Какое-то время мальчик оставался у окна, потом, словно вспомнив что-то, повернулся и побежал по коридору, одним махом одолел лестницу. Во дворе отыскал ножку от сломанной кровати, встал на скамью возле каменной ограды, раздробил осколки стекла на ней и начал карабкаться вверх. Об уцелевший осколок разорвал больничные брюки на колене и порезался. На полосатой ткани проступило кровавое пятно.

Он спрыгнул в палисадник. чуть поодаль виднелось здание. Именно это здание и окружала ограда, чтобы, не приведи Господи, кто-нибудь не вынес в город грязную болезнь, о которой все говорили с таким отвращением. У входа, залитого голубым светом, уже никого не было. Бледные лунные лучи пробивались сквозь силуэты деревьев. Мальчик подождал, пока глаза привыкнут к темноте, и, озираясь по сторонам, осторожно стал продвигаться вперед. Внезапно он оста-

новился, насторожился и в вырвавшемся из-за деревьев неясном свете увидел небольшую скамью. На скамье сидела девушка лет двадцати, но волосы и туфли у нее были так неухожены, что она походила на отчаявшуюся женщину средних лет. Синяки вокруг глаз прошли, оставив на память о себе красные пятна. Девушка молчала, казалось, не замечала его. Мальчик, в свою очередь, не смел заговорить с нею. Ей явно было не до него. Она смотрела в сторону здания, прислушиваясь, и при малейшем шуме, доносившемся оттуда, вздрагивала и втягивала голову в плечи. Так прошло довольно много времени, потом она встала, прошла через темный сад и вошла в больницу. Мальчик проводил ее взглядом и после того, как она скрылась из глаз, перелез через ограду назад.

Он прокрался в свою палату. Сосед спал и скрипел зубами во сне. На тумбочке возле кровати стояла тарелка вареной капусты и кусок черствого хлеба, над которыми носилась муха. Мальчик рукой отогнал ее и с аппетитом принялся за еду. Последним кусочком хлеба до блеска вычистил тарелку и лег. Сосед изводяще продолжал скрипеть зубами.

На другой день мальчика весь день преследовал запах вареной капусты. Он проглотил несколько таблеток, которые принесла ему медсестра. Послушал новости, рассказанные стариком с четками, которые тот вычитал из свежих газет.

— В одной, вот, далекой стране, — степенно рассказывал старик, — в какой — забыл, вспомню — скажу, очень богатая королева, и когда там случилось землетрясение, она все свое богатство отдала, оказывается, пострадавшим... А еще где-то, точно не помню где, нашли скелет человека, которому тысяча миллионов лет... А футболисты одной страны проиграли футболистам другой со счетом десять-ноль... Правительство какой-то страны свергли военной силой... Летающая тарелка, освещенная разноцветными огнями, пронеслась над Землей с неслыханной скоростью...

С наступлением вечера он вышел в коридор, прошмыгнув мимо соседа, сидящего на своем посту у окна, сбежал вниз по лестнице, перелез через ограду и нашел в темном палисаднике девушку. Она по-прежнему сидела на скамье и с тревогой вглядывалась в

здание. Оттуда доносились ругань и звук разбиваемых предметов. Мальчик неслышно опустился на скамью, девушка даже не повернула головы в его сторону.

— Что там происходит? — не выдержав, нарушил он молчанье. Он вдруг охрип и чуть не поперхнулся слюной.

— Они требуют, чтобы их впустили... скандалят, — произнесла девушка скорее для себя, чем для мальчика.

— Кто? Кто? — спросил он, как-то сразу успокоившись при звуке ее голоса.

— Не знаю... я боюсь, они психи.

— Ты меня не узнала? — снова спросил мальчик, подсаживаясь к ней поближе.

Девушка осторожно повернула голову и внимательно посмотрела на него, пытаюсь разглядеть в лунном свете его лицо. Мальчик вытянул шею, приблизился к ней и понял — не узнала. Ему очень захотелось на-помнить о себе.

— Там, на станции, когда полицейский увел тебя...

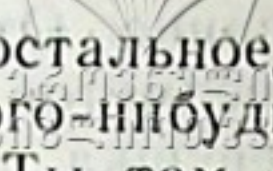
— Что-о? — лицо девушки исказилось то ли от страха, то ли от гнева.

— Ну да, на станции, железнодорожной станции, ты еще была в джинсовой куртке. Полицейский разозлился на тебя. А я, я помогал отъезжающим...

— Ничего не знаю, — девушка уже не слушала его, она встала и осторожно пошла к больнице, прислушиваясь на ходу. Оттуда не доносилось ни звука. Не оборачиваясь к мальчику, сказала: — Похоже, ушли, да, кажется, ушли. — И, осмелев, прибавила шаг. На миг задержалась у входа — ее высокий силуэт четко вырисовывался в голубом свете — обернулась и, не видя мальчика, все же махнула ему рукой и скрылась в здании. Мальчику стало жаль, что она ушла, он хотел проводить ее, но не посмел, только бросил вдогонку: — Завтра приду, — да и то так тихо, что сам едва услышал. Он перелез через ограду и только поставил ногу на скамью, как перед ним выросла медсестра.

— Что ты там делал? — закричала она, — ты знаешь, какие больные там лежат? Тебя соблазнили, что ли? Признавайся, признавайся, а то еще заразишь кого-нибудь, там ведь потаскухи со всего города собрались, ах ты развратник, что тебе там надо было?! — она схватила его за рукав и потащила к лестнице, —

иди и немедленно вымой руки, лицо и все остальное, впрочем, это вряд ли поможет, если ты там кого-нибудь подпустил к себе. Было что-нибудь такое?! Ты там с кем-нибудь что-нибудь делал? Там же одни шлюхи, ты, сопляк этакий, вы только посмотрите на него, на этого распутника!

Напуганный мальчик плелся за медсестрой и в замешательстве бормотал:

— Да нет... ничего не было... простите... я даже не дотронулся... просто знакомую увидел и... да не трогал я ее... Потаскухи? Я ничего не знал... никого не трогал... знакомую увидел...

Но медсестра не унималась.

— Не трогал, да? Не знал, да? Завтра же тебя пинком вытурят отсюда, нет, не завтра, завтра у врачей выходной, послезавтра, послезавтра вышвырнут тебя, ах ты, распутник! Подумать только, знакомую увидел! — она не скрывала своего возмущения.

Проводила его до палаты, то и дело награждая тумачами.

— Не смей отсюда носу высовывать, потаскун ты этакий!

Мальчик молча опустился на кровать. Сосед уже спал и раздражающе скрипел зубами во сне.

Проснувшись утром, мальчик увидел, что кончик прозрачной стеклянной трубки уже покачивается в пустой банке под кроватью соседа. Он повернулся на другой бок и попытался снова заснуть — после ночного происшествия у него не было никакого желания видеться с медсестрой. «Вообще не встану сегодня с постели», — подумал он, и вскоре задремал, но кто-то бесцеремонно потряс его за плечо и, сбросив с него покрывало, произнес:

— Не хочешь вставать? стыдно, не правда ли? Это хорошо, что стыдно! Будешь валяться весь день, никуда ногой, а это на, ешь! — медсестра поставила перед ним тарелку вареной капусты и кусок хлеба. — Завтра тебя выпишут, — и нагнувшись, зашептала ему на ухо, — слушай, парень, вчера в той больнице у тебя в самом деле ничего ни с кем не было? Не губи себя, лучше признайся, тебя вовремя лечить станут. С кем такого не бывало! Ты еще очень молод, у меня са-

мой такой вот сын должен был быть — знаю я ваши штучки, подумаешь, с кем не бывало!

Мальчик покраснел и, не оборачиваясь, проговорил сквозь зубы:

— Ничего не было, ни к кому я не прикасался, клянусь вам...

— Ладно, ладно, — проворчала медсестра, — завтра я выдам тебе твою одежду, и ты отправишься домой, ясно?!

Весь день мальчик пролежал в постели, время от времени забываясь сном. За окном сгущались сумерки. Сосед по палате уже сидел в коридоре у окна. Мальчик терпел, терпел, но под конец все же встал. Бесшумно оделся, на цыпочках вышел в коридор, незамеченным прошел его, осторожно спустился по лестнице во двор, перелез через ограду. Он долго ждал, но девушка не появилась. Тогда он направился к больнице, шагнул в голубое сияние и очутился в длинном коридоре, облицованном белой керамической плиткой. Из-за двери в конце коридора доносился шум — кого-то успокаивали: то уговаривали, то отвечали руганью на ругань. Мальчик прошел через весь коридор, осторожно приоткрыл дверь и заглянул вовнутрь. В огромной комнате несколько полицейских держали за руки разъяренного мужчину. В углу на стуле сидел врач в белом халате, лицо у него было разбито в кровь.

— Что мне делать, — жаловался он стоящему рядом полицейскому, — оружием угрожают, впусти, мол, к шлюхам, я им объясню — подхватите какую-нибудь заразу на свою голову, а они в драку, ну я и впускаю их, а через неделю, глядишь, снова заявляются, теперь уже со слезами — спаси, мол. А сегодня не удовольствовались этим, еще и женщину прибили, может, убили даже, я хотел было помочь ей и на, вот, получил, — он дотронулся до разбитого носа. — Этот-то самый смирный был, те, другие, убежали, у них два автомата было, нет, они, конечно, законченные психопаты, как выпьют, похоже, не головой, а одним местом думают, — врач приложил вчетверо сложенный бинт к кровотокающей губе и посмотрел на дверь, ведущую в другую комнату. Она открылась, и санитар выкатил оттуда носилки на колесиках. На носилках лежала пострадавшая, укрытая по грудь простыней. Лицо ее так вспухло, что

глаз не было видно, на лбу — марлевая повязка с проступившим кровавым пятном. При виде этой картины один из полицейских, все еще державших успокоившегося было мужчину, вlepил ему затрещину. Санитар подкатил носилки к двери, за которой притаился мальчик, приналег на нее и открыл. Мальчик затаил дыхание и, когда носилки прогромыхали перед ним, узнал девушку. В темноте коридора блеснули его распахнутые глаза. Не заметив мальчика, санитар покатыл носилки по коридору. Повизгивание колесиков напомнило вопли возбужденных мартовских котов.

Колесики гремели по керамическим плиткам.

Санитар резко повернул, и только тогда мальчик заметил еще одну дверь в стене коридора. Носилки скрылись за ней. Мальчик вышел во двор и опустился на скамью, залитую лунным светом. Он не знал, сколько времени просидел так, в полной неподвижности. Потом встал у дерева, тут же возле скамьи, и под журчащий звук оставил на его грубой коре мокрое темное пятно. Поправил брюки и перелез через ограду. Поднялся по лестнице, прошел через коридор, так что сидевшая у окна медсестра не заметила его. Проскользнул в палату, лег в постель и завернулся в одеяло. До поздней ночи зубовой скрежет соседа не давал ему уснуть, но под конец томление сна одолело соседские зубы.

— Вставай! Поднимайся, поешь, сегодня тебя выписывают, ты меня слышишь?! В темпе, в темпе! Сегодня тебя выписывают! — Солнце было уже довольно высоко, когда медсестра разбудила мальчика.

— Выходишь? — с улыбкой спросил сосед. Мальчик не спеша приподнялся, сел в постели, протер глаза и удивленно уставился на свою одежду, перекинутую через спинку кровати.

— Ну ты чего?! Одежду свою не узнаешь, что ли? В ней тебя привезли. А это вот обувь твоя, ты вроде моего парня, каблуки по бокам стираешь. Вставай! Ешь и иди! Деньги на дорогу есть? — смягчившимся голосом говорила медсестра. — Где твоя больничная пижама? Ну-ка покажи, — она взяла брошенные на стул полосатые халат и брюки и стала их осматривать. — Что это? — вдруг нахмурилась она, — а-а, когда лазил

туда, порвал, да? Погоди, — она бросила пижаму на тот же стул и вышла из комнаты.

Тем временем мальчик окончательно проснулся и с тревогой посмотрел на соседа.

— Не бойся, — успокоил тот его.

Вернулась медсестра. Принесла иголку с нитками.

— На вот, немедленно зашей, дурень! — Мальчик осторожно взял иголку, зубами перекусил нитку и зашил дырку на брюках не хуже хорошей хозяйки.

— А это вымыть? — спросил медсестру, указывая на пятнышко засохшей крови величиной с пятак.

— А как же!

Мальчик без стеснения откинул одеяло, оделся. Вышел в туалет, сперва умылся, потом отмыл пятно с брюк. Медсестра встретила его в коридоре, он вернул ей больничные брюки. Затем прошел в палату, надел куртку, пошарил в карманах, вытащил несколько смятых бумажных рублевков. «Хватит!» — буркнул про себя.

— Ну, я пошел, — сказал он соседу, улыбнулся и вышел вон.

Медсестра сидела в своей комнате, в руках у нее была больничная одежда мальчика. Оцепенело глядя перед собой, она время от времени подносила к носу то брызги, то халат, вдыхая запах, который еще хранили эти вещи.

3

Всю ночь мальчик спал мертвым сном на верхней полке плацкартного вагона. Поезд шел, раскачиваясь, и он очнулся лишь ранним утром, когда они прибыли на станцию ничем не приметного городка. Одно только — кто-то снял с него туфли, и теперь ему предстояло идти босиком. Он стянул с себя носки, засунул один в другой и положил в карман. Перед тем как выйти в тамбур, завернул несколько раз штанины — и спрыгнул на перрон. Пассажиры покидали вагоны с пустыми корзинами в руках. Они окликали друг друга, махали руками, громко переговаривались — было шумно, хоть уши затыкай. «Уу-у!» — взревел электровоз, и поезд, шипя и грохоча, тронулся с места.

Люди с корзинами бежали в одном направлении. Мальчик бросился вслед за ними.

На улице возле станции стояла грузовая машина, водитель которой имел сына-борца и был очень хорошим человеком. В кузов уже набился народ с корзинами. Мальчик втиснулся в эту массу.

Когда въехали в деревню, на узкой улочке увидели дряхлого старика, сидевшего у выкрашенного в синий цвет деревянного забора. Все поздоровались с ним. Про этого старика говорили, что он свидетель первых войн, разгоревшихся в истоках самой большой в стране реки, и даже их участник. Старик в ответ на приветствие покивал головой, бросив на машину взгляд сквозь толстые стекла очков, за которыми глаза его казались неестественно большими.

— Она опять потеряла гнездо, — сказал отец, как только мальчик переступил порог дома. — Куда ты дел туфли? — добавил он удивленно.

— Украли, — ответил мальчик. Он подошел к стоящей тут же корзине, до половины наполненной кислым кизилом, и, опустившись на корточки, запустил руки в темно-красную ягодную массу. Рот немедленно наполнился теплой вязкой слюной.

— Э-эх! Как это украли?! — отец махнул рукой. — Пойду поищу гнездо, — он поиграл в руке яйцом и пошел за кудахчущей курицей.

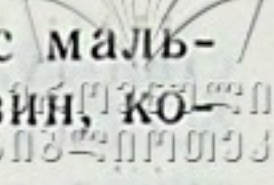
— Двенадцать, — чихнув, посчитал брат мальчика, выходя на балкон. Прикрыв лицо руками, он снова чихнул, — четырнадцать, нет, тринадцать, — и глянув сверху вниз на мальчика, что-то выскивающего под балконом, спросил: — что ищешь?

— Ищу? — спросил мальчик как бы самого себя, — я знаю, что ищу.

Мальчик шарил то в подвале, то в чулане, рылся на прибитых к стене полках. Наконец вытащил пилу, вышел во двор, опустился на колени перед грудой дров, заготовленных для печи, и стал выскивать в ней обрубок. Брал один, осматривал со всех сторон, отдирав кору, снова вертел в руках, потом отшвыривал в сторону. Наконец выбрал подходящее полено, отодрал кору, измерил на глаз и бросил рядом с пилой.

Брат спустился с балкона и удивленно наблюдал за ним.

— Мне нужен нож, острый нож, — произнес мальчик и стал искать нож среди незаконченных корзин, которые действительно были меньше прежних.

— А-а, у меня есть! — сказал брат и чихнул, — семнадцать! — он протянул нож мальчику. Тот открыл его, выбрал толстый прут и отточил с одного конца.

— Хорошо, но надо бы подточить, — буркнул про себя, нашел во дворе гладкий камень, который вместе с ножом опустил в журчащую воду канавки, потом с силой провел лезвием ножа по камню и снова испробовал остроту ножа на пруте.

— Теперь порядок, — заключил.

Взяв пилу и обрубок с отодранной корой, удобно устроился на низком табурете возле незаконченных корзин.

— Не помешаю? — спросил брата и, посмотрев на него, улыбнулся.

— Двадцать, двадцать один, — чихнул тот два раза подряд и поспешил заверить, — нет, нет, а что ты собираешься делать? — и с любопытством уставился на мальчика.

Мальчик распилил брусок надвое, зажал одну половинку между колен и принялся ее строгать ножом.

— Нашел! — гордо сообщил мальчику вернувшийся отец. — Что делаешь? Бросай это, помоги мне наполнить корзины.

— Некогда мне, — ответил мальчик, ловко поводя ножом по поверхности бруска. Тонкие стружки разлетались в разные стороны. Обрубок постепенно принимал овальную форму.

— Не трать без толку время, лучше помоги мне! — рассердился отец.

— Если он плетет корзины, а ты наполняешь их кизилом, я тоже хочу свое дело делать, — спокойно ответил мальчик и внимательно посмотрел на огромное деревянное яйцо, в которое превратился обрубок. — Надо уменьшить, — добавил он и острием ножа мастерски снял толстый слой дерева. Вскоре гигантское яйцо приняло форму и размер обычного куриного яйца.

— Где известь? — спросил мальчик.

— Ну коли ты стоишь на своем... — отец встал и принес из подвала горсть извести, насыпал ее в миску, залил водой. Когда раствор принял вид молока, опу-

стил туда деревянное яйцо. Над поверхностью раствора остался лишь его кусочек величиной с пятак. Отец ткнул в это место пальцем, оно погрузилось в раствор и окрасилось в белый цвет. Отец вынул из миски выкрашенное яйцо, с него стекали белые капли.

— Неплохо! — настроение у отца явно поднялось, — действительно, до каких пор всякие бродячие эвиньи и псы будут красть у нас настоящие яйца! — Он взглянул на солнце, достигшее уже зенита. Оно здорово припекало, разрисовывая землю светом и тенями. И отец выкатил на свет, на жар солнца деревянное яйцо — сушиться.

Перевод Лианы ТАТИШВИЛИ

Ладо АСАТИАНИ

Грузинский язык

Ты рожден из духа Ветхого Завета:
 Для стиха, для песни, для любви и света.
 Голос твой напевный вдаль века уносят,
 И своим величием с вечностью ты сросся!
 Споришь чистотой ты с белизною снега
 И в горах высоких с вод прозрачных бегом.
 Награжден ты свыше силой исполинской:
 Ты и щит, и сабля для земли грузинской.
 С дуновеньем ветра схож ты в хлебном поле.
 Ты звездой сияешь в синем ореоле.
 Околдован дымкой таинства и света,
 Сладок ты и горек, словно плод запрета.
 Ты рожден из света, светом и окован.
 Ты обласкан Солнцем. Богом облюбован.
 В недрах гор грузинских ты привольно дышишь.
 Голос твой и небу, и народу слышен!

Черпак

Гордый, стройный и красивый, окаймленный синей
 вязью,
 Ясно помню в нашем доме наш черпак голубоглазый.
 Он сиял небесным цветом, освещая наши лица,
 Озаряя нам застолье, словно сказочная птица.
 Словно сказочная птица с острым клювом
 белоснежным.
 Мы обедали, черпак же нас поил струею свежей.
 Слышен был нам шум прибоя, волны с нами говорили,

Предков славили мы громко — нашу гордость, нашу силу.
Мой черпак голубоглазый, сотрапезник наш крылатый,
Полон ты любви и жизни, я люблю тебя, как брата.
Освещал ты мне тропинку к небу синему и Богу,
Хоть и терний было много, предан я до смерти долгу,
Ты своей голубизною к небу отворил мне двери.
Я с поэзией сдружился, в стих, как в Божий дар,
поверив.

А сейчас, когда я болен, и повержен у обрыва,
И растоптан жизнью горькой, в ранах весь и весь в нарывах,
И когда, в последний час мой, жаром душу мне колышет,
Вспоминаются беседы, что на мельнице я слышал,
В этот час, когда на смертном ложе я, как уголь, тлею,
Ты омой мне раны сердца, охлади струей своею,
Освежи своей прохладой, что струится синей вязью,
Голубой, как годы детства, мой черпак голубоглазый!

* * *

С синевой волны ты слилась,
Растворилась в море.
И в раздумье загрустили
Голубые горы.

И исчезла, не успел я
Проронить и слова!
Но воскреснешь ты из пепла,
Возродишься снова!

Я под сводами Метехи
Слышу твоё имя.
Ото сна проснись, родная,
Ты — неповторима!

Как и в те, былые годы,
Посетим Исани!
Наша честь и наша гордость
Будут вечно с нами!

С синевой волн ты слилась,
Растворилась в море.
И в раздумье загрустили
Голубые горы.

А. В.

Моя любовь к Тбилиси не нова,
И к Пиросмани и к Саят-Нова,
Я на того шарманщика похож,
Которого твой взгляд бросает в дрожь,
Кто неустанно про любовь поет
И молится на синий небосвод!

Люблю столицу в предрассветный час,
И пекаря, что дарит мне лаваш,
Строкой своей поющий мухамбаз,
И Пиросмани, что до боли наш!

Люблю я чашу допивать до дна
В осенний пир, под песню зурнача.
Люблю задор бродящего вина,
Что разрывает здоровенный чан!

Я обожаю блеск прекрасных глаз.
Красавицы у нас как на подбор.
И опьянен любовью был не раз,
И за любовь вступал в смертельный
спор!

Но ныне опьянен тобой я в дым,
Моя свирель поет, как соловей,
Мне Руставели дорог и любим,
Он честь и совесть Родины моей.
И одержимого меня пьянят слова
Орбелиани и Саят-Нова!

Тобой я ранен в сердце навсегда.
Любви к тебе я избежать не смог.
Я подарил тебе свои года,
И все-таки за мной остался долг.
Тобой я ранен в сердце навсегда,
Любви к тебе я избежать не смог!

Люблю твои прекрасные глаза
И нежный запах тела твоего.
Ты солнца луч и неба бирюза.
Ты и начало и конец всего.
Люблю твои прекрасные глаза
И нежный запах тела твоего!

Люблю всех тех, кто сердцем так любил
Свою Отчизну и своих людей.
Кто храбрым был и знаменитым слыл,
Кто из мужчины превратился в стих,
Люблю того, кто, как легенда, жил
И Родину лелеял и любил!

Тбилиси, я люблю тебя, как стих,
И без тебя душе спасенья нет!
Храни меня от недругов моих,
Ты — и любовь, и жизнь, и смерть,
и свет!

Люблю тебя, как Родину и стих,
И без любви душе спасенья нет!

Себе я цену знаю хорошо —
Уйду туда, откуда и пришел.
Судьбой своей с Тбилиси связан я,
Как Пиросмани и Саят-Нова!

Голубое кафе на берегу Риони

И сейчас в мечте я посещаю
То кафе и те седые зори...
Помню розы сквозь дымок от чая
И теней волшебные узоры.

В голубое мы кафе заходим.
Бирюзой отливает столик.
А вдали шумят Риони воды,
И тянут глаза его просторы.

Мысль кружится над стаканом чайным,
Обнимает дымкой розы мая,
Вторит ей Риони величаво,
Синим эхом в небе растворяясь.

Мы мечтаем. В дымке стынут руки.
Розы тонут в акварели чайной:
— Где твой друг, с которым ты в
разлуке?
— Где любовь, что ты нашел случайно?

Мы ведь тоже были молодыми,
Были мы сильней, умней и краше.
В голубом кафе, в прозрачном дыме
О судьбе задумывались нашей.

Дремлем мы, как спутники в каюте,
Облачившись в черные одежды,
А судьба превратная нас кружит,
И не слышен рокот волн надежды...

В голубом кафе... В прозрачных сонмах
И сейчас витают наши грезы,
С болью в сердце и сейчас я помню,
В струйке пара профиль чайной розы...

И сейчас в мечте я посещаю
То кафе и те седые зори...
Помню розы сквозь дымок от чая
И теней волшебные узоры...

Барднала*

Как хороша была Барднала,
И деревенский наш паром,
И роз бутоны у причала,
Целованные соловьем.
Наш старый дом и наш марани,
Огонь в камине, дым из труб,
Лазурный свет весенней рани
И виды видевший наш дуб.
Утенков золотая стайка,
Висящая на стенке снасть,

-----

* Село в Западной Грузии.

И милая домохозяйка—
Всегда хлопчущая мать.
В амбаре хлеб, вино в кувшине,
В горшочках глиняных фасоль.
Мы побеждали боль кручины,
И боль души, и сердца боль,
Росли на сказке мы и были,
Любили наш нелегкий быт...
И тех, кого мы отлюбили,
Нам невозможно позабыть!
Ты помнишь берег у причала,
Апрель, рыбалку и вино?
Как нас кружило, как качало,
Как не могли найти наш дом?
Ты помнишь желтый дым ноябрьский
И покачнувшийся балкон,
Разгул зимы и лета сказку,
Весну, похожую на сон?!
Наш лес — растущий год от году,
Тропы извилину в снегу.
Утопленника в непогоду
И плач вдовы на берегу?
Ты помнишь тот декабрь и стужу,
В тот зимний день лесной пожар?
Большого предка — дядю Гуджу,
Его папаху и кинжал?..
Полна до края жизни чаша
Добром, любовью, смертью, злом.
Но не вернуть нам день вчерашний,
То, что с годами утекло...
Ты постарел, отец, с годами.
Давно ушла из жизни мать.
Как жаль, что нету с нами мамы,
Чтоб этот стих ей прочитать!
Куда мой конь ретивый делся?!
И старый дуб, весенний сад?!
О детство, золотое детство,
Вернуть бы эти дни назад!..
Как хороша была Барднала,
И деревенский наш паром,
И роз бутоны у причала,
Целованные соловьем!

Перевод Гиви НИЖАРАДЗЕ

Испепеленный талант

(К 80-ЛЕТИЮ ЛАДО АСАТИАНИ)

Сегодня трудно себе представить, что увлечение одним каким-нибудь поэтом может стать столь же общим «заболеванием» целого поколения, как перенесенная в детстве ветрянка. И однако для послевоенного поколения это действительно было характерным, а поэтом, любить которого считалось чуть ли не обязательным, являлся Ладо Асатиани.

Есть что-то тревожно-волнующее в целостности стихов и биографии Ладо Асатиани: в этой испепеленной жизни, этой молнией сверкнувшей любви, этом литературном оптимизме, с которым столь странно сосуществует предчувствие скорого конца, и этой поэтической откровенности, таящей глубокую боль и обиду...

Бывает порой — чувствуешь в человеке какую-то тайную драму, которая, возможно, связана с его безусловной невезучестью, однако, будь это и не так, тебе все равно кажется, что фатальная нить его жизни завязана невидимым узлом.

Подобное чувство возникает при первом прочтении стихов Ладо Асатиани. Только позднее над тайной приоткрылась завеса, и стала понятна его скрытая боль: вообразите, что должно было твориться в душе этого романтического паренька из Лечхуми, для которого слово «мама» неожиданно стало запретным и которого в 1937 году отчислили из кутаисского пединститута, как сына «врага народа».

Впоследствии Ладо восстановили в институте, однако клеймо — «сын врага», по-видимому, угнетало его до конца жизни.

Была какая-то доля мистики и в том, что Ладо и его мать — Лида Цкитишвили скончались примерно в одно и то же время — жарким летом 1943 года, Ладо — в Тбилиси от чахотки, мать — в далеком Узбекистане, в ссылке — именно в эту пору перестали приходить от нее письма.

Еще одна гнетущая символика в биографии поэта: и в Кутаиси, и в Тбилиси он жил на улице Дзержинского. Провидение словно хотело спустить на землю этого неисправимого мечтателя...

Что может противопоставить безжалостной действительности юноша, наделенный светлым поэтическим даром, но лишенный практического жизненного таланта, который видит уготованное ему Господом место под солнцем, но лишен способности к борьбе за него... Стих, лишь стих может развеять это чувство неполноценности, лишь он дает почувствовать азарт борьбы и опьянение победой. В такие мгновения в Ладо Асатиани просыпается та генетическая память, которая рисует перед ним картины сражений при Крцаниси, Марабде, Аспиндзе, Баснани, наполняет его необъяснимой силой и дарует внутреннее право обратиться к оставшимся на поле брани предкам, как к своим современникам и ровесникам:

Эй, вы, братья арагвийцы, ненасытные войною,
Раны ваши кровоточат, а рубцы и нынче ноют.
Чернобровые герои, ран не счесть на вашем теле!
Это кровь? Иль это маки в синем поле загорелись?!
Или то звенит металлом щит бесстрашного Джурхая?
Иль Ираклий машет саблей, сна и отдыха не зная?!
Или глаз меня подводит, ослепленный синим цветом?
Так восстаньте вы из мрака и скажите вслух поэту:
Это цвет горящих маков? Или цвет раскрытой раны?
Обескровленный Крцаниси отчего горит так рьяно?
Эй, вы, братья арагвийцы, вы бессмертны и нетленны,
У могилы вашей, братской, преклонить хочу колени!¹

Теперь, когда мы вспомнили наиболее характерные для Ладо Асатиани строки, внимательней всмотримся в коленопреклоненного перед могилой трехсот арагвинцев юношу и попытаемся максимально приблизить его портрет к реальному Ладо Асатиани. Я убежден, что сравнение ни на йоту не умалит привлекательности той красивой легенды, которая всегда сопутствует талантливому, но невезучим, рано ушедшим из жизни и не оцененным современниками художникам.

Зарисовки характера Ладо Асатиани, его привычек, каждодневного быта, бережно сохраненные в памяти и уже затем собранные в книге воспоминаний, принадлежали другу юности

---

¹ Здесь и далее переводы Гиви Нижарадзе.

Ладо, писателю Нике Агиашвили. Он же сохранил для нас портреты его друзей-поэтов — Мирзы Геловани, Александра Саджая, Георгия Напетваридзе.

Вот одна бытовая, но о многом говорящая зарисовка: «В то время Ладо жил в Кутаиси у вокзала — на улице Дзержинского, в 35-ом номере, в маленькой бедной «коробке» — кровать в углу, книги и журналы с газетами на столе, простое ученическое перо и воронкообразная чернильница, портреты Важа Пшавела и Байрона на стене, там же — на гвозде — полотняное полотенце с красной каймой, синяя кепка и куртка — вот все его богатство».

И как естественное продолжение этой цитаты — портрет самого Ладо из этой же книги под названием «Молодыми остались навечно»: «Как-то зимой он читал только книги Эдгара По, Шелли и Верлена. Засунув руки в карманы, с книжкой под мышкой, кашне вокруг шеи и непокрытой головой, он ходил по улицам и тихо, строчка за строчкой, мурлыкал стихи любимых авторов. Он придумывал для них различные мотивы, какое-то время напевал только стихи Акакия Церетели, в другой раз — «Вытру слезы...» и «Подул суровый ветер» Николаза Бараташвили. Несколько недель подряд затягивал по-русски, почти без мотива, строчки Александра Блока: «Ночь, улица, фонарь, аптека...».

Сегодня мы сетуем на отсутствие многих вещей. И справедливо. Но почему-то мне кажется, что наши сегодняшние проблемы принципиально отличаются от бед Ладо Асатиани тем, что нищета перекочевала в наши души. Каждый очередной жизненный удар мы встречаем с большим малодушием, чем этот чахоточный юноша, ничего не имевший, кроме книг, и столь одержимо расцветивавший оставшиеся ему дни:

**Люблю я по Руставели
Гулять и зимой и летом.
Люблю утопать в веселье
И называться поэтом.**

Эти строки написаны в 1941 году. Пошел уже третий год, как Ладо переехал в Тбилиси и даже успел жениться. Молодая семья — Ладо, его очаровательная жена Анико Вачнадзе и их годовалая дочь Манана — нашла приют в стенах маленькой комнаты без окон, расположенной в начале улицы Дзержинского.

Семейная идиллия продолжалась очень недолго. Тем бо-

лее, что в последние годы жизни Ладо месяцами находился на лечении в Абастумани. И тем не менее, эта кратковременная любовь окрасила его жизнь каким-то необыкновенным светом, придала его стихам неповторимую мягкость и нежность:

Люблю твои прекрасные глаза
И нежный запах тела твоего.
Ты солнца луч и неба бирюза.
Ты и начало, и конец всего.

Нашему слуху настолько привычны эти строки, не раз звучавшие с эстрады или телеэкрана, что, боюсь, потребуются дополнительное усилие для восприятия их первоначального обаяния.

При упоминании эстрады на память приходят стихи Ладо о Пиросмани — любимый нашими актерами материал для декламации...

Мне кажется, свою неупорядоченную жизнь поэт каким-то образом соотносил с судьбой Пиросмани, и мотив «несчастливого Никалы» в его поэзии не был лишь отголоском восхищения волшебным талантом художника.

Еще один рефрен поэзии Ладо Асатиани — Лечхумский край: Цагери, родное село Барднала, мельницы Намкашури, голубой черпак, ставший для Ладо символом безоблачного детства:

Ты своей голубизною к небу отворил мне двери.

Я с поэзией сдружился, в стих, как в Божий дар, поверив,

А сейчас, когда я болен, и повержен у обрыва,

И растоптан жизнью горькой, в ранах весь и весь в

нарывах,

И когда, в последний час мой, жаром душу мне кольшет,

Вспоминаются беседы, что на мельнице я слышал,

В этот час, когда на смертном ложе я, как уголь, тлею,

Ты омой мне раны сердца, охладь струей своею,

Освежи своей прохладой, что струится синей вязью,

Голубой, как годы детства, мой черпак голубоглазый!

Это стихотворение также датировано 1941 годом. Здесь же отмечу, что большая часть стихов, принесших известность Ладо Асатиани, создана именно в период с 1939 по 1942 год — в течение каких-то четырех лет. Не знаю, было ли это неосознанным всплеском таланта, или же

ть смерть за спиной не позволяла ему откладывать что-либо на будущее, но ясно одно — в творческом портрете Ладо Асатиани определенно чувствуется эта фатальная вязь.

Ника Агиашвили писал о последних годах жизни Ладо: «Под конец он стал злоязычным, а для некоторых просто невыносимым. Многие вообще считали его скрытным, скучным и упрямым, но Ладо оставался по-прежнему добрым, близкие друзья понимали его, чувствовали, что дни его сочтены, и многое прощали талантливому другу».

Под этим многим, в первую очередь, подразумеваются злые эпиграммы поэта — панорама грузинского литературного общества того времени, увиденная весьма саркастическим взглядом. Юмор у нас так или иначе еще выносят, но иронии никому не прощают. Возможно, этим и объясняется возросшее число его недоброжелателей.

Ладо Асатиани родился 14 января 1917 года и умер 23 июня 1943 года. Две эти даты слишком близки друг к другу — он ушел из этой жизни на удивление молодым, всего 26-ти лет... Все его наследие, как мы могли убедиться, — книги и единственная тетрадь стихов. Тетрадь эта стала для моего поколения тем же, что и голубой черпак семьи Асатиани для юного Ладо — она раскрыла нам лазоревую даль... В течение долгих лет мы не раскрывали книгу стихов Ладо — наше воображение занимали сперва другие поэты, а потом другие проблемы...

Сейчас, когда мы вновь возвращаемся к стихам Ладо Асатиани, к нашей ностальгии примешивается и некое тревожное чувство — не утратили ли мы тот юношеский романтизм, или он все же оставил в нас свой след... А если оставил, то благодарить за это надо опять-таки Ладо Асатиани. Его и других поэтов, подобно ему горящих неугасимым внутренним огнем и оставшихся навечно молодыми.

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

Отчет

Памяти Александра Цыбулевского

За двадцать лет, что ты лежишь в могиле, —
Большие перемены, старый друг!
Не выжил мир, в котором все мы жили,
Рассыпался и разбежался круг.
Твой город пал в дыму кровопролитья,
Твоя семья живет в другой стране...
Ну, а мои поступки и события
Не описать, не перечислить мне.
Возможно, там, где траурные марши
В ликующий мажор перетекли,
Все знаешь сам... Теперь тебя я старше,
Все тягостней видения земли.
Лишь иногда тебе бываю другом
В постылой этой жизненной борьбе:
Светящееся облако над лугом
Порой напоминает о тебе.

Воспоминание о Параджанове

Лишь в хаосе прекрасен Параджанов,
На выставках он — средний коллажист...
Бывало, на приезжих жадно глянув,
Он становился ласков и речист.
С печалью многогрешно-величавой
Дурил, мертвел, морочил, бредил славой,
Метался, простаков сводя с ума.

О каторге вещая благосклонно,
Вдруг оживал, как черная икона...
Но жуткий след оставила тюрьма.
Какая-то запекшаяся рана...
Он был во многолюдстве одинок,
И полотном разорванным экрана
Свисающий казался потолок.

Какая цельность и какая груда!
Обломки, драгоценности, цветы;
Ковры, гранаты, бронзовое блюдо,
Взгляд виноватый щедрой нищеты.

Одно меня бодрило поученье,
Когда в душе и в доме — сущий ад:
«Всегда имей миндальное печенье,
И ты — богат!»

Два века

Чтобы персидскую не забывали силу,
Чтоб с русскими не спелись, —
на ноге
Всем изнасилованным подрезали жилу.
Так пожелалось евноху Аге.

Потом на Авлабаре и в Харпухи
Десятилетия и до преклонных лет
Все ковыляли смуглые старухи...
Той памяти сегодня нет.

Еще одна исчезла из империй.
Как долгожительницы те,
Речь русская бредет по Дидубе и Вере,
Очаровательная в хромоте.

Анналы

Империя в цветущем блеске
Пришла когда-то на Кавказ.
Увещевательный и резкий

Народы к миру звал указ.
 Зурна рыдала, плакал саз,
 Вдыхали Сололаки, Пёски,
 И на доносах арабески
 Чертил наместник в красной феске,
 Роняя лед французских фраз.
 Взбирались на Эльбрус тедески¹,
 Недолго длился их экстаз...
 Горят империи обрезки!
 Грызня за хлебные довески
 И гнев бессчетных черных глаз.

---

¹ Тедески — немцы (итал.)

* * *

Человечек мой ласковый,
Я вчера перепил.
Руки-ноги колбасками
Я тебе прилепил.

И уродцем коричневым
Ты стоишь на столе.
Нет фигурки ксмичлее
На кровавой земле.

Человечек мой, греющий
Мира мерзлую суть,
Я твой бог, не умеющий
Душу в тельце вдохнуть.

От бессильного отчества
Ты не сыщешь добра.
На твое одиночество
Евы нет из ребра.

Человечек мой, слепленный
Сикось-накось, в канун
Вознесения светлого,
В звоне ангельских струн.

На фольге и закончится
Бренной жизни тропа,
Но бессмертно сотворчество
Божества и раба.

* * *

У Франца Шуберта урок.
Он сел за клавесин.
На крышке рыжий кот прилег
По клычке Апельсин.

Сейчас войдет девица лет
Одиннадцати в зал.
Он передвинул табурет
И «черт возьми» сказал.

За сырость музыкальных фраз
Обязан допекать
Дочь графа Эстерхази Франц,
Которого нанять
Решились тут за стол и кров,
За кровный гонорар.
Служи, служи без лишних слов
У будапештских бар.

«Мария, грация пленá» —
Мелодия щемит,
Из толстых губ вознесена
В Небесный храм, в зенит.

Но начинается урок,
И Франц уверен — ей
На блюде сахарный угод
Нужнее и важней.

Она с ладами не в ладах.
Он сдержан, терпелив,
Лишь бакенбарды иногда
Щипками теребит.

Когда же вызреет луна —
Поужинать и спать,
«Мария, грация пленá» —
Молитву прошептать...

В чужие превращаясь сны
О славе мировой,
И в пополнение казны
Для малых с головой,

Через пространства, времена
Дух ангельский летит.
«Мария, грация пленá»
Мария...» Шуберт спит.

Мороженщица Като

Бессмысленно, словно овца,
Кричит по дворам и с порожным
Лотком отправляется прочь.
И пот вытирает с лица:
«Маррожни! Маррожни! Маррожни!»
На отдых отводится ночь.

А что заработано? Что
В кармане? На хлеб да картофель.
И сколько детишек в трусах
Без денег... Старуха Като
Всех помнит — в анфас или профиль—
Замурзанных, хилых, в слезах.

Бывало, зовут из окна,
И, свой на колесах треножник
Оставив, с одышкой плетясь,
По лестницам тащит она
«Маррожни, маррожни, маррожни...»
Ей каждый купивший — что князь.

А годы — хоть их заморозь,
Растают когда-нибудь точно,
Как всякий на блюде пломбир.
И спросит старуху Христос:
«Като, пробил час твой урочный,
И с чем ты покинула мир?»

Ответит: «Одежду—портной,
Ботинки да туфли — сапожник,
А я не скопила добра.
И доброй не стала женой.
«Маррожни, маррожни, маррожни»
Таскала по старым дворам».

ПЕВЕЦ КРАСОТЫ

Щедрому таланту классика грузинской живописи Ладо Гудиашвили, как говорится, с ходу повезло. Уже самые первые его картины были тепло встречены в тогдашнем Тифлисе, о чем поведали России и пост-акмеист Сергей Городецкий и поэт-футурист Илья Зданевич. В начале двадцатых годов французский поэт Андре Сальмон озаглавил свое предисловие к каталогу первой парижской выставки Ладо словами: **МЫ ПОЛЮБИМ ЕГО.** Это прозвучало не как пожелание, а как полная уверенность. И поэт не ошибся — его действительно полюбили. Если говорить только о русских поэтах, то можно было бы составить целый том восторженных строк, посвященных ему. К столетию со дня рождения художника редакция получила еще одно свидетельство этой любви.

Наталья ШЕМЯТЕНКОВА

Гимн красоте

Посвящается Ладо Гудиашвили

Как погрузиться в этот мир?
Вглядевшись пристально в полотна,
Открыв тогда полетность крыл —
Он красоту дарил охотно.

Художник, удививший мир,
И сам умевший удивляться,
Над серостью он воспарил
И мог, как Бог, во сне являться.

Душа, вместившая сполна
Палитру огненных закатов,
Его фантазией полна,
Игрой предгрозовых раскатов.

Лиловость туч, сверканье гор,
Немое обаянье лета,
Цвета, чарующие взор,
Хитросплетенья питей света.

Вся роскошь радости земной,
Изысканность цветов повсюду
И свежесть фресок с глубиной
И вдохновеньем, словно чудо.

И истонченная мечта,
И дерзкий дух огромной силы,
И светлых ликом чистота,
Струящиеся руки милых.

Простой сюжет — портрет жены,
Полет ресниц, в очах — решимость
Открылись с чудной стороны:
Загадка, нежность и стыдливость.

И сказочный прекрасный конь,
Фантазий бурное богатство,
И затаившего огонь
Взгляд монстра с примесью злорадства.

Мысль, устремленная вперед,
И счастье, полнящее взоры,
И от холстов тепло идет,
Прозрачность синяя, как горы.

Поток энергии с небес
Разлился на его полотнах,
Как будто звуки мощных месс
Отсчитывают время в нотах.

Овалы лиц и тонкость рук
У дев с их легкостью газели,
Смятенне, почти испуг,
И радуга в тонах пастели.

И поз изгибы, словно сон,
Гармония любви поющей,
И радостный весне поклон,
И страсть в глазах себя дающей.

Страданий прежних ренессанс
И непреложность старых истин,
И трепетность, разлеты глаз
В движеньях неумных кисти.

И устремленный к свечке взор,
Сокрывший грусть души во мраке,
И отчуждение в упор
Лица Бориса Пастернака.

Взгляд скорбный, будто бы «Февраль»,
Когда «достать чернил и плакать»,
И как далек сейчас Грааль,
И как близки ненастье, слякоть.

Миг уловив, суть разгадавший,
Познал, что жизнь есть суета,
И он, всю жизнь свою страдавший,
Лишь верил: вечна Красота.

Смешались монстры с красотой,
А он, Ладо, писал, писал
Гимн красоте перед войною,
Хотя известен был финал.

Пощечина перед дуэлью
С самим собой или судьбой.
Бесценный дар всем поколениям —
Гимн красоте пред пустотой.

Наотмашь кистью, словно шпагой,
Он серость красками закрыл.
Ах, если б мы, с его отвагой,
Вновь обрели полетность крыл.

И, онемев пред Красотою,
Забыли навсегда вражду,
И жили истиной простою:
Со всеми и с собой в ладу!

Москва

Гурам ОДИШАРИЯ

Возвращение в Сухуми

(ФРАГМЕНТЫ)

Плащ

Мы дружим со Славиком Лакобой. Это то время, когда он еще не стал Станиславом Зосимовичем, пока он просто Славик Лакоба, Слава.

Мы — студенты. Почти ровесники. Пишем стихи. Кутим с друзьями то в «Амре», то, чаще всего, в крытом черепицей «Нартаа», здесь вино дешево, «Вазисубани» и «Цоликаури» стоят каких-то полтора рубля. «Лыхны» и «Анакопия» — сравнительно дороже, но тоже недорого. Если «финансы поют романсы», ничего не остается, как пить вино ночных сторожей — «Эрети», оно почти бесплатное, стоит копейки. Да и аджарские хачапури в «Нартаа» не больно дороги. О кофе я уже не говорю, оно, благословенное, в Сухуми течет ручьями.

Ходим к морю.

Слава открыл для меня Хлебникова. Мы беседуем с ним о Галактионе, Гранели, «голубороговцах», Отаре Челидзе, Харанаули, о современной грузинской литературе... Мы изучаем восточную литературу, главным образом, японскую и китайскую, философию, древнеиндийскую и древнекитайскую, вгрызаемся в книгу Завадской «Восток на Западе», читаем все подряд о дзэн-буддизме. Достаем Ницше, Набокова, Солженицына... При этом очень осторожны, ибо око КГБ не дремлет.

У КГБ нет больших и малых проблем, оно работает неумолимо и планомерно и, конечно, столь же неумолимо спросит с нас в случае чего. Мы же счастливы — читаем запрещенную литературу, ощущая на себе бдительное око, скрываем сокровенные мысли, однако, несмотря на брожение в наших умах, здание, именуемое СССР, все еще стоит прочно. В гастрономах продаются мороженые куры, несколько сортов колбасы, навалом копченой рыбы, консервов. Хлеб — без талонов, и черный, и серый, и даже, представьте себе, белые буханки. И если кто-нибудь продаст вам в магазине масло стоимостью в 3 рубля 80 копеек за четыре рубля, его задержит милиция, впрочем, за определенную мзду может простить и отпустить. Многих трясет при одном упоминании Бюро окружного и городского комитетов партии. Люди, близкие к высшим эшелонам власти, любят повторять — «на заседание бюро может войти дерьмо, а выйти человек, но может и наоборот: войти человек, а выйти дерьмо».

Славик Лакоба выпускает стенгазету «Футурист» — представителям КГБ она, прямо скажем, не по нутру. Они имеют подозрения против Саши Лютикова, против меня, а вот против Славика поначалу почему-то нет.

Саша Лютиков на редкость эрудированный парень из Ростова. Почти наизусть знает джойсовского «Улисса». Он умер совсем молодым от внутреннего кровоизлияния. Произвел над собой жестокий эксперимент — сорок дней голодал и в течение всего этого времени не прекращал тренировок, причем каждое утро пробегал по несколько километров.

Мы со Славой по-своему развлекаемся на лекциях — пишем на листке бумаги по одной фразе любого содержания, потом загибаем лист, чтобы нельзя было прочесть фразу, в перерыве между лекциями меняемся листками, а после лекций распрямляем их и читаем наши прозаико-поэтические творения — это открытое нами новое течение, неизвестный дотопе «изм».

Как-то в этот литературный «турнир» пожелал включиться наш однокурсник Малхаз Сихарулидзе: дайте мне написать хотя бы одну фразу. Мы великодушно позволили. Я и сейчас помню написанную им строку: «Там, где не может пройти человек, проходит вездеход».

«— Ну ты даешь, Махо. — сказал ему Слава, — это, брат, на уровне Заратустры, у тебя, определенно, данные сверхчеловека, — проходишь там, где простому смертному не пройти».

«— Не знаю, не знаю... вообще-то я целый час ломал голову над этой фразой», — Малхаз скромно опустил голову.

Короче, эта строка была первым и последним шедевром Малхаза — мы запретили ему писать, причем навсегда.

У Славы замечательные родители. Мать, тетя Женя, работает в синопской аптеке. Отец — старый шофер, давно уже болеет глазами, почти не видит.

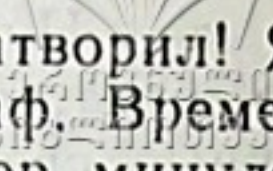
Мы — частые гости друг у друга.

Я дружу и с его братом Гено. Это человек нежной души, хороший скульптор. Он закончил Тбилисскую академию художеств, у него там много друзей. Вспоминаю репродукции картин Босха, Гойи, Дали, виденные мною в доме братьев Лакоба. Ужасы, изображенные на них, не идут ни в какое сравнение с теми кошмарами, что явила нашему родному городу война.

Слава очень любил свою бабушку. Она жила в Верхней Эшере. Одна бабушка у него была абхазка, другая — русская. Первый сборник своих стихов он посвятил их памяти. Однажды он рассказал мне, как в бабушкин двор как-то раз вползла змея. Слава хотел убить ее, но бабушка не позволила: она — наш гость, а гостя убивать нельзя. И стала молиться. Змея застыла на месте, как если бы запоминала бабушкины слова, а потом уползла вон со двора.

У меня был белый плащ. Тогда вошли в моду белые плащи. Как-то раз собрались мы на набережной, там, где Беслети впадает в море. — я, Славик, Темур Мжавия, Мурман Гогия... Мы сидели в эвкалиптовой рощице на длинной садовой скамейке, курили, валяли дурака. Вдруг Слава говорит: давай напишем стихи на твоём плаще, он белый, и на нем они будут хорошо выделяться. Я согласился, и мы стали писать на плаще трехстрочные стихи типа японских хокку (или, как их иногда называют, хайку) — то я — две строки, а третью Славик, то наоборот. К вечеру плащ, которым я так гордился, был весь исписан. Стихи были о море, Сухуми, девушках, дожде, траве... Дома, увидев мой

плащ, мама распекла меня — что это ты натворил! Я не разрешил его выстирать и повесил в шкаф. Временами демонстрировал его друзьям. С тех пор минуло более чем двадцать лет. Я и сейчас вспоминаю этот плащ и никак не могу припомнить, куда же он подевался.

После окончания института мы со Славой долгое время еще встречались. Слава работал в газете «Советская Абхазия», я же — в «Сабчота Абхазети». Почти одновременно вышли и сборники наших стихов. Помню, в то время вокруг «Малой Земли» Брежнева был поднят дикий ажиотаж — гениальная книга вождя! В «Советской Абхазии» появилась заметка за моей подписью. Будто бы я писал, какое огромное впечатление произвела на меня, как на писателя, книга Брежнева, как вырос я творчески после прочтения этого шедевра и т. п. Я понял, это проделка Славика Лакобы. И не остался в долгу — опубликовал в «Сабчота Абхазети» идиотский стих, выдав его за перевод его творения.

Да, было время, прямо скажем, не похожее на нынешнее. Славик был гостем на моей свадьбе, поздравил с рождением дочери. По-старинке встречались, вместе пировали.

Потом жизнь развела нас, мы уже реже виделись. Меня ждал портфель литературного чиновника — в 1987 году я стал редактором журнала «Рица». Славик же начал работать в Институте истории, языка и литературы Абхазии, защитил диссертацию. Потом его избрали депутатом Верховного Совета Абхазии.

В последние годы он стал избегать меня. Однажды, увидев его на улице, я остановил машину и сказал: «Я все тот же Гурам Одишария». «Знаешь, — ответил он мне, — если мы с тобой друг друга не поймем, никто не сможет понять друг друга». «Безусловно», — согласился я. Это был конец 1989 года.

Он не пришел на похороны моего отца и позднее не выразил мне соболезнования. Впрочем, мне не известно, в каком настроении пребывал тогда бывший мой друг — в радостном ли, горестном. Это то время, когда к Абхазии подкрадывалось 14 августа 1992 года.

У Велемира Хлебникова есть стихотворение, в котором он говорит, что ему гораздо большее удовольствие доставляет любоваться цветами и звездами,

нежели видеть темные ружья стражи, расстреливающей людей. «Вот потому я никогда, нет, никогда не буду Правителем», — так звучит последняя строка этого стихотворения. Славик Лакоба, любивший этот стих, переписал его своей рукой и подарил мне. Я хранил этот листок в книге Хлебникова. Кто знает, где теперь эта книга, или тот листок, или вся моя библиотека!

Сколько лет не встречал я Славика! Может, мы никогда и не увидимся более, но если Богу будет угодно, чтобы наша встреча состоялась, первое, о чем я спрошу его, помнит ли он мой плащ, который мы исписали стихами?

А может быть, возьму и пошлю телеграмму такого содержания: «Славик, помнишь тот плащ, на котором мы стихи писали?»

Из Тбилиси в Сухуми телеграмму, естественно, не пошлешь. Надо попросить кого-нибудь сделать это из России. Я не подпишусь под ней, он и так сразу все поймет.

И поскольку адрес его сегодня известен всем в Абхазии, я уверен, телеграмма без труда найдет адресата — заместителя Председателя Верховного Совета Абхазии Станислава Зосимовича Лакобу.

* * *

И все же самое страшное, что сделала война — она не пощадила детский мир. Война перевернула прекраснейшую их страну волшебных сказок и диснеевских фантазий. Подобно компрачикосам изуродовала ее, разорвала в клочья, обратила в прах. Смотрю я на ребят, переживших войну, и вижу — они и похожи на детей, и не похожи. Понадобится немало времени, чтобы понять, что произошло с их душами. Сынишка одного моего знакомого (имени ребенка не припомню, фамилия — Габуния) во время войны начал ходить и говорить. Однажды он попросил отца, довольно четко и ясно и в какой-то степени категорично, «нарисовать вражеский самолет. Пораженный отец, как мог, нарисовал ему самолет. «А теперь, — потребовал малыш, — нарисуй мне наш самолет». Отец в другом углу листа изобразил требуемое. Малыш выбрал фломастер красного цвета, схватил его обеими ручками и от носа «грузинского» самолета провел жирную линию к «враже-

скому» самолету. Сблизившись с «врагом», полоса превратилась в клубок огня и дыма, окутавший самолет. Загорелись хвост, крылья... Самолет со свистом стал падать и, рухнув на землю, взорвался. Летчик не успел катапультироваться и сгорел вместе с самолетом. Только тогда малыш поднял на отца блестящие глаза — он же сбил «вражеский» самолет, да, да, он сбил самолет, правда, о его мужестве никто не сообщил в пресс-центр Минобороны Грузии, ну и что, он ведь исполнил свой долг...

Во всей этой истории ужасает то, что малыш действительно воевал, мобилизовав все свои чувства и энергию. Он не в компьютерную войну играл. Им двигала ненависть. Этот малыш сейчас беженец. Живет в Тбилиси. Недавно он узнал, что в Тбилисском зоопарке закололи медведя и его мясо скормили голодным животным. Мальчик потрясен. Война для него продолжается.

* * *

2 октября 1993 года. Полночь. Перевал. Альпийская зона. Мы с Джемалом Дарцмелия останавливаемся у валуна на краю дороги. Переводим дух. На валуне примостилась старушка, она едва слышно стонет — помогите, помогите. Мы не можем ей помочь. Старушке не нужно ни хлеба, ни воды. Ей хочется мира и покоя, хочется быть в окружении детей и внуков, ей хочется жить. Мы не можем ее нести. В гору, забывая, поднимается «Урал» — военный грузовик. У «Урала» три моста, он легко одолевает перевал. Кабина набита молодыми военными. «Стой, ребята!» — кричим мы. Они не останавливаются. Уставились вперед, ничего больше видеть не хотят. Все — на одно лицо, никого не запомнишь. И они хорошо знают это. «Урал» удаляется от нас. И тут мы замечаем, что в кузове его ни души. «Урал» с воем преодолевает крутой поворот, мы присматриваемся и видим иномарку, если не ошибаюсь, «Мерседес», усталым животным, гордым своим ценным мехом, притаившийся в кузове. По-видимому, он надежно был закреплен, не то на таком крутом повороте определенно соскользнул бы с кузова. «Урал» удаляется, рядом на валуне умирает старушка, мы, изнемогшие, уставились ему вслед, и кажется нам, что все это

происходит не с нами, а в каком-то заграничном фильме. В Сакени водители таких вот «Уралов» за перевозку машины требовали миллион русских рублей. И клиентов было — хоть отбавляй. А ведь этот грузовик может перевезти в безопасное место сразу 30—40 человек, спасти 30—40 умирающих, но, как видно, его уже не остановить. Даже оружие не применишь — в ответ из кабины сразу застрочат автоматы. Нет такого человека, который остановил бы «Урал», выкинул бы на обочину дороги «Мерседес» и посадил бы в кузов 30—40 детей и стариков. Эта картина для меня — позор Грузии: перевал, «Урал», «Мерседес» и умирающие люди — символ нашего поражения.

Война есть война, но и послевоенный мир — своеобразное продолжение войны. Одни утверждают, что мы проиграли войну России, другие — северокавказцам и казакам, третьи отстаивают свою, особую точку зрения. Давайте оставим все эти рассуждения и поговорим о той войне, которую Грузия проиграла самой себе. Я не политик, и военное дело для меня — темный лес, и осуждать я никого не вправе, но одно неопровержимо — Грузия должна была так или иначе остановить эту войну, не вести ее, точнее — не начинать! Мы не смогли сделать это. Именно потому грузинская политика потерпела поражение, и это поражение повлекло за собой столько крови. Придет время, и специалисты проанализируют причины войны и ее итоги. Я хочу сказать другое — Грузия потерпела поражение еще до войны! Война в Абхазии — подтверждение тому, что Грузия проиграла свою наипервейшую войну. Больше ничего. Грузия, как и любая другая страна, искони ведет извечную войну — это война с самой собой. Это война нравственности против безнравственности, добра — против зла, верности — против предательства, любви — против ненависти. И как никому не убежать от себя, так и Грузии никогда не избежать этой войны. Она — вечный ее спутник. Когда Грузия выигрывала ее, она была единой, сильной, счастливой страной, выходящей победительницей из других войн, часто и не воюя вообще, и даже врагу была по душе такая Грузия. Когда же она проигрывала свою первейшую войну, она терпела бедствия и поражения в других войнах.

Пока Грузия побеждена в войне с самой собой, она

не выиграет никакой другой войны и вечно будет терпеть поражение.

Еще раз подчеркиваю — я говорю не о той войне, которую мы проиграли кому-то другому, но о той, которую проиграли самим себе!

Железную дорогу не защищают посредством танков и авиации, наши политики не смогли рассчитать, к чему приведут их действия. В итоге — десятки тысяч жертв, смертельная вражда между народами, гнетущая атмосфера ненависти.

В конце войны с неслыханной, нечеловеческой жестокостью была уничтожена большая часть грузинского населения Абхазии. Погибли честные добрые люди, как это обычно бывает (большинство жертв войны, как правило, безвинные светлые души). Это — закон войны, ее мораль, ее религия. Бог наказывает нас, забирая к себе избранных.

Мы были побеждены еще до войны с Абхазией!

Мы проиграли, когда допустили эскалацию ненависти, когда изрыгали желчь вместо того, чтобы сказать — «грузины, любите друг друга». Друга мы обратили во врага, противника — в заклятого ненавистника, в собственной семье объявили охоту на агентов и врагов народа, недостойных возвысили, инакомыслие преследовали с криками. Мы превратились в убийц, правда, пока словесных, ибо забыли сказанное в Священном Писании — всякий, возненавидевший брата своего — человекоубийца. Забыли сказанное Руставели: «Можно речью сладкозвучной из норы извлечь змею». Это забыли даже ступившие на вершину политической пирамиды руствелологи.

Нет несчастнее того, кто одержим ненавистью. Сегодняшние ненавистники — творцы завтрашней войны, зачинатели ее.

Жестокие слова повлекли за собой жестокие залпы. За уважаемым «макаровым» последовал господин «калашников». Все разыгралось, как в спектакле ужасов. Глупо и зло занесенная наша рука на нас же и обрушилась. Оружием завладели подонки. Оно пустилось путешествовать по стране. Мы здесь, в Тбилиси, проиграли абхазскую войну!

Мы потерпели поражение, когда первый наш Президент не остановил первые залпы приблизительно та-

кими словами: из-за меня не должна пролиться ни одна капля крови, грузины, давайте будем любить друг друга! Примеру французского Президента Де Голля в Грузии не последовали. Ненависть перевесила все!

Если этот страшный сценарий действительно был кем-то где-то написан, то мы наши роли сыграли на совесть, наивно восклицая при этом: мы не хотели делать этого, нас заставили.

Мы проиграли тогда, когда неумно повели себя в Самегрело, когда сводили счеты и наказывали ни в чем не повинных, когда грабили свой же народ. Поверженное правительство не пощадило этот край, призывая его фактически к кровопролитию, войне, дабы вернуть себе скипетр — символ власти. Не пощадило его и новое правительство, силой оружия одолевшее старое... А в итоге в водовороте греха карался народ, каралась вся Грузия. В результате столица и периферия, подобно вавилонянам, перестали понимать друг друга. Пренебрежительное отношение к горю ближнего, непонимание его боли и страданий, предательство предопределили наше поражение. Из проклятых лет грузинской истории вновь вынырнуло завораживающее видение — престол, и борьба за него не замедлила разгореться, борьба за тот самый престол, который, несмотря на то, что на дворе конец XX века, несмотря на столько обрушившихся на наши головы несчастий, что уже и дурак кое-чему научился бы, все еще кажется нам червонным золотом, в то время как он всего лишь позолочен злым демоном, да еще вымаран в нашей крови. Завораживающий блеск трона, пролитая на нем свежая кровь и засохшая старая — вот еще одна причина нашего поражения! Мы проиграли из-за нашей взаимной ненависти и той традиции беспощадного отношения друг к другу, которую так и не смогли изжить из сердца. Мы проиграли из-за нашего безбожия!

Мы потерпели поражение, когда, расчленив и ампутировав собственные души, воевали в Абхазии. Инвалид, у которого отняты конечности, еще может выиграть войну, но человек с убиенной душой — никогда!

Мы наказаны за нашу ненависть, за нашу глупость! Мы получили свое за крайний радикализм, влекомые коим в который уже раз угодили в западню и пролили потоки крови. Захотели одним махом преодолеть про-

пасть, осилить которую можно разве что самое меньшее в три прыжка. И сорвались вниз, естественно.

Мы стали сперва братоненавистниками, а потом братоубийцами. Именно тогда мы и проиграли. Бог проклял братоубийцу Каина и отметил его, чтобы никто не мог посягнуть на его жизнь. Он должен был жить и нести миру свой грех. Бог присудил ему жизнь — высшую меру наказания! Не имеет никакого значения, кто из двух братьев прав. Главное и ужасное в том, что один из них братоубийца. С таким даже просто не побеседуешь, с таким не сядешь рядом за праздничным столом.

Так мы и проиграли!

На перевале гибли старики и дети, а мы, ослепшие от страха и алчности, перевозили на «Уралах» и вертолетах свое добро, грабили полумертвых соплеменников, покидавших свои дома с одним узелком в надежде, что их, измученных и гонимых, пригреет и приютит Отечество. Мы не пощадили их, не пощадили собственные надежды. Столько доброты мы встретили в пути, столько сочувствия и благородства, и я никогда не думал, что стану свидетелем проявления такого зла!

Я родился и вырос в Абхазии и хорошо знаю, что говорю — абхаз никогда не поступит с попавшим в беду абхазом так, как мы поступали друг с другом там, на перевале. Мы потерпели поражение не в территориальной войне, а в войне нравственной, и в первую очередь с самими собой!

Мы проиграли, когда поколению любителей комфорта позволили взять над собою верх. Грузия стала на колени перед ними, капитулировала. Нас победили культом денег и валютных магазинов, возвеличиванием «хороших парней» и лжи. Воры и представители правоохранительных органов, спекулянты и высокопоставленные чиновники сели за один стол еще в 60-х годах. В результате возник уродливый гибрид — симбиоз мафиози, спекулянтов и временщиков. Мрак одолел свет!

Пусть никто не думает, что мы перешли через перевал. Мы застряли на полпути, на рубеже жизни и смерти, и там останемся навсегда, пока вокруг гибнут люди, пока мимо нас проносятся «Уралы», груженные иномарками. Пока в это лихое время, подобное которому, мне кажется, не сохранила даже наша историческая

память, мы предаем друг друга, пока разобщенные, руководимые местечковыми интересами, поклоняемся ненависти, пока, неразумные и бессовестные, ругаем и клянем друг друга, пока выхваляемся и гордимся собой, пока разбойничаем и убиваем, пока исходим злобой, пренебрегая любовью и светом всей Грузии, добром и разумом ее, мы будем оставаться там, на краю пропасти, на ветру и холоде перевала, в тумане и одиночестве, неприкаянные, наказанные Провидением, выродившиеся патриоты!

Святая святых своей души мы отдали перекупщику, духовно подчинились ему, осквернили собственные души. И все — продажные военные высших рангов, отъевшиеся, привычные к роскоши гражданские лица и еще многие, многие другие всеми правдами и неправдами продавали «мертвые души» на этой войне, которой не должно было быть. Мы продавали «бумажные батальоны», оружие и продукты, военную форму и даже зубные щетки для солдат. Мы продали честь, надежду и веру, продали, а потом растаскали по домам поражение Грузии, падение Грузии, позор Грузии! Нас погубила бесчеловечность!

Сухуми превращался в руины, в одном из его районов гремела война, а другой покупали спекулянты, покупали и продавали, делили, торговались друг с другом. Продавалась гуманитарная помощь из-за рубежа целыми кораблями и самолетами, наркодельцы кажутся безгрешными юнцами в сравнении с «гуманитародельцами». Известное дело — четверо-пятеро дерзких разбойников заставят плясать под свою дудку караваны торговцев. Перекупщик — жалкое трусливое создание. Пронизанная спекулянтским духом война давно закончилась поражением. Не носиться вашим «мерседесам», парни, без «хвоста», 30—40 погибших страшной смертью душ и еще столько же ежедневно, ежеминутно следуют за вами, и зря вы думаете, что они вас не видят. В конце концов можно было перевезти свои машины и позднее, оказали бы сперва помощь гонимым. Вы обречены, парни, на вашем добре грех. Вы — рабы своих грехов, и не только вы, мы тоже — и все из-за вас! На ваших деньгах — кровь Васико Джишкариани, воина-рыцаря, который говорил: «Придет время, и мы обязательно помиримся, грузины и абхазы, и в первую

очередь истинные войны, мы пойдем друг друга, мы, мужчины, а не убийцы, не мучители, не подонки». Мы и из-за вас проиграли, прискорбно сознавать это. Были ведь, ребята, и другие способы делать деньги. Там, где торжествует спекулянтский дух, победа невозможна!..

Мы проиграли тогда, когда наши лидеры, ругая и критикуя на митингах Россию, набирали политические очки. Критика — критикой, но куда, куда подевалась мудрость, которая должна была вывезти Грузию, как угодивший в смерч корабль, через рифы и подводные камни в безопасное место? Где был тот гроссмейстер, который за 10—15 ходов должен был рассчитать хотя бы приблизительно ситуацию, что сложится на шахматной доске политики, доске, где гибнут не деревянные фигуры, а люди.

Развал Грузии начался с развала ее души. (Ганди говорил: англичане не завоевывали Индии, мы сами отдали ее им).

Мы — страна обвинителей, все осуждают и судят друг друга, себя же каждый считает безгрешным. Даже среди ангелов такого не бывает!

Управители наши и раньше не признавали и сейчас не дают себе отчета в том, что согласно древнему высшему принципу, каждый из них есть пастырь, а каждый житель Грузии — сын его, и пастырь должен заботиться о нем, как о первенце своем; заботиться и лелеять свою паству и любить без исключения всех. Любите и будете любимы! Отечество — это не только горы и реки, география и геополитика, Отечество — в первую очередь, Человек!

И пока мы сами не осознаем нашего позора, пока сами не отмоемся от грязи и нечистот, пока не скажем друг другу без обиняков и ненависти, что надо сказать, спасения нам не будет. Мы должны помочь друг другу исцелиться и исцелить страну, попавшую в круговерть несчастий. Мы сами должны встать на ноги, ни на кого не надеясь, — в противном случае этого никогда не произойдет.

Мы еще и прокляты к тому же — бросая друг другу горькие, но правдивые слова, мы не вкладываем в них тепло своих сердец: «я говорю тебе это потому, что

люблю тебя и хочу, чтобы тебя любили и другие. Я /
хочу, чтобы ты был лучше!»

Мы проиграли, когда 87% голосов отдали за Пре-
зидента, а потом 95% — за Главу государства. Для
любой нормальной страны это ненормальные проценты,
хороший повод для серьезных раздумий. Мы страна,
которой нужен вождь, хозяин. Нужен для того, чтобы
потом, когда придет время отвечать за свои деяния, все
свалить на него. Нам нужна жертва! Только бы самим
не оказаться в виноватых! Мы вознесем его до небес,
обожествим, а потом с известным удовольствием обру-
шим наземь. Это наш тайный безнравственный сговор.
Мы живем так, будто арендовали эту страну. Нару-
шено единство государственной целостности и совести,
размыто чувство единой ответственности.

Мы проиграли, потому что не верили, не любили.
Мудрецы предостерегали Олоферна, военачальника ас-
сирийского царя Навуходоносора, идущего походом на
Израиль, — израильтян можно одолеть лишь в том
случае, если они забудут своего Бога и он отвернется
от них. Но они любят своего Бога и верят в него. А
мы? Мы вычеркнули из памяти Господа нашего и были
наказаны за это. Господь не помог нам.

Иные из нас сегодня успокаиваются тем, что по-
лагают — в таком положении в других странах дело
обстояло бы куда хуже. Допустим, это так. Что из это-
го? Разве это облегчает нашу участь? Зачем обманыв-
ваться? Оставим других, спросим прежде всего с самих
себя, расскажем в своих грехах — больших и малых.
На нас ведь греха достаточно. Сперва надо самим ду-
ховно очиститься, а потом призывать к ответу других.
Это будет честно и благородно с нашей стороны. Труд-
но, невозможно жить с нераскаявшейся душой. Давид
Строитель оставил нам могущественную Грузию и «Пе-
снопения раскаяния». Неужели же мы не оставим по-
томкам даже простого человеческого раскаяния?

Впрочем... впрочем, кто знает, имеет ли смысл го-
ворить об этом сейчас, ведь истина окончательно станет
известна спустя годы.

...А вас не видел в Сухуми во время войны, калба-
тоно Этер. Вы, оказывается, болели и находились в
Тбилиси. Иногда в доходивших до Сухуми газетах чи-
тал ваши стихи, слышал, вы готовили к печати книгу.

В сентябре вы вернулись, а тут и война возобновилась. В конце сентября расстреляли вашего мужа, а с вами покончили в октябре. Мне сказали — они прекрасно знали, кто вы — поэтесса Этер Самхарадзе-Джгамадзе. Вас вывели из дому и...

«Все так и было, Гурам. — слышу я, уйдя в свои мысли, ваш голос, как обычно, такой печальный и одновременно жизнерадостный, — мне говорили, не уезжай, опасности уже нет, скоро в Сухуми войдет русская дивизия, и война прекратится. Наши военные так говорили. И я осталась. Мужа убили 28-го прямо во дворе нашего дома. В ту ночь я спряталась в овраге, помните, что у моего дома. Потом меня приютили Барамия, а потом и их расстреляли — мужа и жену, не знаю, за какое такое преступление. Ну а потом и меня убили... правда, я не поняла, разорвалось ли мое сердце прежде, чем в него вошла пуля, или наоборот, впрочем, это уже не имеет значения...

...А на вас, на вас кто поднял руку, златокудрые сестры Жвания?! Какие нелюди вас убили? Как не пощадили вас, маленьких принцесс? Вы бежали из Сухуми в Гульрипши, а теперь лежите в земле Верхней Пшави вместе с родителями и бабушкой, всеми преданные, всеми брошенные. Вся страна перед вами виновата. Ваши тела замучены, расчленены, а души ваши, подобно двум невинным голубкам, порхают в небесах безмерно запоздалого раскаяния...

...И тебя убили, Тенгиз Вадакария? Тебя, преждевременно поседевшего художника? Ты вырос на моих глазах, и я помню, как однажды ты пошел в акациевую рощицу, что близ нашего дома, нарвать фиалок и вернулся со слезами на глазах. — «Я не смог сорвать их, — сказал ты, — они так отчаянно вжимались в траву, словно боялись, что их обнаружат». — Ты тогда не выполнил домашнего задания...

«Всю войну я и мой сосед Вова, он абхаз, были вместе. Мы ровесники, нам обоим по тридцать пять. Как мог, я его оберегал, снабжал хлебом, защищал от мародеров. Когда стало ясно, что Сухуми падет, Вова сказал мне: «Оставайся, ты мне помог, теперь пришел мой черед». Я остался... Первые отряды, вошедшие в город, не трогали мирное население и никого не грабили. Но за ними шли подразделения убийц. Солдаты из батальо-

на Баграмяна вывели меня из дому. Тут примчался Вова и говорит им: я абхаз, а это мой сосед, хороший человек, отпустите его. «А мы как раз хороших и ищем» — отвечают они, — плохие и грузинам не нужны». Вова умолял их не трогать меня, но тщетно. «Тогда, — сказал он, — сперва расстреляйте меня». «Пожалуйста», — был ответ, и Вову изрешетили. Потом и меня убили. Вову похоронили в его дворе, меня — в моем под яблоней».

Слава твоему мужеству, Вова! После всего того, что случилось в Абхазии, после обоюдных предательств, кровавых мщений, варварских убийств твоя беззаветная преданность другу наполняет меня светом надежды, светом, который льется из глубины веков и никогда не затухал в душах каждого из нас. Никогда не было подобной войны между грузинами и абхазами, никогда мы не были так беспощадны друг к другу! Об этой войне будет написано немало страниц, все будет взвешено и разложено по полочкам — придет и это время, но я уже сегодня глубоко убежден — народы невинны, война готовилась в иных сферах, хотя пожар страданий бушует не в душах ее авторов, а в народных душах. Все пули войны разрывают сердца невинных. Такова ее природа. Не знаю, поймут ли меня те, у кого расстреляли детей и замучили близких, но я все же скажу — настанет время, и мы снова будем делить горе и радость, как делили их веками, как это вообще должно быть между людьми. Народная мудрость и любовь восстановят разрушенную войной дорогу, война ведь дала множество примеров взаимной помощи и поддержки. Другое дело, палачи и убийцы — их преступления не простятся ни Богом, ни человеком. Они обречены!

Мы вышли из войны совершенно другими людьми. В зеркале войны мы увидели свое отражение и еще раз убедились, как она страшна! Война не управляема, ее надо уничтожать в зародыше, а по многим и многим причинам мы потерпели поражение еще до ее начала. Временами я думаю, что, наверное, лишь после великих мучений нам суждено сформироваться как нации. И сейчас мы испытываем эти мучения. Формируемся! В который раз?!

Главное на сегодняшний день, страна не должна проигрывать свою первейшую войну: каждый день, каж-

дую минуту, каждую секунду она должна побеждать. Мы должны одолеть зло каждый в отдельности и все вместе. Наверное так, как одолел его Цотнэ Даднани, апостол мудрости и чести. Узнав о трагедии, постигшей его друзей, он без лишних слов (оперируя сегодняшними понятиями — без всяких митингов), без бряцания оружием (что стоит одна сабля против многочисленного врага), исполненный любви к собратьям и Отечеству, разделил с ними муки и боль. Даже враг оценил поступок Цотнэ Даднани, убедился в его мужестве, уверовал в его преданность друзьям и самоотверженность, проникшись к нему уважением, освободил и самого Цотнэ, и его друзей. Так победила тогда Грузия. Не проливая крови, Цотнэ Даднани одолел врага — без оружия — своей преданностью, мужеством, мудростью, благородством, любовью...

Великое слово — «любовь» — чистое и сияющее, как слеза ребенка...

* * *

Я не видел, как открывали памятники, но стал свидетелем, как их разрушали.

Помню кадры, показанные по телевизору, — низвержение памятника Ленину на площади его же имени в Тбилиси ночью, при свете прожекторов. Скульптура рухнула на асфальт и в нескольких местах разбилась. Народ с криком бросился к обломкам. Иные даже взобрались на расчлененного вождя. С экрана несся сплошной рев и восторженные выкрики. Люди преступили грань между народом и толпой, а толпе нужен был новый вождь.

Спустя некоторое время площадь Свободы (переименованная площадь Ленина) полыхала в огне братоубийственной войны. Борьбе за престол приносились в жертву люди...

Также по телевизору видел я, как на огромной грузовой машине по Руставелевскому проспекту везли низвергнутый памятник Орджоникидзе. Верхом на скульптуре сидела сумасшедшая, она что-то выкрикивала, жестикулировала. Прохожие, сгрудившиеся на краю тротуара, с гиканьем и хохотом провожали умалишенную женщину и усатого комиссара.

Прошло немного времени, и на проспекте Руста-
вели застрочили автоматы Калашникова.

Войдя в Сухуми, грузинские танкисты дали залп по памятнику Ленину, стоявшему перед Дворцом правительства. Ленин приподнялся в воздухе всего на несколько сантиметров, покачнулся и рухнул лицом вниз на гранитные ступени. На пьедестале остались лишь ноги вождя, своеобразный символ ленинских шагов по ленинскому пути.

Именно здесь, у обрубков ленинских ног, на фоне сплошь почерневшего от пожара здания фотографировались в честь взятия Сухуми солдаты победившей абхазской стороны.

Незадолго до войны в Сухуми снесли большой бюст Орджоникидзе, его перевязали толстой веревкой и прикрепили к грузовой машине. Я встретил эту машину на улице Чанба. Голова Орджоникидзе с грохотом подскакивала на асфальте, откатываясь то вправо, то влево, оставляя на пути обломки носа, ушей, глаз, усов. И здесь также рев толпы, зловещее веселье. На кузове стоял молодой человек со знаменем в руке. Бюст сбросили в Беслети у моста возле кирпичного завода.

Во время войны ни на одной сухумской улице не взорвалось столько ракет и мин, сколько на улице Чанба...

В европейских странах памятники вождям были убраны цивилизованно, с помощью подъемных кранов, глубокой ночью, когда улицы были пустынные. И между прочим, нашли им применение — какие продали коллекционерам, какие — передали музеям.

Глядя на подпрыгивающую по улице Чанба голову Орджоникидзе, я вдруг почувствовал, что на нас надвигается нечто ужасное.

Нельзя осквернять могилы, так же как и разрушать памятники, потому что они платят людям той же монетой.

Закон природы вечен и неизменен — сила, направленная на разрушение, обращается против разрушителя.

Мы, к несчастью, забыли этот закон — в мире даже неодушевленные предметы имеют свое защитное поле, которое почему-то многократно усилилось в нынешнем веке и особенно к концу его.

Старые истины позабыли, а с новыми исследования-

ми зарубежных ученых ознакомиться не удосужились. Нам это не интересно.

Нерон сжег Рим, но римляне берегут как зеницу ока стоящий в центре Рима памятник ему.

Монумент — это не просто монумент. С ними, особенно с памятниками страшным личностям, надо обращаться очень осторожно. Нельзя нарушать законы мироздания. Бог воздаст должное злу. Мстить тоже надо уметь, чтобы месть бумерангом не возвратилась к тебе. Известно ведь — только зло борется со злом с помощью зла.

В последнее время я неоднократно являлся свидетелем того, как карались таинственными силами природы осквернители могил и памятников, ненавистники и поджигатели войны, новоиспеченные вожди митингов, призывавшие народ к кровопролитию. Те, кто ни во что не ставил и не ставит человеческую жизнь, те, кто во имя собственных амбиций используют человеческое простодушие и эмоции как пьедестал для своего будущего памятника.

В Грузии все еще продолжается господство ненависти и безумия. Неужели мы никогда не переболеем этим?!

Неужели мы никогда не усвоим азбуку Евангелия — возлюби врага своего!

Может быть, слова эти написаны не для нас?!

Все может быть.

БГАЖБА

После Второй мировой войны в Абхазии сменилось несколько руководителей. Тогда страной, именуемой СССР, как известно, управляла коммунистическая партия, и назначаемые ею в различных регионах первые лица считались правителями этих регионов. Естественно, и Абхазия в этом отношении исключением не была. Все первые секретари Абхазии оставили след в ее жиз-

ни, но среди них особенно выделяется один — Михаил Бгажба.

Бгажба был первым секретарем Абхазии во времена правления Хрущева, и его деятельность определял дух того времени. Если прежние руководители так или иначе в большей или меньшей степени соответствовали образу классического вождя, то Бгажбу это ни в коей мере не заботило. Он, казалось бы, действовал непонятными, а скорее необъяснимыми методами. Правда, подобно Хрущеву, был совершенно свободен от сковывающих личность черт, что так характерно было для первых лиц сталинского режима, но эту свою особенность Бгажба дополнял такими нюансами, что, можно сказать, он мастерски лепил самого себя — личность в высшей степени неординарного правителя, а это под силу лишь своеобразному таланту. Точнее, в этом процессе одновременно участвовали и время, и Бгажба. Случается, словно это предопределено, в какой-то временной отрезок появляется точно ему соответствующая личность. Так, в Абхазии начала 60-х годов суждено было появиться Бгажбе.

Было в его личности одновременно нечто циничное и рыцарское, естественное и неестественное, нормальное и ненормальное. Все, кто хорошо его знал, единогласно отмечали главную его черту — Бгажба любил человека и ценил в нем благородство. Какое-то время я работал с одним из его зятьев — Мобилем Кутателадзе, и мы часто говорили о нем.

Хорошо помню Бгажбу — среднего роста, румянощекий, в меру упитанный, приветливый, энергичный, с редкими русыми прядями, стыдливо прикрывающими огромную лысину.

Вторым секретарем был Гогохия. Они работали слаженно, отлично дополняя друг друга. Это был, пожалуй, единственный пример гармоничного сотрудничества первого и второго секретарей — абхаза и грузина.

В Сухуми по сей день говорят: мгеладзевские улицы, мгеладзевские аллеи, мгеладзевская набережная, мгеладзевский лес, разбитый на Сухумской горе, т. е. все это построено, разведено, возведено в то время, когда у власти был Мгеладзе. Бгажба же известен тем, что строил рестораны. Среди них особенно выделяются эшерский (на Эшерской горе) и мерхеульский. Бга-

жба любил попить с друзьями, любил руководить застольем. Он был превосходный тамада, провозглашал оригинальные тосты. Боготворил красное вино, в его ресторанах его всегда ждало любимое вино. Марани эшерского и мерхеульского ресторанов так и назывались «бгажбские марани».

Народный контроль возник во времена Хрущева. Однажды неожиданно из Москвы в Абхазию прибыла группа ревизоров из двадцати человек. Войдя в кабинет Бгажбы, они объявили ему — мы, дескать, из народного контроля, должны проверить автономную республику в комплексе. Бгажбе было явно не до них.

— Но мы же с Никитой Сергеевичем договорились, что в этом году нас проверять не будут, — «удивился» он, — я лично говорил с ним.. Впрочем, погодите, сейчас позвоню Никите Сергеевичу.

На столе у Бгажбы среди других аппаратов стоял красивый телефон, не подключенный к сети. Он снял трубку именно этого аппарата и сказал в нее, как бы разговаривая с Хрущевым:

— Как поживаете, Никита Сергеевич? Да я, я ничего, да, скоро буду. Как? А-а, соскучились? Я тоже. Никита Сергеевич, у меня сейчас товарищи из народного контроля, очень симпатичные люди, но я же просил вас! Как? Да.. Так и передам.. Значит, пусть едут и проверяют Аджарию, лады.. Привет супруге, Никита Сергеевич.. Обнимаю!

Затем, повернувшись к гостям с озабоченным лицом, сказал:

— Вы слышали, что он сказал, — и поднял указательный палец к потолку, — короче, вам надо ехать в Аджарию.

Когда народные контролёры ушли, он со смехом обратился к сидящему рядом Петру Красинскому, секретарю окружного комитета: — Видишь, Петр, как интересна эта жизнь!

Я хорошо знал Красинского. Он говорил мне потом, что та комиссия перепахала Аджарию вдоль и поперек.

Как-то Бгажба сопровождал кубинскую делегацию, знакомил ее с городом. Гостей удивило обилие лягушек в фонтане перед зданием театра. «Почему здесь так много лягушек?» — спросили соратники Фиделя.

Все объяснялось, естественно, запущенностью фонтана. Но не мог же Бгажба признаться в этом. Он сказал: «Это наши священные лягушки, и мы их держим на самых видных местах». Кубинцы, любители лягушачьих деликатесов, немедленно поверили ему — «Да, очень интересная традиция».

Кстати, спустя несколько лет, когда Бгажба уже не был первым секретарем, он издал книгу о природе. Несколько страниц в ней были посвящены какого-то вида жабе, которую он назвал «гостевая жаба». Бгажба утверждал, что этот вид водится только в Абхазии, она — абориген.

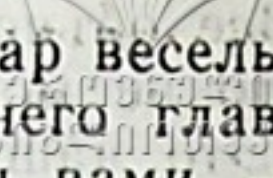
Как-то после сытного обеда и обильных возлияний Бгажба совершил автомобильную прогулку с гостившим у него первым секретарем одной из среднеазиатских республик. Они проезжали Эшеры и тут увидели осла. «Используете ослов для каких-нибудь целей?» — поинтересовался гость. «А как же, — немедленно откликнулся Бгажба, — у нас есть высокогорные села, куда на машине не доберешься, и тут нам на помощь приходят ослы. Одно вот — мало у нас ослов, не хватает». «Ну, эту проблему я помогу вам разрешить», — пообещал гость.

Через несколько недель в Сухуми прибыл состав, два или три вагона которого были гружены ослами. «Они из Средней Азии», — доложили Бгажбе. Он с трудом припомнил обещание своего среднеазиатского гостя. Что было делать, какое применение им найти? И ослов отпустили на Эшерской горе. Они паслись на ней и жили вольной жизнью. В поисках новой пищи поднимались все выше и выше к лесу. Потом говорили, что зимой их задрали волки.

Если Бгажбе хотелось кому-нибудь помочь, чего бы это ни касалось, он выносил вопрос на бюро окружного комитета. Однажды комитет рассматривал даже дело козьего вора. Бгажба утверждал, что тот не крал козы; к нему приехал гость, соседа дома не было, чтобы попросить у него козу, а какой абхаз отпустит гостя без того, чтобы не оказать ему уважения, какой абхаз не заколет ради гостя козу? «Разве у вас там, в Гали, не такие же порядки а, Дамианэ?» — бросил он, оказывается, Гогохия по-мегрельски.

Однажды он пригласил в «Амру» русских и анг-

лийских ученых, гостивших в Сухуми. В разгар веселья велел позвать Дмитрия Хварцкия, тогдашнего главу Сухуми, всеми уважаемого человека. «Перед вами, — заявил он гостям, — самый достойный человек нашего города, он подтвердит, что на днях здесь совершенно сенсационное открытие — археологи обнаружили глиняные таблички, которые сообщают, что Сухуми 3000 лет». Хварцкия застыл на месте. Никаких раскопок, естественно, не было, никаких табличек не находили, но он вынужден был склонить голову в знак подтверждения. Еще после нескольких бокалов Бгажба уже утверждал, что Сухуми и Вавилон строились одновременно. Англичане кричали «браво», «браво». На другой день Бгажба сказал Хварцкия: «Кажется вчера я переборщил, не обижайся на меня, брат. И потом, разве кто-нибудь станет проверять нас, — добавил он. — Видишь, как интересна эта жизнь, Дмитрий».

Однажды одного из руководителей сухумского района Гурама Сичинава предупредили: завтра к вам в Ачадару Бгажба приедет, не ударьте лицом в грязь. Сичинава собрал колхозников и велел им с утра отправляться на плантацию — поставил сцену «самоотверженного труда». Черная «Волга», въехав на дорогу вдоль Гумисты, остановилась. Никто не вышел из машины. Через некоторое время она развернулась и уехала обратно. Через час в кабинете Сичинава раздается звонок: «Сразу видно, что ты новичок. Первый просто хотел позавтракать на лоне природы, а ты что ему устроил?» На другой день у реки не было ни одного человека. Снова подкатила черная «Волга». На сей раз дверцы открылись, и из нее вышли Бгажба со своими дорогими друзьями и не менее дорогими дамами.

Однажды один гульрипшец по фамилии Дзадзamia (имени не помню) рассказал мне такую историю: — Во времена Бгажбы я был председателем одного из колхозов Гульрипшского района. Время сбора урожая кукурузы. В одной из бригад напоили меня водкой, и в правление я пришел пьяный как зюзя. Здание правления древнейшее. В одной комнате мы сидим, в другой — сено сложено. Бухгалтер у меня был — большой пройдоха, мечтал подсидеть меня и занять мое место. Так вот, я и говорю тому бухгалтеру; я, де, под парами, пойду засну на сене, а если кто спросит ме-

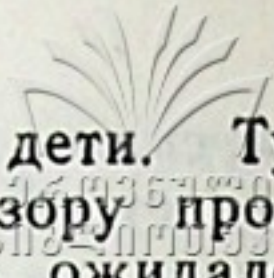

ня, скажи, я в поле. Пошел и заснул. Проснулся, когда уже стемнело. Сидит себе бухгалтер в комнате, что-то пишет да счётами щелкает. Спрашиваю, обо мне кто справлялся? Да, говорит, Бгажба тут был, тебя спрашивал. Ну и? Я не смог обмануть его. И что потом? Вошел туда, где ты храпел, короче, завтра велел тебе явиться в окружной комитет. Вообрази мое состояние! Ах ты, подлая тварь, говорю, ну и свинью ты мне подложил, покричал, пошумел, ну не убивать же! На другой день прихожу в окружной комитет. Колени дрожат, во рту пересохло, первый, говорю, меня вызывал. Убежден, дело мое кончено, как пить дать снимет — в разгар сбора урожая председатель пьяный в доску спит на сеновале. Вхожу. Бгажба говорит о чем угодно, только не о вчерашнем. А я все жду, вот сейчас, вот сейчас даст он мне по мозгам. Он же как ни в чем не бывало заканчивает беседу — ну иди, делом займись. Больше ничего мне не скажете? — уже у дверей вякнул. Пожалуй, да, — отвечает, — бухгалтер у тебя гад, и чем скорее ты от него избавишься, тем лучше для тебя. Я стрелой вылетел из окружного комитета, прибыл в колхоз, вызвал бухгалтера и говорю: нам с тобой вместе не работать. Он без лишних слов собрал свои манатки и ушел.

А вот другая история, которую один молодой человек рассказал мне лет пятнадцать назад: — Я учился тогда в сельской школе, в четвертом классе. Учительница истории повезла нас, четверых отличников, в Ленинград, по историческим местам. В Ленинграде мы неожиданно столкнулись с Бгажбой. Моя учительница и он были, оказывается, одноклассниками. Бгажба: сегодня вечером жду вас в гостинице и этих ребят обязательно приведи. Попробуйте не явиться! Через несколько часов мы уже сидели в одном из ресторанных залов фешенебельной гостиницы. У Бгажбы в гостях были румынские и венгерские знакомые. После нескольких бокалов он представил нашу учительницу министром просвещения Абхазии, а нас — вундеркиндами, выигравшими конкурс мирового значения. Мы просто обалдели от этого, но что могли сделать?! А Бгажба заливал изумленным гостям: эти дети знают химию, физику, математику и историю на уровне кандидатов наук. Гости дарили нам сувениры, щупали

нас, действительно ли мы обыкновенные дети. Тут Бгажба услышал передаваемый по телевизору прогноз погоды: на Черноморском побережье ожидался снегопад. Он тут же потребовал телефон. Ему подали, и он послал в Сухуми телефонограмму: «Узнал, что в Абхазии ожидается снегопад, в связи с этим обязываю руководителей колхозов и совхозов создать все необходимые условия для перезимовки певчих птиц. Их гибель была бы большой потерей для Абхазии. Михаил Бгажба».

Однажды, когда я работал в радиокомитете, на одном из собраний сухумского райисполкома я оказался рядом с Бгажбой. Он уже был простым агрономом одного из хозяйств. Тогдашний секретарь райкома Астик Гварамия бушевал от негодования и все ругал директора хозяйства, где Бгажба работал агрономом: «Почему не затребовали в свое время больше тары для мандаринов, сейчас ее не хватает и урожай портится?!» А тот в ответ: «Откуда мне было знать, Бгажба записал эту цифру, при чем тут я?» «А Бгажбу кто спрашивает?» — проревел секретарь райкома, он не знал, что тот сидит в зале, не заметил его. В то время, как Бгажба был первым секретарем, Астик работал в комсомоле, и одно имя Первого наводило на него ужас. Я посмотрел на сидящего рядом Бгажбу. Он улыбался. Причем как-то странно, непонятно, хотя одно было ясно — обиды на лице его не было. Он улыбался как бы говоря — я знал, все, что случается, должно было случиться так, а не иначе, не так уж и интересна эта жизнь, родимый...

Во время войны, когда Гумиста разделила воюющие стороны и фактически являла собой линию фронта, один из ресторанов Бгажбы — эшерский остался на абхазской стороне, другой — мерхеульский — на грузинской. Абхазские «грады», стоявшие неподалеку от эшерского ресторана, бомбили грузинские позиции. И «грады» грузин с холмов близ мерхеульского ресторана били по Эшере — как если бы рестораны Бгажбы объявили друг другу войну, и вместо редких вин и свежих фруктов обменивались реактивными снарядами.

Война все меняет — даже рестораны. Они становятся жалкими — безлюдные, разграбленные, сиротливые...

Приблизительно так выглядел во время войны **Бгажба**.

Он скончался в Сухуми.

Не выдержал войны.

Он был человеком мира.

И в день его похорон гремели эшерские и мерхельские «грады».

ВОЗВРАЩЕНИЕ В СУХУМИ

Мы вернемся в Сухуми пароходом.

Будет утро или полдень.

День — ясный, небо — безоблачное, море — синее-синее, спокойное, ласковое.

Белоснежный цвет судна небесным светом будет отражаться от морской поверхности.

И, осиянные этим светом, мы станем удаляться от порта.

Судно прогудит раз и выйдет в открытое море.

В кильватере с верещаньем поплывут за нами дельфины.

Нас будут провожать чайки.

Никто не останется в каютах.

Все высыпят на палубу.

Капитан поприветствует нас по радио, пожелает счастливого пути.

Зазвучит музыка, такой музыки никто никогда не слышал.

Воздух будет чистый и синий, как море, а море прозрачно, как воздух.

Когда мы подойдем к устью Ингури, по радио объявят, что мы входим в воды Абхазии. Сердце начнет биться совсем по-иному, тело как бы обретет крылья.

Мы пройдем мимо Очамчире. Покажутся его дома, маленький порт. Затем снова рощи, леса, сплошной зеленый берег.

На Кодорском мосту увидим поезд, его зеленые вагоны.

В небе появится самолет, белоснежный, как наш корабль.

Потом увидим корпуса гульрипшского строительного комбината, дома отдыха, дачи. На горе возникнет утопающий в зелени дворец Смецкого, точнее, красный корпус санатория для больных туберкулезом, а скрытый за пальмами белый корпус мелькнет своим последним этажом.

Потом — пляж Агудзеры, физико-технический институт, Мачара, Келасури, институт субтропиков...

Здесь у иных дрогнут колени, глаза наполнятся слезами, руки вопьются в перила с такой силой, что кровь застынет в пальцах. Еще бы, ведь мы уже в Сухуми. При возвращении всегда так.

Пляжи, пляжи, пляжи...

Санатории, санатории...

Сухумская гора, телевизионная вышка.

А вот и Беслети. У слияния реки и моря — эвкариптовая роща, маленькая синяя библиотека, театр, «Рица», «Абхазия» и вот порт.

Корабль гудит. В порту масса народу. Нам машут из портового кафе. Нам улыбаются сидящие у столиков под пестрыми зонтами влюбленные.

Пароход не спеша пристает к набережной.

Его привязывают канатом.

Спускают сходни.

Нас встречают друзья, соседи, знакомые и даже незнакомые, все.. Нам рады, рады... Нам встретит до военный Сухуми и спросит, как мы себя чувствуем.

Прекрасно. Прекрасно. Прекрасно — ведь мы уже дома!.. Мы ведь в Сухуми!..

День будет ясный, небо — безоблачное.

Мы вернемся в Сухуми кораблем.

Мы вернемся в Сухуми кораблем.

Мы вернемся в Сухуми кораблем.

Вернемся...

1995

май — июнь — июль

Перевод Лианы ТАТИШВИЛИ

«КАК МЫ ПИШЕМ»

Довольно давно — в 1982 году, когда во главе «Литературной Грузии» стоял Гурам Асатиани, по инициативе тогдашнего члена редколлегии, а ныне главного редактора журнала появилась данная рубрика, которая ставила целью ознакомление читателей с творческими лабораториями наиболее видных современных писателей.

Вопросы анкеты, как отмечалось, в основном были заимствованы из изданного Лениздатом в 1930 году сборника — «Как мы пишем». Анкета вызвала интерес как в писательской, так и читательской среде, о чем свидетельствовали многочисленные отклики. Однако из-за ряда субъективных причин анкета оказалась недолговечной. Сейчас мы решили вернуться к ней. Творческая «кухня» писателя — это та часть его жизни, которая обычно, и совершенно несправедливо, находится в тени. Кто же может рассказать о ней лучше, чем сам художник?

Открывает рубрику замечательный грузинский писатель Чабуа Амирэджиби, которого от имени всех читателей мы поздравляем с 75-летием.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД. ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ЕГО.

— Для прозаика подготовительным периодом является вся его жизнь, так как проза, а особенно роман — это логический результат его жизненного опыта.

КАКИМ МАТЕРИАЛОМ ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ПОЛЬЗУЕТЕСЬ (АВТОБИОГРАФИЧЕСКИМ, КНИЖНЫМ, НАБЛЮДЕНИЯМИ И ЗАПИСЯМИ)?

— Мне кажется, материалом для прозаика обычно служит автобиография, а также все то, что он видел и слышал на протяжении жизни, наконец то, что он прочел. Все это накапливается, переосмысливается, затем подытоживается — и пишется книга.

ЧАСТО ЛИ ПРОТОТИПАМИ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ ЯВЛЯЮТСЯ ДЛЯ ВАС ЖИВЫЕ ЛЮДИ?

— Безусловно, да. Как живые, которые рядом с нами, так и люди, которые были рядом с нами в прошлом, то есть ушедшие из жизни. Заметки, наблюдения, сделанные в процессе взаимоотношений с людьми, суммируются, обобщаются, и в результате создается образ либо действующее лицо.

ЧТО ВАМ ДАЕТ ПЕРВЫЙ ИМПУЛЬС К РАБОТЕ (СЛЫШАННЫЙ РАССКАЗ, ЗАКАЗ, ОБРАЗ И Т. Д.)? ДАННЫЕ В ЭТОМ ОТНОШЕНИИ О КАКИХ-НИБУДЬ ВАШИХ ОТДЕЛЬНЫХ РАБОТАХ.

— Первым импульсом к работе для любого писателя служит, на мой взгляд, ощущение того, что он рожден писателем, а поскольку это так, то, конечно, первым импульсом можно считать те обобщения, которые сделаны писателем на протяжении жизни.

КОГДА РАБОТАЕТЕ: УТРОМ, ВЕЧЕРОМ, НОЧЬЮ? СКОЛЬКО ЧАСОВ В ДЕНЬ — МАКСИМУМ?

— Было время, когда я работал по 16 часов в сутки. Тогда я был сравнительно молод, здоров, и такая работа не представляла большой нагрузки. Здесь же хочу сказать, что для меня не имеет значения время суток — было бы настроение.

ПРИМЕРНАЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ — В ЛИСТАХ В МЕСЯЦ?

— Одно дело производительность самого процесса написания отрывков — здесь дело идет быстрее, но гораздо больше времени уходит на композицию, поскольку зачастую отдельные куски приходится фундаментально перерабатывать или же писать заново.

«ДОПИНГ» В ПРОЦЕССЕ РАБОТЫ?

— Если можно назвать допингом удовлетворение от моей работы, в данном случае от создания определенного отрывка, которое стимулирует мою потребность писать дальше, то это и есть мой допинг.

ТЕХНИКА ПИСЬМА: КАРАНДАШ, ПЕРО, ПИШУЩАЯ МАШИНКА ИЛИ КОМПЬЮТЕР? ДЕЛАЕТЕ ЛИ ВО ВРЕМЯ РАБОТЫ РИСУНКИ? СКОЛЬКО РАЗ ПЕРЕПИСЫВАЕТЕ РУКОПИСЬ? МНОГО ЛИ ВЫЧЕРКИВАЕТЕ В ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ РЕДАКЦИИ?

— «Дата Туташхиа» частично был напечатан на машинке, частично написан от руки. Роман «Гора Мборгали» написан на компьютере. Никаких рисунков или зарисовок во время работы не делаю, поскольку не умею рисовать. Что же касается того, сколько раз я переписываю рукопись, ответить затрудняюсь, потому что я перерабатываю ее до тех пор, пока она меня не удовлетворит, то есть пока не понравится. Именно по этой причине я пишу долго и трудно. Два моих романа потребовали от меня по 10 лет работы. Я считаю это добросовестностью писателя, нельзя приносить в редакцию полуфабрикат.

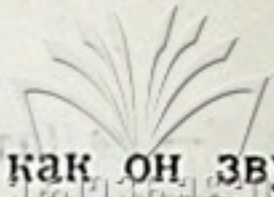
СОСТАВЛЯЕТСЯ ЛИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ПЛАН И КАК ОН МЕНЯЕТСЯ? ЧТО ОКАЗЫВАЕТСЯ ДЛЯ ВАС ТРУДНЕЕ: НАЧАЛО, КОНЕЦ, СЕРЕДИНА РАБОТЫ?

— Поскольку у меня есть постоянная потребность что-нибудь писать, материалы, которыми я располагаю, обдумываются, в результате чего в один прекрасный день появляется замысел книги, то есть я вижу свою будущую книгу такой, какой она должна быть. Я не принадлежу к числу тех писателей, которые пишут книгу от начала до конца в один, как говорится, присест. Увидев книгу, сразу же начинаю писать куски по настроению. Примеры: финалы и в «Дата Туташхиа», и в «Гора Мборгали» были написаны раньше остальных частей книги. Вот так работаю над отдельным куском по настроению. Наконец, наступает день, когда я считаю, что все куски написаны, и после этого начинается самая сложная работа — составление общей композиции, то есть необходимо сложить весь материал так, чтобы читатель легко мог постичь, ради чего написана эта книга.

НА КАКИХ ВОСПРИЯТИЯХ ЧАЩЕ ВСЕГО СТРОЯТСЯ ОБРАЗЫ (ЗРИТЕЛЬНЫХ, СЛУХОВЫХ, ОСЯЗАТЕЛЬНЫХ И Т. Д.)?

— Образы строятся на всевозможных восприятиях, доступных человеку. Бывает, что услышанное представляет для меня определенный интерес, но этого совершенно недостаточно для того, чтобы данный эпизод стал составной частью романа. Вообще-то все, что я планирую написать, сначала рассказываю своим друзьям — за столом или в частных беседах, притом несколько раз, и каждый раз по-разному, за что они часто надо мной смеются. Дескать, прежде ты рассказывал так, а теперь эдак. На это я отвечаю: я работаю над фраг-

ментом, и лишь тогда, когда я удивлен тем, как он звучит в пересказе, у меня появляется настроение написать его.

СТАВИТЕ ЛИ СЕБЕ КАКИЕ-НИБУДЬ МУЗЫКАЛЬНЫЕ, РИТМИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ?

— Относительно музыкальности ничего не могу сказать, но ритмические требования так же обязательны и необходимы, как и требования к языку. Абзац должен иметь свой ритм, свою природу, ту свою особенность, благодаря которой он дойдет до читателя в желаемом автору виде.

ПРОВЕРЯЕТСЯ ЛИ РАБОТА ЧТЕНИЕМ ВСЛУХ (СЕБЕ ИЛИ ДРУГИМ)?

— Я никогда не читаю вслух свою работу. Я доверяю мнению своих ближайших друзей, которым не заказан даже полуфабрикат.

КАКИЕ ОЩУЩЕНИЯ СВЯЗАНЫ У ВАС С ОКОНЧАНИЕМ РАБОТЫ?

— Гора с плеч.

МЕНЯЕТЕ ЛИ ВЫ ТЕКСТ ПРИ ПОСЛЕДУЮЩИХ ИЗДАНИЯХ?

— Никогда, ни одного слова.

ОКАЗЫВАЮТ ЛИ НА ВАС КАКОЕ-НИБУДЬ ВЛИЯНИЕ РЕЦЕНЗИИ?

— Рецензии читать всегда интересно, постольку поскольку они являются откликом на твой многолетний труд. Здесь же хочу отметить, если читатель не примет это за бахвальство, что существует более сотни рецензий, написанных на мои разные сочинения, в том числе на иностранных языках, и среди них нет ни одной отрицательной.

ПЕВЕЦ ДРУЖБЫ

Исполнилось 90 лет со дня рождения классика азербайджанской литературы Самеда Вургуну. Эта дата была празднично отмечена в Баку. Юбилейные дни еще раз продемонстрировали огромную любовь народа к поэту, мыслителю и общественному деятелю, человеку, который несмотря на относительно недолгую жизнь (Самед Вургун скончался в пятьдесят лет), оставил неизгладимый след в сердцах людей.

Несмотря на то, что время сейчас напряженное, юбилей стал воистину народным праздником. Правда, приехавших гостей было не так уж много. Прислали своих представителей Турция, Казахстан, Дагестан и Грузия. На торжественном заседании был и посланец России. Перед юбилейными торжествами гостей тепло принял Президент Гейдар Алиев.

Во Дворце республики собралось около трех тысяч зрителей. С краткой речью от нашей республики выступил критик Гурам Гвердцители. Предлагаем ее вниманию читателей.

Господин Президент!

Дорогие бакинцы!

Мне выпала большая честь выступить от имени грузинских писателей, сказать несколько слов на юбилейных торжествах, посвященных выдающемуся азербайджанскому поэту и гражданину Самеду Вургуну.

Ясно, что в этом зале я не стану анализировать творчество Самеда Вургуну, перечислять художественные достоинства его произведений, которые переливаются, как грани драгоценного камня.

Я поделюсь своими непосредственными впечатлениями, которые получил, находясь уже несколько дней в Баку.

Меня поразило и обрадовало то, свидетелем чего я стал в Доме-музее Самеда Вургуну, в этом ухоженном, уютном, прекрасном мире, где душу и сердце посетителя согревает и наполняет светом приобщение к жизни и творчеству поэта.

Мы все хорошо понимаем, а руководители государств —

тем более (по крайней мере, должны понимать), что мы просто обязаны заботиться о национальной культуре и отдавать должное памяти знаменитых предков.

Несмотря на эту очевидную истину, я все-таки был приятно удивлен, увидев, с каким глубоким интересом знакомился с экспозицией Президент республики Гейдар Алиев, как подробно вникал он даже в мелкие детали. Это было проявлением не только определенного чувства ответственности, но и искренней и трепетной любви к славному сыну азербайджанского народа, а, следовательно, и к самому народу.

Должен сказать, что и нашего Президента отличает заботливое отношение к национальной культуре. Оба наших Президента неоднократно подчеркивали в своих публичных выступлениях, что человечество живет и трудится не столько ради добывания хлеба насущного, сколько для духовного обогащения и совершенствования.

Прекрасным образцом этой истины служит жизнь и творчество Самеда Вургуня, и именно потому его имя и наследие живо в сердцах азербайджанцев, и не только в их сердцах.

Самед Вургун, как вы знаете, был талантливейшим проповедником дружбы народов в своем творчестве, а жизнь его являла яркий пример этой дружбы. Он, разумеется, был далек от многочисленных чиновников от литературы, которые являлись лишь проводниками декларированных идеологических доктрин, и посему на словах призывали к укреплению дружбы народов. Сегодня их подхватила иная волна, и без всяких угрызений совести они превратились в наемных слуг воспрянувшего шовинизма.

Как показала жизнь, у грузинских, да и у азербайджанских писателей и деятелей культуры оказалось не так уж много истинных друзей-коллег. Забыты уверения-клятвы в дружбе и верности, с нас ведь сейчас много не возьмешь. Казалось бы, это обстоятельство должно огорчать, а нет, вероятно, все к лучшему — истинные друзья, как говорится, познаются в беде, а от лже-друзей ничего хорошего не жди и лучше знать их в лицо.

Будь каждый писатель так искренен в своих чувствах, так верен идеям дружбы народов и любви к человеку, как Самед Вургун, влияние литературы на людей, на целые народы, на их умонастроения было бы неоценимым.

Желание сотрудничать сближает и далекие в пространственном отношении народы, и это прекрасно. Однако согретая дружбой жизнь соседних народов имеет иную цену и значе-

ние. Тем более, если их судьбы исторически переплетены, дружба эта становится необходимой как воздух.

Мудрость и благородство наших народов, их прославленных сынов очевидны и потому, что эта простая, но великая истина, непознанная, к сожалению, до сих пор многими, всегда была для них неоспорима.

Безо всяких юбилейных фраз Самед Вургун был истинным братом и другом грузинских писателей, доброжелателем моего народа, и потому мы любим и помним его.

Особенно волнующими и светлыми были взаимоотношения между Самедом и Гоглой Леонидзе (так они обращались друг к другу, и пусть мне простится эта «фамильярность» по отношению к двум большим поэтам). Это была не только дружба, это были братские отношения, отношения чисто мужские и мужественные.

«Я всегда любил твою поэзию из-за ее большой мудрости и красоты», — писал Самед Вургун Георгию Леонидзе.

А Гогла, потрясенный неизлечимой болезнью Самеда Вургуна, подбадривал его: «Мой Самед! Мой лучший друг и брат! Очень переживаю, узнав, что лежишь в больнице. Разве ленокоранский тигр может болеть?.. Верь, твое поющее сердце вновь обретет голос... Эй, встань, воспламенись и нас воспламени, как раньше».

К несчастью, дни Самеда Вургуна были уже сочтены. Но смерть не коснулась имени и произведений прославленного поэта, они продолжают жить.

Сборник стихотворений Самеда Вургуна вышел на грузинском языке уже в пятидесятых годах. Его полностью перевела молодая тогда талантливая поэтесса Лейла Эрадзе, которую ныне хорошо знают и в Грузии, и в Азербайджане.

Затем книги Самеда Вургуна неоднократно издавались на грузинском языке.

В последнее время, как известно, издание книг стало делом нелегким, но мы верим, что это временные затруднения, и светлая поэзия Самеда Вургуна увидит свет в новых грузинских переводах.

Пока мы помним и отдаем должное таким поэтам, как Самед и Гогла, пока последующие наши поколения будут верны этим исключительно национальным традициям, наша поэзия будет мудрой, прекрасной, полной света и добра.

ГУРАМ ГВЕРДЦИТЕЛИ

Гарри КУНЦЕВ

МОЕ КИНО

ПОЧТИ АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Наш фильм родился долго, целых три года. Не считая времени работы над сценарием и подготовительного периода. Три года — это «чистое время» съемок...

Первые натурные съемки прошли в Месхети, последние — в Ла Манче. Между ними — тысяча и один день работы, несравнимой ни с какой другой. Судите сами: на каком еще посту имеешь возможность каждый день общаться с ожившим Дон Кихотом! И не просто общаться. След в след пройти с ним весь его путь. Путь, похожий на гойевский сон разума, в котором разум принимается за безумство, честь за глупость, любовь за бред...

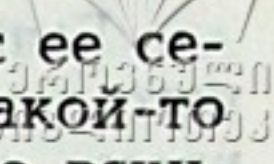
Три года, три весны, три лета...

Первой весной месхетское поле, в котором был выстроен целый комплекс декораций, встретило нас океаном распустившихся маков. При малейшем дуновении ветерка яростно-красные волны этого океана мчались с холмов к стенам декораций, стараясь смять их, как сминают океанские волны все, что мешает их свободному бегу.

Миллион цветов — миллион зажженных свечей на бесшабашном пиру... И странно видеть в едином вакхическом танце две стихии, океан и огонь... Но в царстве Гойи и Дон Кихота и это возможно...

На самом высоком холме, откуда декорация кажется игрушечным домиком и откуда маковые волны

сбегают к узенькой ленточке Куры, сливаясь с ее серой водой, стоит иссохшее, окаменевшее в какой-то безысходности дерево. Ветви-руки его, когда-то вскинутые в страстной мольбе, так и застыли, не услышанные небом. Кожа почернела, потрескалась. И по ранам-трещинкам, в которых когда-то журчал молодой, сладкий сок, теперь бегают по своим делишкам муравьи, давно забывшие аромат того сока-крови. Мысленно я так и назвал это дерево женским именем «Мольба» и в перерывах между съемками часто поднимался сюда, наблюдая, как меняются краски этой земли, как удивительно хорошеет, словно женщина перед вечерним свиданием, Кура к закату солнца, которое все без остатка утопает в ее объятиях на короткую весеннюю ночь. И Кура до рассвета светится изнутри тревожно-взволнованным мерцанием утонувшего в ее теле светила. Оно тонет, глубже, глубже, чтобы к рассвету, прожгя всю землю насквозь, вынырнуть где-то за тридевять земель отсюда и вновь поспешить сюда, к своей благословенной возлюбленной — Куре, разжигая на ходу миллионы маковых свеч. Вот только с заломленными руками «Мольбы» ему никак не совладать. Отгорел в «Мольбе» сок, один раз он дарится всем...

Однажды встретил я у «Мольбы» пастуха.

Овцы нырнули в красную накипь вершины, а их хозяин, прикрыв глаза, доверчиво прислонился к шершавой спине дерева и дремал. Я повернулся, чтобы уйти и не мешать, но он вдруг позвал меня.

— Ты кто? — спросил он дружелюбно.

— Кино здесь снимаем, — махнул я рукой за спину.

— А-а, знаю... — пастух отодвинулся, пригласил присесть рядом. — Отдохни.

— Да я не устал, спасибо.

— За что «спасибо»? — усмехнулся пастух. — Когда в гости ко мне придешь, тогда и благодари.

— В гостях я... — развожу руками, показывая на поле и давая понять, что это поле его.

Пастух подумал чуток, усмехнулся опять, приложив ладонь к мертвому дереву.

— Все мы здесь гости... Садись, садись. Когда сидишь — жизнь длиннее кажется.

Глянул я на «Мольбу», подумалось: кто знает, отчего она так быстро сгорела... Оттого, что стоит все время, или оттого, что слишком много запросила от неба.

— Что снимаете?

— Человек такой был, — отвечаю. — Дон Кихот...

— А-а, знаю... Слышал. Женщину свою он искал все время, да?

— Искал...

— Вот только не помню — нашел ли?

— Она всегда с ним была...

Пастух удивленно оглянулся на меня.

— Зачем тогда искал?

— Станный был...

Присаживаюсь, тянусь за длинноногой травинкой мака. Хочу сорвать.

— Не надо... — качает головой пастух. — Пусть живет себе.

А и вправду — пусть живет... Я сорву, он сорвет, погаснут огоньки-то...

Словно угадав мои мысли, пастух повторяет:

— Ты сорвешь, я сорву... А знаешь, откуда эти красивые цветы?

И рассказал.

Жил в этих краях, оказывается, один пастух. Таких же овец пас. Только давно это было.

И умел тот пастух на свирели играть. Так хорошо играл, что все жаворонки к нему слетались поучиться.

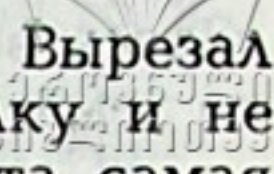
А однажды, заслышав мелодию, подошла к нему девушка. Да такая красивая, что все на свете позабыл парень. И про стадо, и про то, что беден он. А в бедняков красивые девушки не влюбляются...

Потерял он покой. Узнал, где она живет, и каждый вечер шел к ее дому и играл самую нежную мелодию. Прошло время, и как-то раз, подойдя к ее дому, увидел пастух, что приехал за девушкой на богато убранных конях жених.

Увез он девушку. И пастух тут же умер. Упал на камень, и сердце его сгорело. Осталась на камне никому не нужная свирель и кусок красного дерева, величиной с человеческое сердце.

Случайно проходил мимо камня мастер. Приметил

этот необычный кусок дерева, взял с собой. Вырезал из него прекрасную чашу, поставил на полку и не мог налюбоваться. Пришла к нему как-то та самая девушка со своим мужем-богачом. Накупила всяких товаров и увидела вдруг чашу. Не хотел мастер отдавать ее, да большие деньги отсчитал ему муж девушки, стараясь удовлетворить ее прихоть. Мастер налил в чашу красное вино, поднес девушке. Взяла она чашу, и вдруг послышалась из чаши та мелодия, которую каждый вечер играл ей пастух. Задрожали у девушки пальцы, выронила она чашу. Чаша упала на землю, раскололась. Разбежались по земле капельки красного вина, а когда пришла пора — вырос из этих капелек красный мак. Стоит пробежать здесь ветерку, можно услышать нежную мелодию... Сколько весен прошло, а красные цветы все растут и растут...

— Сколько ж капелек было в маленькой чаше!..
— Странная была чаша... — улыбается пастух. И без всякого перехода добавляет: — Тут уже снимали кино. Несколько лет назад...

Знаю. Это мы снимали. Та же группа и такая же весна была... Только герой наш был другим, хотя и очень похожим на Дон Кихота. Звали того героя Георгий Торели. То была моя первая работа с Резо Чхеидзе.

...Человек идет осторожно, стараясь не примять весеннюю поросль древнего поля, будто боясь нечаянным движением нарушить его мудрую, вековую затаенность.

Устало поскрипывают цепи, раскачивая опаленный временем столб, и тонкий посвист горного ветра сливается с перезвоном металла. Человек замирает, прислушиваясь к шепоту ветра, к звукам, навеявшим что-то, навсегда оставшееся в детстве...

— Ветку лозы держи вот так... — учил отец. — И слушай землю. Она сама подскажет, где вода. Если острие лозы начнет подниматься кверху — значит, вода близко...

«Слушай землю...» Слова — как заклинание, как корни духа...

Смотрит сын на руки отца, а лоза в них, словно живая, трепещет, тянется к солнцу, подсказывает:

«Здесь вода, здесь! Я знаю... Я сама — живая клеточка земли и солнца!..»

«Слушай землю...» Слова, давшие название фильму.

«Твой сын, земля...» — так и называли тот фильм. Когда-то судьба увела мальчика от этого поля, от этой земли, залитой красными каплями то ли вечной мелодии пастуха, то ли каплями крови предков, которые пронзительным заклинанием каждой весной разбегаются по древним склонам, заклинанием помнить и не отступать... И он не мог не вернуться...

Вернулся мужчиной, вернулся, чтоб вновь и вновь слушать землю, вновь и вновь находить воду для изнемогающих полей, находить там, где она нужна.

Во-о-н, на той вон тропинке мы снимали этот эпизод. До сих пор храню в своей фонотеке ликующие песни жаворонков, которые я записал тогда, восемь лет назад, до сих пор ощущаю в своей душе терпкий, напитанный ароматами многих весен вкус щедрого поля 1980-го, к которому я шел более двадцати лет...

...Мне иногда говорят: нельзя, мол, так оптимистично смотреть на мир. А мне нельзя иначе. Когда-то, в самом моем начале, я посмотрел на мир без надежды и... потерял отца.

Так уж случилось, что мой отец, военный летчик, увидел меня в первый и последний раз, когда мне было шесть месяцев.

Я знаю о нем мало. Время было такое. Отцы уходили на войну совсем молодыми, не успев оставить после себя мемуаров.

Родом он из есенинских мест. И с одной-единственной фотографии, на которой отец заснят с моей мамой, молодой и красивой, на меня смотрит русский летчик, и впрямь чем-то похожий на Есенина. Грустные, умные глаза, большой, чистый лоб и чуткие губы, которые тоже без всяких усилий могли бы сказать любимой женщине такие вот, есенинские слова: «Только б тонкой касаться руки и волос твоих цветом в осень...».

В деревне семья отца жила в бедности, в голоде. Уткнувшись в тяжкую, замученную землю, пахали ее вручную, надеясь выжать из нее горсть еды, а отец мой чаще смотрел в небо, чем в загнанную пашню. С

малых лет вдруг почему-то замечтал летать. Никто в то время в тех краях толком и не слыхивал о таинственной машине по имени «самолет», а он взял и пешком, как когда-то Ломоносов, дошел до города, в котором учили разным наукам, и захлеб стал учиться науке летать. И выучился быстро. Не от жадности поскорее штурвал ухватить. Война...

Она все календари ужала. Годы учебы — в месяцы, медовый месяц — в хмельные секунды, в которые надо было успеть и влюбиться, и объясниться, и законный брак оформить.

Волей судьбы долетел он с Рязанщины до моего родного городка Телави, где и встретился со своей будущей женой, с моей мамой.

А летчики тогда... Всех девушек сводила с ума их голубая форма, таинственность и романтика их профессии.

Когда в редкие минуты отдыха они прогуливались по Телави, вся женская половина города восхищенными взглядами провожала тех парней, которым суждено было совсем скоро сгореть не в огне любви, а в далеком отсюда небе.

Отец был на фронте, когда я родился. И только когда мне исполнилось шесть месяцев, подвернулся счастливый случай. Его отозвали в Телави перегнать новые самолеты. Вот тут и увиделись мы с ним наконец!

Домой он заскочил на часок. Потом мы с мамой провожали его до самого гарнизона. И он никак не мог оторваться от нас. Прижимал нас к себе и что-то говорил, говорил...

Отца позвали. Он пошел дальше один, оглядываясь. Мать замерла, держа меня у груди. Не плакала, не дышала. А в это время старушка какая-то мимо нас проходила. На ходу покачала головой и еле слышно проговорила:

— Не вернется он...

Мать встрепенулась, выдохнула:

— Почему?!

Старушка на меня кивнула:

— Глаза... Глаза у него... без надежды.

И пошла себе. А вскоре похоронка. Сгорел отец в

самолёте. И пылающий самолёт в море упал. Товарищи отца потом маме рассказывали.

Так-то... Посмотрел без надежды вслед — и потерял...

Мне повезло. Стены старой крепости, возле которой я вырос, часто привлекали к себе кинематографистов.

У ажурных ворот, где вход в музей царя Эрекле II, я впервые увидел «живьем» Верико Анджапаридзе. В темном одеянии Отаровой вдовы, она стояла у этих ворот и слушала команды режиссера, своего мужа, Михаила Чиаурели, а я, отчаянно пропуская уроки, не уходил отсюда до конца съёмок и не мог насмотреться на ее прекрасное трагическое лицо. Думал ли я тогда, что мне доведется встретиться с ней в совместной работе над фильмом «Легенда о Сурамской крепости», в котором она с блеском сыграет роль старой гадалки, что я буду записывать ее неповторимый голос?.. Сколько неувядаемой страсти было в нем, в этом голосе, вобравшем в себя стон и истому всей земли грузинской... Она работала у микрофона так, как будто все еще впереди, как будто все только начинается... Она не дожидаясь премьеры фильма. Мы стояли на сцене кинотеатра «Амирани», в филармонии, зрители уже дарили нам цветы, а Сергей Параджанов все поглядывал в сторону входной двери, надеясь, что Верико Анджапаридзе все же сможет прийти. Зрители тоже ждали, хотя им объявили, что актриса чувствует себя неважно, и никто еще не знал, что в тот миг великая женщина уже повстречалась с вечностью.

...Над воротами музея, где снималась «Отарова вдова», — старый висячий балкон. С него открывается вид на восьмисотлетний платан — чадари — под которым сживали и Илья Чавчавадзе, автор «Отаровой вдовы», и Пушкин Александр Сергеевич...

От платана взгляд убегает к виднеющейся на горизонте цепочке зеленых верхушек — это аллея кипарисов в цинандальском саду, под сенью которых зародилась удивительная любовь еще одного Александра — Грибоедова. У каждого, кто умеет любить, есть

своя Дульсинея. И для каждого, у кого она есть, его Дульсинея кажется самой прекрасной из всех Дульсиней на свете. Нино Чавчавадзе, Дульсинея Грибоедова, не казалась, а действительно была одной из прекраснейших женщин, являвшихся когда-либо на грешную нашу землю.

Я люблю бродить по цинандальскому саду, по тропинкам, где бродили Нино и Александр. Мне слышны их голоса, а из окна гостиной княжеского дома до меня всегда будто доносятся звуки вальса, того, написанного поэтом в минуты восторга. Как они редки, такие мгновения... И только они пробуждают вальсы и стихи...

Я люблю бродить по этому саду и слушать...

...В другой стене крепости — главный вход.

Эта стена самая мощная. Через этот вход цари являлись народу. До бойниц, которые узкими щелями глядят сверху на мир, надо пробираться узенькими, закрученными в крутую спираль проходами, на ступеньках которых может уместиться только один человек. Так и было. Один воин стоял в этом проходе и кинжалом поражал врагов, пока не уставала рука. Потом его сменял другой...

Здесь — любимое место наших детских игр.

Устав гонять футбольный мяч, мы делали из кизилевых веток гибкие луки и шпаги, и на ступеньках узких проходов разыгрывались нешуточные сражения, нередкой наградой в которых были синяки и поцарапанные руки и лица.

Мы играли и в Георгия Саакадзе, и в Баши-Ачуки. Нашим кумиром тогда был Отар Коберидзе, исполнитель роли Баши-Ачуки, героя народных преданий. Фильм «Баши-Ачуки» снимался в десяти километрах от крепости, в Шуамта. Многие актеры телавского театра участвовали в съемках, и помню, с каким восторгом мы встречали появление их на экране. Нам казалось чудом, что человек, с которым ты часто сталкиваешься на улице, вдруг оказывается «там», в неопостижимо-увлекательном и недостижимом мире — в «КИНО»!

«Кинос-убани!» — «Киношный квартал», так и называлось место, где мы росли. Наверное потому, что там стоял единственный тогда кинотеатр. А может и

потому, что в нашем «убани» чаще всего снимались фильмы:

Не успели мы отыграть в «Баши-Ачуки», а уж вновь запылали факелы у бойниц, заблестели копья, зазвенели кольчуги, и из царских ворот стройный конь аллюром вынес нового героя. Вернее — героиню...

Режиссер Резо Чхеидзе снимал фильм «Майя Цхетели»...

...На доске инспектор роно собственноручно написала три темы. Две были стандартными, по программе. Третья была свободной и называлась довольно-таки неопределенно: «Мой любимый предмет».

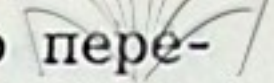
Я всегда почему-то старался писать свободные темы и на этот раз тоже не изменил своей маленькой традиции. Недолго думая, я написал старательно: «Мой любимый предмет — футбольный мяч». Поняв, что этого мало для районной олимпиады, куда меня неизменно направляла от имени школы наша классная руководительница Елена Андреевна, по совместительству моя неизменно любимая учительница литературы, я еще чуток подумал и добавил: «Если кого-нибудь действительно интересует, почему именно футбольный, а не какой-нибудь другой — могу рассказать о нем в любое другое время. Сегодня не могу. Возле моего дома снимают фильм. Я спешу туда...»

Никогда не забуду глаза инспектора, когда я через две минуты после начала олимпиады уверенно положил тетрадь ей на стол, вежливо наклонил голову, прощаясь, и удалился на цыпочках, стараясь не мешать остальным.

В сочинении все было правдой. И мяч я любил, и фильм в тот день снимали возле моего дома. Но самое интересное во всем этом то, что в роно и в самом деле заинтересовались моим сочинением. Через несколько дней и меня, и мою учительницу вызвали на «ковер».

Три грозных дяди и три не менее грозных тети по очереди вскидывали над головами мою несчастную тетрадь и пытались выпытать у Елены Андреевны, «по какому такому праву она считала до сих пор меня одним из своих лучших учеников?!». Они говорили громко и безостановочно, так что у Елены Андреевны не

было возможности вставить слово. Она только переминалась на своих больных ногах, и мне стало до жути стыдно. За то, что она мучилась из-за моего глупого сочинения. Я подошел к столу — судьи на мгновение замолкли — взял стул и поставил его возле учительницы.

— Садитесь, Елена Андреевна, — виноватым тоном попросил я. Учительница села. Теперь можно было слушать еще хоть час.

Но оказалось, что тети и дяди сказали все, что надо было сказать, и теперь они ждали ответа от меня.

— Я не издевался над олимпиадой... — уткнувшись взглядом в пол, чтоб не видеть усталых глаз учительницы, начал я. — Ответил по теме... Спрашивали о любимом предмете и я...

— Мы спрашивали не о футболе! — вскочила инспектор. — Мы спрашивали о школьных предметах! Надо было написать или о математике, или физике, или литературе! Вот, о каких предметах мы спрашивали!

— Так разве литература — предмет? — удивился я. — Предмет — это... мяч... стул... портфель... — стал перечислять я, но инспектор так хлопнула ладонью о стол, что у меня враз все перепуталось в голове.

— Хм!.. Вы только подумайте! Он за дураков нас здесь считает! — выкрикнула она и вновь взмахнула над головой моим сочинением. — Пока я здесь — не видать тебе медали! — победно закончила она и со всего размаху грохнулась на стул.

— Почему? — вдруг очень тихо произнесла Елена Андреевна. — Он же в принципе прав...

И ту тишину, которая наступила в кабинете после этих слов, я тоже никогда не забуду...

— Литература и впрямь... не предмет, — морщась, встала учительница. — Литература — это... бальзам на все раны человечества...

Она обняла меня за плечи, и мы в гробовой тишине пошли к двери. Елена Андреевна шла тяжело, правая нога у нее сильно подкашивалась. Я старался не сгибаться. У порога она обернулась к начальству.

— А медаль он получит. Если, конечно, не будет

ленилась, — все так же спокойно проговорила она на прощанье.

На улице Елена Андреевна присела на скамью, потерла ладонью больное колено. Я стоял, виновато оглядываясь, не зная, что делать дальше, а она, прикрыв глаза, вдруг спросила:

— Ну, что там за фильм снимали?

...О-о, это было великолепное зрелище!

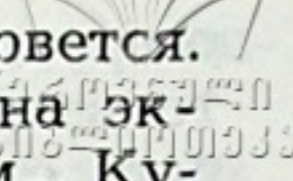
Словно десяток раскаленных на шампурах солнц слетелись в дьявольский хоровод вокруг главного входа крепости, и в дымящемся расплавленным серебром свете кто-то мощно и властно натянул ажурную прядь дождевой кисеи. Только потом, отдышавшись и присмотревшись, я заметил за прожекторами несколько пожарных машин. Пожарники по команде режиссера одновременно врубали свои шланги, их нервно дрожащие раструбы задирались вертикально вверх, в самую глубь примолкшего неба, и оттуда вода, набранная в Алазани, возвращалась на землю уже тончайшей ажурью.

Тяжеленные, окованные чеканным железом ворота распахнулись, и эти кружева, сплетенные Алазани и серебром неземного света, прорвала группа людей. Впереди шла невысокая, изящная девушка с кинжалом на мужской чохе, в которую она была одета. За нею мелким шагом спешил толстенький, кругленький мужчина, смешно подпрыгивающий на ходу от возбуждения. И еще двое рядом — высокий, стройный парень, которого все зрители, заполнившие площадь, узнали сразу, и мальчик, лет пятнадцати. Парень тот был Гоча Абашидзе, любимец и надежда грузинского кино, который, к сожалению, совсем скоро после тех съемок добровольно уйдет из жизни, не выдержав взрыва захватившей его любви.

Девушку с кинжалом и смешного мужчину тоже знали все. Лейла Абашидзе и Акакий Кванталиани... Яркие имена, яркие таланты...

То был звездный час Лейлы. Веселые, жизнерадостные героини Лейлы полюбились всем безоговорочно, и ее саму всегда встречали с улыбками, и она щедро одаривала всех своим оптимизмом. Никто не знает, когда померкнет окружающий тебя ореол поклонения

и успеха... И никто не знает, отчего он вдруг рвется. Прошло время, и Лейла перестала появляться на экране. Почему? Ни талант не иссяк, ни оптимизм... Куда роли делись?.. И что вдруг с режиссерами случилось, с теми самыми, которые так спешили в то время за-получить актрису в свой фильм?.. Каждый раз, когда я встречал ее в коридорах киностудии, у меня сжималось сердце. Годы идут, они добросовестно делают свое дело даже с самыми большими оптимистами... Талант ведь, как дождь. Даже самый сильный ливень иссякает, если не подспеют новые тучи. Мой сын уже не знает ее имени, а совсем недавно...

...Вновь и вновь пожарные задирали раструбы в небо, распахивались врата, и Майя Цхнетели — Лейла Абашидзе — со своими друзьями спешила на ратные подвиги.

От одного угла крепости до другого, через всю немалую площадь были протянуты рельсы, и по ним скользила небольшая тележка, подталкиваемая рабочими. На тележке было несколько человек: режиссер, оператор, второй оператор. Еще кто-то держал над камерой зонтик, кто-то прикрывал объектив фанеркой, и сквозь весь этот шум, гам и кажущуюся неразбериху откуда-то прорывался властный голос. «Резо Чхеидзе...» — кто-то сказал в толпе, но рассмотреть режиссера тогда я так и не смог. И уж никак не мог предположить, что через двадцать лет мы будем вместе отбирать шепот ветра, озвучивая кадры, в которых отец учит сына находить воду там, где она нужна людям...

...Три дня шли съемки, три дня длился для меня этот, похожий на хмельной угар, праздник.

Днем группа отдыхала, рельсы убирались к стене, и они, промокшие за ночь, сонно сохли под лучами живого солнца в ожидании вечера, когда опять станут нужны. Возле рельс лежали штабелями доски, обрезки декорации, банки красок. А у ворот жалкой кучей, с поникшими головами-рефлекторами, стояли прожектора, при свете дня оказавшиеся не такими уж величественными, а старенькими и пропавшими. Один «юпитер» совсем уж сник. Прислонился ржавым обручем к стене, стоит — не дышит. Я поправил его, приподнял ему голову. И, видимо, сделал что-то не так. «Юпитер» качнулся, ножки его подкосились, и

он рухнул наземь со всего размаха. Внутри у него что-то взорвалось, осыпалось, и тут же за спиной разда-лось старушечье:

— Плохая примета...

Ох уж эти старушки!.. Все-то они знают...

Но на этот раз прорицательница ошиблась. Вече-ром тот же прожектор, вылученный чьей-то рукой, снова стал солнцем, дарящим золотистые лучи, освещая путь режиссерской тележке. Ошиблась прорица-тельница... Фильм вышел интересным. Когда он через несколько месяцев пришел к нам на экран, мы, в ко-торый раз просмотрев его, хватали припрятанные в кустах самодельные сабли и луки со стрелами, заби-рались по узким каменным ступеням к бойницам, раз-делившись на ходу на «своих» и «врагов»... Все начи-налось сначала! И детство, и жажда драки с врагом, и теперь уж не Майя Цхнетели, а мы сами мчались на конях, отчаянно дрались без страха и упрека; стара-ясь не морщиться от ран, падали, отбивались и бежали на помощь окруженному врагами другу! И игра была игрой лишь наполовину — ведь стены крепости были настоящими, и небо над нами было то же, что и в ки-но над полюбившимися героями, и холмы вдали были теми же самыми, и Алазани, воды которой так удиви-тельно умеют перевоплощаться в теплый дождь!..

Такова власть кино. Оно легко превращает леген-ды в быль.

С капелькой дождя, поливающего Майю Цхнете-ли и ее друзей, семя кино попало и в меня. Я сразу стал каким-то другим. У меня появилось жгучее же-лание прикоснуться к волшебному миру кино. Я за-метался от нахлынувшего в душу... Вопросы, вопросы, вопросы разламывали голову. Мама не на шутку за-волновалась, не поняв моего резкого перелома, и ре-шила отвести меня к врачам. Но у меня был свой, вер-ный и надежный врач — Елена Андреевна.

Я бросился к ней со своими новыми терзаниями, но, к моему разочарованию, она восприняла все это довольно-таки спокойно.

— Все верно... — произнесла она, выслушав мой страстно-запутанный монолог.

Я ждал от нее немедленного ответа; но она ска-

зала, что ответы на все мои терзания хранятся в книгах. Они и только они помогут мне...

Не знаю... Или я не те книги читаю всю жизнь, или учительница слукавила, но чем больше читаю, тем больше вопросов подкидывают мне книги. И вообще...

Из нашего телавского дома видна вся Алазанская долина — сиренево-прозрачной накидкой весеннего цветения персиков и белоснежной фатой из нежных побегов алычи, сахарными головами горных вершин Кавкасиони и по-девичьи стройненькой ленточкой реки. Всю жизнь я мечтал переплыть Алазани и взобраться на самую высокую вершину.

Плавать я научился поздно, уже в зрелости, когда Алазани навещал редко-редко. Чаще приходилось бывать на море, оно-то и научило меня плавать. В любую погоду бросаюсь в его синь и плыву-плыву, словно стараюсь догнать ту алазанскую воду, которая утекла куда-то без меня. И на Кавкасиони я не бывал. Чаще приходится работать на пологих холмах, уже отшлифованных тысячами других подошв, побывавших там до меня... Поднимусь ли на вершину, где никто еще не был? Виски уже седы... Поднимусь ли?.. Ни в одной книге не нахожу ответа...

...По дряхлым улицам Телави, сохранившим тепло и уют старины, неспешно бродил невысокий, плотный мужчина с острой бородкой, придающей ему какой-то романтичный образ то ли сказочника, то ли фокусника типа Калиостро.

Он всматривался в низенькие дома, выложенные узким кирпичом, который обжигали когда-то наши предки, в узоры висячих балконов, не отгороженных тогда еще от мира стеклянным панцирем, в ковры, развешанные по перилам на просушку, пестрые узоры которых делали дома и улицы нарядными и веселыми. Чаще всего мужчина останавливался возле церкви за мостом. Храм в гордом одиночестве, со спокойным достоинством взирал на красные черепичные крыши домов и на людей, приходивших к нему со своими заботами.

Перед церковью мужчина стоял долго. Запрокинув голову, с грустью смотрел наверх, где оштукатуренная широкая шея церкви с сиротливой оголенно-

стью ежилась от пронзительного ветра, рвущегося /с Кавкасиони. Головы у церкви не было. Кто-то ^{единым} взмахом отсек ее гигантской саблей, и унесла ее куда-то Алазани...

Мужчина протягивал к седым камням руку, подрагивающими пальцами трогал их, лаская. Заметив меж камней сухую траву, начинал яростно вырывать ее, чтоб змеиные корни сорняка не разъедали камень.

Я уже знал его имя, знал его потрясающий фильм «Тени забытых предков» и ходил за ним по пятам, с удивлением замечая, что он все время что-то подбирает с земли — цветную стекляшку, старую куклу, птичье перо... Я не знал тогда, как много умеют его руки, как умеют рисовать, писать, шить поразительные куклы, одевать актера, порхать, взлетая над головой, проигрывая перед актером роль, на секунду падать вниз, умирая, и снова с непостижимой легкостью взлетать, не сдаваясь.

Тогда мы встретились лицом к лицу лишь однажды, на миг. Это потом уж мне посчастливится работать с ним над его фильмами...

...В парке устало поскрипывала карусель.

В детстве я не любил кататься на карусели. Мне всегда было почему-то жаль ее. За то, что ее лошадки и самолетки навсегда привязаны цепями к одному и тому же месту. В тот год, когда мужчина с бородкой Калиостро бродил возле церкви за старым мостом и приглядывал ее для фильма «Цвет граната», удивительной симфонии фантазии и таланта, которую широкий зритель почему-то так и не увидел, лошадки и самолетки на карусели были заменены на скамеечки. Когда карусель начинала раскручиваться, скамеечки, подвешенные на длинных цепях, начинали расходиться от центра, поднимались все выше и выше, готовые оторваться от надоевшего круга и улететь куда-то по своим маршрутам. Я каждый раз ждал, что хоть одна из них действительно оторвется и улетит. Даже приметил одну, зелененькую, которая всегда поднималась выше других и неохотнее всех возвращалась после того, как дядя-карусельщик, зевая и почесываясь, нажимал на кнопку и начинал собирать денежки.

...Целый день лил дождь, и дядя-карусельщик за-

поздал. Детей в парке тоже не было, и карусельные скамеечки, сжавшись от холода, тихонько постанывали в мокрой скуке. И жалобнее всех стонала моя зелененькая скамеечка. Я подошел к заборчику, прислушался. Она стонала не так, как остальные скамейки. Она стонала не от холода. Я смотрел-смотрел на нее и понял — она плакала... Плакала от того, что в тот день колесо не крутилось, и она не могла еще раз попробовать улететь! Я дотронулся до нее рукой — она радостно пискнула в ответ. Я тронул ее снова — она с готовностью качнулась. И тогда я стал раскачивать ее! С каждым махом она отлетала от меня все дальше, все выше, цепи натянулись, зазвенели, остальные скамейки тоже зашевелились и...

— Что, парень? — пробурчал за спиной карусельщик. — Покататься захотелось?

Я еще раз осторожно толкнул скамеечку, цепи обреченно звякнули напоследок.

— Отпустите ее, а? — попросил я.

— Кого? — удивился карусельщик.

— Вот эту скамеечку, — на полном серьезе ответил я. — Она давно уже хочет улететь отсюда.

— Улететь?! — карусельщик даже оглянулся на скамейку. — Куда?! Зачем?!

— Туда!.. — показал я на небо.

— А что ей там делать? — карусельщик с опаской поддергал цепь, убедился, что скамейка держится крепко.

— Может, надоело ей... — пожал я плечами.

— Что надоело?

— Крутиться и крутиться... Или парк этот надоел.

— Э-э, браток... — вздохнул карусельщик. — Каждый из нас приходит на этот свет, чтоб крутиться и крутиться... Кто в парке крутится, кто в небе... Такова... эта самая... философия!

— Хорошо мыслишь, философ... — ехидно вмешался кто-то в наш разговор.

Я оглянулся. За спиной стоял «Калиостро».

— Парень правильно говорит — отпусти ее... На одну скамейку не обеднеешь, — поддержал он меня. Карусельщик смотрел на нас, как на больных.

— Да вы что?.. С ума все посходили, что ли? — фыркнул он.

— Ну ладно, тогда давай так... — «Калиостро» достал из кармана десятку. — Продай нам ее, а мы уж сами подумаем, где ей крутиться.

Карусельщик мельком глянул на купюру, скривил рот.

— За это даже гвоздей не купишь для такой скамейки...

— У меня больше нет, — не отступал «Калиостро». У меня не было тем более.

— Нет, обойдетесь без нее... — карусельщик больно ткнул зеленую скамейку кулаком и полез куда-то в мотор.

Я повернулся к «Калиостро», глаза у него стали печальными.

— Вот такие-то «философы» и рубят церквям головы... — тихо проговорил он и медленно пошел себе дальше, на ходу приклеив купюру к мокрому боку скамеечки.

— Что-что?! — выскочил карусельщик из кабины. Но, кроме меня, в парке уже никого не было. — Ходят тут всякие...

— Он не всякий... — начал было я и хотел объяснить, что это кинорежиссер Сергей Параджанов, что его фильмы...

Карусельщик, заметив десятку, старательно стал отклеивать ее, и это занятие и без моих объяснений успокоило его философскую душу...

...Через несколько лет, став гораздо взрослее и смелее, я вспомнил этот случай, и любопытство повело меня к той карусели. Опять шел дождь, и опять в парке я был один.

Карусель, подновленная и подкрашенная, стояла на старом месте. Без особых колебаний я перешагнул через заборчик, снял с цепей скамеечку, очень похожую на ту, зелененькую, и спокойно пошел с нею к нашей крепости.

Забравшись по узкому проходу на башню, я поставил скамеечку на бойницу и сказал ей:

— Ну давай, лети...

Я легонько толкнул ее, но она никуда не полетела. Упала на землю и раскололась на мелкие куски. Я опоздал... Скамеечки летают только в детстве.

Кино, кино!

Чем больше я влюблялся в тебя, тем дальше уводила меня судьба от твоих ворот...

Но время почему-то не ждало меня. То, что я любил в детстве, о чем грезил, обретало экранную плоть чьей-то чужой волей, а моя подчинялась всяким житейским обстоятельствам, советам опытных людей, которые, в принципе, сводились к одному: кино — нечто нереальное, там «своих» хватает, никто тебя там не ждет, надо искать надежный кусок хлеба на другом поприще. Ох, уж эти опытные люди! То говорят, что не хлебом единым живы, то... Как нужно иной раз не поверить чужому опыту! Сколько лет я потерял в поисках «надежного куска», и ведь самое страшное — мог никогда не вернуться на ту развилку, где стоял в раздумьях в момент выбора. Но мне повезло. Рядом всегда были люди, которые меня понимали.

Время не ждало меня...

Экранизировали «Алые паруса», промелькнул «Всадник без головы». Бежал на эти фильмы, как на встречу с любимой, бежал, терзаемый нетерпением и ревностью.

Не мог дождаться, пока в зале погаснет свет. Мне мешало все — шум зала, разговоры соседей, дурацкий киножурнал, почему-то растянутый на полчаса, титры, появляющиеся и уходящие так лениво, словно специально испытывающие мое нетерпение... Наконец — началось!

Появилась Ассоль... Потом Грэй...

«Если Цезарь находил, что лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме, то Артур Грэй мог не завидовать Цезарю в отношении его мудрого желания. Он родился капитаном, хотел быть им и стал им...».

Он родился капитаном. Хорошо, если сразу знаешь, кем ты родился. Когда мама впервые прочла мне эти строки, я спросил ее:

— А я?.. А я кем родился?

Вместо ответа мама перевернула страницу и продолжала читать, не глядя на буквы. Она смотрела на меня, и тихий голос ее успокаивающе убаюкивал...

Так и не сказала — кем же я родился. А уж кому лучше знать об этом, как не маме.

...Фильм закончился. Скамейки, откидываясь, равнодушно захлопали. Зрители быстренько покинули зал, разбегаясь по своим делам. Только я продолжал сидеть, не веря, что все кончилось и... кончилось так просто и неинтересно. У меня было ощущение, что меня обманули, завлекли куда-то и бросили. Что вместо «блистательной страны, где восходит солнце и где звезды спускаются с неба», я сейчас побывал в сером бездушном лесу, над которым ни солнца, ни звезд, лишь тоскливая промозглость, которая и дождем-то стать не может.

И Ассоль вроде была... И паруса... А все не такое, каким чудилось... Все как-то «в лоб», без той тоненькой мелодии, которая всегда слышалась мне.

Я знал эту мелодию. Далекое эхо доносило ее до меня. И мечтая снять этот фильм, я уже точно знал, что именно она будет в нем... Но время не подождало меня, и кто-то другой сделал то, что должен был сделать я. И вот сижу в пустом зале, уборщица шаркает метлой, быстро проходя по рядам, и грубовато окликает меня, угадав:

— Эй, мальчик!.. Тебе что, плохо?

Дома я подошел к полке, снял любимую книгу. Подержал, не раскрывая, затем резко задвинул ее в плотную гущу других книг, подальше.

...В поисках надежного куска хлеба я забрел в политехнический техникум.

Мне посоветовали подать документы на факультет, называвшийся довольно загадочно: «РЭСР». Когда родственники, болевшие за мой будущий кусок хлеба, спрашивали, куда я собираюсь поступать, я так и отвечал: «В политехнический... на РЭСР». Родственники переглядывались, не понимая, что это такое, но на всякий случай начинали глядеть на меня с каким-то новым уважением. «Чем черт не шутит... — читалось в их глазах. — Может большим человеком станет на этом... РЭСРе...»

В подробности я не вдавался, не мог же я разочаровать их, расшифровав будущую специальность. А полное ее имя было всего лишь «Районная Электри-

ческая Связь и Радиофикация». Но это между нами. Многие мои дяди и тети до сих пор не знают всех подробностей того периода моей биографии...

Когда я принес документы, в приемной комиссии сделали круглые глаза. С таким аттестатом — а в аттестате не было ни одной четверки, сбылось предвидение Елены Андреевны! — на подобную специальность, оказывается, приходят редко. За последние годы я был всего лишь вторым медалистом. Первый медалист, как сообщили мне под большим секретом, был сыном одного из преподавателей этого техникума, и он привел сына, чтоб тот получил здесь «красный» диплом, а там уж дорога открыта... Медаль плюс «красный» диплом — это такой снаряд! Любую бронь пробьет!

«Да нет... — промямлил я на собеседовании, — в артиллеристы я не собираюсь. У меня другие планы...»

Скромность моя, видимо, пришлась экзаменаторам по душе, и меня приняли в техникум без особых проволочек.

Планы у меня были простыми. Все деятели кино, чье творчество я изучал, повторяли в один голос: чтобы делать кино — надо знать жизнь. Вот я и решил ее познать. В киноинститут тогда я поехать не мог, не было возможностей, да и, честно говоря, я не смог настоять на своем. А тут еще мой дядя со своим известием — он вернулся из Москвы, где был по своим делам и выполнил мою просьбу: зашел во ВГИК и узнал, что именно в тот год приема на режиссерский факультет не было. Я поверил, так как и раньше слышал, что институт кинематографии — царство особое, у него свои законы, и прием там бывает не каждый год. Зависит от того, найдется или нет соответствующий мастер, согласный набрать мастерскую. Я поверил... Потому что это обстоятельство оправдывало мое маленькое предательство. На душе стало легче...

Это потом я узнал, что дядя обманул меня. И мастер, оказывается, в том году нашелся, был и прием... Родственничек мой из добрых ко мне побуждений ни в какой ВГИК не ходил. Зачем баламутить воду... Решено ведь на семейном совете — в политехнический! Никто из наших в кино никогда, ни в одном поколении, не стремился, все окончили серьезные институ-

ты. Сельскохозяйственный, например. И живут себе! И дай Бог каждому так жить. И дом у каждого, и машина, и жены у всех двоюродных братьев, которые в свое время послушались добрых советов, как на подбор — все обязательно с высшим медицинским образованием... А кино... Кино не убежит. Вон оно, твое кино! Бери билет, садись в любом ряду и смотри себе на здоровье...

Техникум меня устраивал еще и тем, что учеба там была всего два года. Мне показалось, что этого времени вполне достаточно, чтоб познать жизнь в объеме, необходимом для кино.

С этой успокоительной мыслью и начал я самостоятельную жизнь в Тбилиси.

Подыскалась крохотная комната со злоющей хозяйкой, дяди и тети успокоились и начисто забыли о моем существовании до самого диплома. Им до сих пор невдомек, что вспомнить обо мне могли бы и пораньше. Стипендия-то была такой же крошечной, как и комната, в которой я обитал под бдительным надзором хозяйки, не прощающей ни одного просроченного дня платежа квартплаты, но сама квартплата была несоизмеримо велика относительно стипендии. Мы ведь в Телави жили в основном на пенсию отчима-отца, а жить на негенеральскую пенсию во все времена было довольно сложновато. Просить я с детства не умел, и поэтому здесь, в столице, приходилось гордому студенту самому ломать голову, чтоб как-то совместить несовместимое. С одной стороны, мучил вечно пустой карман, с другой — не давала покоя вечно полная желаний молодости душа...

Окна аудитории, в которой мы занимались, выходили на двор, огороженный высоким забором. За забором — пивоварня, работающая день и ночь. Из-за такой ее активности вокруг постоянно витал хмельной дух, от которого хронический студенческий голод становился еще острее.

Учиться было неинтересно. Предметов оказалось много. Были они совсем не теми, о которых мечталось и которые можно было бы изучать запоем.

Меня долго и серьезно пытались научить телеграфному делу, но то, что осталось во мне от того строгого обучения, так это умение печатать на машин-

ке, ибо расположение клавиатуры на ней, как и на всех остальных печатных устройствах, одинаковое.

Впрочем, еще одно...

После телеграфного аппарата не менее главным в моей будущей профессии было умение правильно паять многожильный кабель. Для человека, окончившего в наше время школу с медалью, овладеть этим умением несложно. Гораздо сложнее было отыскивать этот кабель в недрах родной земли. И занятие это не такое уж безопасное для молодой жизни, потому что трудно представить непрофессионалу, сколько разных кабелей в несчастной земле, и прежде чем ты отыщешь свой, можешь запросто наткнуться на совсем чужой, в котором беспощадного напряжения гораздо больше, чем в твоём.

Самое невыносимое в подобных поисках было то, что кабели по чьей-то злой воле обычно пролегают в самых оживленных местах, где ходят очень красивые девушки, а ты в это время в замызганной и прожженной насквозь спецовке обязан возиться с трудно поддающейся дрессировке паяльной лампой времен молодости моей покойной бабушки.

А тут еще техник, вертлявый, покрытый вечным загаром, то ли от солнца, то ли от паяльной лампы, пахнувший табаком, запах которого не перебить никаким запахом тающей канифоли, весь хихикающе-прожженный, как моя спецовка, получающий десять процентов надбавки за счастье преподать мне основы практической работы, оказался большим шутником.

Фамилия его была Пония. Когда он, подключившись к отремонтированному кабелю, вызывал диспетчера, то начинал доклад так:

— Я—Пония! Я—Пония! Как меня слышите?

Отсюда и прозвище — «Япончик», которым он почему-то страшно гордился.

Так вот, этот Япончик любил разные шутки. Особенно с новобранцами. Был у него какой-то секретный состав горючего для паяльной лампы. Когда-то он, оказывается, работал в киностудии пиротехником. Там и научился разным секретам. Фирменная шутка заключалась в том, что практиканту, впервые идущему с ним, как он выражался, «на кабель», он собственноручно заполнял лампу горючим, специально при-

готовленным для такого дела. Не знаю, из чего состояла его адская смесь, но стоило практиканту поднести спичку к форсунке, как лампа вмиг превращалась в неукротимого дракона, изрыгающего огонь. Огонь рассыпался ярко вспыхивающими искрами, искры разлетались во все стороны с каким-то пронзительным свистом, лампу в руке удержать было невозможно, она вырывалась из рук, летела на землю и там продолжала извиваться, вызывая панический ужас среди невинного населения. Насладившись эффектом, Япончик спокойно накрывал этот вулканчик ладонью, и на глазах потрясенных прохожих огонь покорно затихал.

Благодарный практикант же, вернувшись с такого занятия, захлеб рассказывал о беспримерном героизме педагога, добавляя к его легендарной биографии новые штрихи.

Когда после долгих и нудных «теорий и инструктажей» подошла моя очередь идти с ним «на кабель», я, получив на складе необходимый инструмент, сложил все на полке возле инструмента Япончика. А надо отметить, что инструмент у него всегда был «в форме» — лампа сияла новорожденным серебром, паяльники были в специальных чехлах, припой, провода и другие приспособления аккуратно перевязаны и рассортированы. Рядом с этой красотой выданная мне лампа была похожа на посудину, в которой первобытные предки варили пищу на пещерных кострах. Мне стало неловко, я снял с полки лампу, направился во двор.

— Ты куда? — с подозрением прищурился Япончик, копошащийся в углу мастерской.

— Почисти, — кивнул я на лампу. Япончик хмыкнул и согласно кивнул.

Во дворе я целый час драил прокоптившиеся бока лампы куском кирпича, и вековая сажа постепенно слезла. Внутри лампы что-то булькало, и я понял, что Япончик уже подготовил ее к завтрашнему представлению.

— Не забудь оформить у мастера наряд, — напомнил он, проходя мимо меня.

В мастерской никого не было. Я быстро открутил крышку его серебряной лампы, вылил горючее в миску, из своей лампы перелил в его драконовскую смесь,

из миски залил в свою то, что было положено по инструкции, все расставил по местам и отправился домой.

Работал Япончик с блеском, как опытный хирург. Четко вскрыл свинцовую кожу кабеля, быстро прозвонил жилы, ту, которая не понравилась, подцепил щипчиками, оголил концы, присел уютненько, закурил, кивнув мне: «Давай, разогревай...».

Я строго по инструктажу накачал в лампу воздух, где надо — открутил, где надо — подкрутил, поднес спичку к форсунке. Чувствую — педагог весь притих в предвкушении праздничного фейерверка. Форсунка робко чихнула, но тут же разошлась, деловито выдала ровненький синий огонь. Япончик застыл в недоумении, затем щелчком черных пальцев отстрелил окурок, протянул руку. Я с невинным видом отдал лампу. Педагог зачем-то поднес ее к самому лицу, повертел, рассматривая. Лицо у него стало кислым, как у ребенка, у которого отняли конфетку. Но тут же он, не роняя марку, показал мне, куда направлять огонь, и стал готовить свой инструмент. Я осторожненько отодвинулся подальше.

Руки Япончика автоматически делали свое дело, а сам он, не переставая удивленно хмыкать, косился на меня до тех пор, пока его секретная смесь не заработала во всю свою мощь. Ох и красиво же извивалась блестящая лампа! Непривычная к такому обращению, она ракетой взлетела над асфальтом и заметалась обезглавленной курицей. Прохожие бросились врассыпную, Япончик совершенно отключился. Я подождал немного, пока огонь выдохнется, затем поднес ладонь к озверевшей форсунке. Огонь почему-то был холодным, я мгновенно сообразил, что в этом весь фокус, и уже спокойно накрыл форсунку ладонью. Все сразу прекратилось, наступила удивительная для этого проспекта тишина.

Япончик сидел на бордюре, уронив жилистые кисти на колени, и долго-долго молчал. Затем, не глядя на меня, встал, взял мою лампу, в несколько приемов сделал всю работу, хрипло доложил диспетчеру, забросил все в нашу «аварийку» — раздолбленный «Москвич», переделанный в грузовичок, и так же молча отвез меня в мастерскую, ни разу не вспомнив о валяющейся рядом лампе. Я подобрал ее, во дворе навел

полный макияж, она снова заблестела, но Япончик не притронулся к ней больше. Так и стояла она на его полке, мертвая, до самого конца нашей практики.

Особого таланта в пайке многожильных кабелей я, в конце концов, не проявил, но, к великому моему удивлению, в дипломе я обнаружил оценку «отлично» по этому предмету. А удивился я больше потому, что это была единственная отличная оценка во всей нашей группе. Япончик не любил «отл.», так как считал, что на отлично паять умеет только он. Может, это и соответствовало действительности, тогда тем более мне непонятна была его щедрость.

...Премьера фильма «Будь здоров, дорогой!» режиссера Вахтанга Кикабидзе проходила в Большом зале филармонии. До начала фильма, по традиции, съемочная группа должна была подняться на сцену, чтоб зритель хорошенько запомнил тех, кто сотворил все то, что ему доведется смотреть и слушать целых полтора часа такой короткой жизни, и мы, наряженные и втихую волнующиеся перед этим церемониалом, стояли в сторонке, ожидая команды пройти на сцену. Зрителей было много, срабатывало имя Вахтанга — «Бубы» Кикабидзе. Это был его дебют на режиссерском поприще, и мы волновались вместе с ним, хотя для меня и премьеры, и встречи со зрителями уже стали привычными. На премьеру обычно приходят самые близкие — родственники, друзья, те, кто помогал в работе. И вдруг среди этих лиц я заметил одно, пристально разглядывающее не Бубу, что было бы вполне понятно, а меня. Лицо показалось знакомым. Человек не подходил ко мне, просто смотрел. И только когда он достал сигарету и как-то особенно быстро щелкнул зажигалкой, я узнал его — Япончик!

Мы обнялись. От него по-прежнему пахло табачным магазином, канифолью и еще чем-то, напоминающим холодный фейерверк адской смеси...

— Вот... на афише прочел твою фамилию... Пришел посмотреть... — смущенно заговорил он.

— Ну конечно!.. Ну конечно! — взволнованно повторял я, рассматривая своего педагога, который уже успел поседеть и покрыться морщинами. Но загар у

него был все тот же, да и глаза, пожалуй, те же веселые и хитроватые.

— Это тебе... — вдруг протянул он что-то, завернутое в бумагу. Усмехнулся. — Приз.

— Сперва фильм посмотрите. Может, не стоит он призов-то, — улыбнулся я в ответ.

— Стоит, стоит, — не опускал руку Япончик.

Пришлось взять неожиданный приз. Я провел педагога в зал, попросил не уходить после фильма.

Он не ушел. Стоял у выхода, терпеливо ждал, пока кончатся поздравления, поцелуи. Все время привычно усмехался, но я вдруг понял, что он пришел не случайно.

Еще тогда, в техникумский период, я несколько раз пытался разговорить его о киностудии, но он отвечал неохотно, пытался отшутиться, хотя шутки не получались, а чувствовалась какая-то горечь, какая-то обида, которую нельзя было ни забыть, ни простить. Единственное, что я узнал, это то, что на съемке у него произошел взрыв, чуть не погиб человек, и за это его уволили. «Пятнадцать лет проработал без замечаний, а тут сразу...» — качнул тогда головой Япончик, и больше о киностудии не говорил мне ни слова. Когда в минуту откровенности я признался, что мечтаю о кино, он помолчал, опустив голову, а затем, в отличие от моих родственников, не стал отговаривать, только и сказал:

— Одно запомни. Кино — это отравка. Заболеешь один раз — не вылечишься. И не ищи лекарств. Не ищи... Даже если найдешь — еще хуже заболеешь.

В тот вечер его привела к филармонии давняя отравка.

Мы долго ходили по ночным улицам. Вспоминали старое, вспоминали новое. Он, оказывается, видел все мои фильмы.

— Дома не верят, что я когда-то учил тебя, — усмехнулся Япончик. — Может, придешь когда-нибудь к нам? Сын интересуется... Расскажешь ему...

— Обязательно! — пообещал я и тут же задал не дающий покоя вопрос. — Никак не могу понять, за что вы мне поставили в дипломе «отлично»? Я ведь...

— Это я авансом... — обнял меня за плечи мастер.

— Я знал, что ты меня обойдешь. И обошел. Вот за это тебе этот приз.

Япончик хлопнул ладонью по подарку, который я держал в руке, еще раз обнял меня на прощание. В конце улицы оглянулся, сделал знак: «Приходи, мол...» и исчез.

Только теперь я развернул сверток.

Это была та самая его паяльная лампа, которая и в ночной темноте блестела неувядаемым серебром. На боку было что-то выгравировано. При свете спички я прочел:

«Моему ученику — в день премьеры... Если ты уже забыл, как добыть огонь — значит, я плохой учитель... П.»

Я качнул лампу. Внутри булькало. Учитель до конца решил проверить, помню ли я его уроки. По всем правилам инструктажа я подкачал воздух, где надо открутил, где надо подкрутил, поднес спичку к форсунке и...

Такого оглушительного фейерверка я не видел ни на одной премьере, ни на одном фестивале! Это было что-то невероятно эффектное!.. Искры разлетались уже не со свистом, а с реактивным ревом, который немедленно переполошил всю улицу. Захлопали окна, раздался угрожающий мат. Я попятился в темноту, но темноты нигде не было. Стало светло, как в июльский полдень, и опасно, как в чужом саду, когда все хозяева и хозяйки дома.

Можно было бы погасить все это ладонью, я ведь уже знал, что не всякий огонь горяч. Но мелькнула шальная мысль: «А зачем?.. Пусть учитель услышит, что я ничего не забыл...»

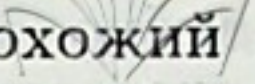
Я повернулся и пошел быстрым шагом. Хлопали уже не только окна, но и двери...

А огонь за спиной гудел все веселее. Мимо меня, словно спеша погреться, бежал к нему милиционер.

Если б он так не спешил и догадался, что этот праздник организовал я, и задержал бы меня, я все равно не обиделся бы на Япончика. На киношников, даже на бывших, не обижаются...

В самом центре города Мцхета, по соседству со Светицховели, есть районный узел связи.

Это маленький домик из бетонных стен, похожий на невыросшее бомбоубежище. Из-за своего невзрачного вида он стыдливо прячется за аптекой. Так что, при желании, его не сразу найдешь. Впрочем, желание такое не часто появляется у людей. Только тогда, когда они прибегают сюда, чтоб посмотреть в глаза виновному, если связь вдруг куда-то пропадет. А если связь есть — о нем не вспоминают вообще.

В этом «убежище» я проходил преддипломную практику. Здесь же свершилось знаменательное событие — у меня появилась трудовая книжка, здесь же я получил первую настоящую зарплату. И первая настоящая драка у меня случилась тоже здесь...

...Отар Георгиевич, старший инженер, к которому я обратился с направлением, вздохнул с таким видом, будто с моим прибытием ему прибавится с десятков новых проблем. Он почесал голову в раздумье, опять вздохнул, жалостливо взглянул на меня.

— Ладно, поработай пока у Славика... Потом постараюсь перевести.

Славик оказался крепким парнем с повадками человека, прошедшего через все тайные входы и выходы нашего бытия. Он не понравился мне сразу. Во всем его облике — во взгляде, в циничной ухмылке, в походке, не знающей ни усталости, ни уступчивости, в жестях, которые мгновенно выдавали безжалостность и звериную хватку, — было столько злой силы, что перед ним любой чувствовал себя беспомощным, и он всегда брал верх — и в деле, и в споре. Когда он что-нибудь говорил своим хрипло-свистящим голосом, все замолкали, и Славик воспринимал это как должное. Поговаривали, что он убил человека, но доказать это не смогли. Поговаривали и то, что при себе у него всегда есть оружие, и не дай Бог, если он кого-то невзлюбит.

Он сразу же невзлюбил меня.

Даже не взглянув как следует на направление, Славик швырнул его на стол, за которым что-то ремонтировал, и листок упал так, что его уголок лег на раскаленный конец паяльника. Направление задымилось, я протянул руку, и Славик вдруг резко, ребром ладони, прижал ее к столу. Разбросанные шурупы и гвоздики больно впились в кожу. Славик мед-

ленно повернул ко мне лицо, его косоватые глаза оказались совсем близко от моих глаз.

— Урок первый: без моего позволения на этом столе трогать ничего нельзя... Уяснилось? — негромко проговорил он.

Было ощущение, что, если попытаюсь отдернуть руку, кисть останется на столе. Ребро его ладони давило тупым топором.

Не отпуская, он ждал ответа.

Отчим кое-чему научил меня. Он всегда жалел, что я рос хилым, и приговаривал:

— Заклюют тебя, пацан...

— Кто? — допытывался я.

— Да все, кому не лень, — вздыхал отчим, покачивая головой.

И когда я однажды, постанывая и похлюпывая, пришел со школы с расквашенным носом и мама воинственно бросилась было со двора искать обидчика ее единственного сына, он схватил ее за локоть:

— Ну-ну!.. Этим дело не исправишь... Пусть научится сам за себя постоять...

Он немедля потащил меня в мои лопухи и с того дня с каким-то неистовым упрямством стал делать меня «несъедобным» для желающих заклевать меня. И это дало плоды. Хотя до последнего класса я продолжал быть самым маленьким и всегда стоял последним во всех шеренгах — его занятия принесли мне великую пользу: я разучился хныкать и убежать...

— Урок второй... — еще ближе придвинул свои неумолимые глаза Славик, кисть моя совсем омертвела. — Когда я спрашиваю, надо отвечать быстро! Уяснилось?

— Уяснилось... — так же негромко ответил я и свободной рукой сильно, совсем так, как учил отчим, ухватил его за оттопыренный большой палец ладони «топора» и так надавил на него всем корпусом, что палец почти приклеился к кисти. В ладони что-то хрустнуло, Славик вскрикнул, от неожиданности выпустил мою руку и вскочил, разъяренный от боли, но мне этой секунды было достаточно. Я тут же схватил паяльник и дымящийся конец застыл в двух миллиметрах от его глаз.

— Я одну школу уже прошел... И твои уроки мне

до лампочки... Уяснил? — переспросил я, не отодвигая горячее оружие и стараясь, чтоб Славик не догадался, о чем я думал в тот миг. А думал я о том, что делать дальше, если Славик все же пойдет в атаку. Нельзя же, в самом деле, надеяться на защиту остывающего паяльника!.. Эх, ту лампу бы сюда, серебряную, с фейерверком... Посмотрел бы я на тебя, уважаемый Славик!..

Славик не дал мне додумать до конца, он взмахнул рукой, и мое хрупкое оружие улетело в угол. Я не успел отреагировать, и Славик намертво сдавил мою шею всеми остальными девятью здоровыми пальцами, которых как раз хватило, чтоб кольцо на шее замкнулось. Но он опять допустил грубую ошибку — оставил без внимания мои руки. А они мгновенно заработали сами по себе. Терять мне было нечего, я изо всей силы ударил с обеих сторон по беззащитным ребрам. Славик икнул, оставил в покое мою шею и по его побелевшим насквозь глазам, в которых не было уже ни грана пощады, я понял, что настал мой последний миг. «Убьет — и опять не докажут...» — промелькнуло в голове, и эта мысль подстегнула меня. От удара коленом в пах Славик согнулся и медленно опустился на стул.

Испытывать судьбу я больше не стал. На дворе было светло и шумно. Очередная партия туристов шла мимо «убежища» к монастырю. На душе стало спокойнее. При людях Славик не рискнет довершать свои черные дела...

К тому же появился Отар Георгиевич, озабоченный, суетливый. Увидев меня, кивнул:

— Как дела?.. Оформился?

— Оформился...

— Ага... — довольно кивнул еще раз начальник и двинулся было дальше. — Слушай!.. Ты не хочешь немного подработать? Стипендия, наверное, не ахти! Не хватает на месяц?

— Стипендия нормальная. Это месяц длинноват...

— Молодец! Хорошо отвечаешь! — Отар Георгиевич обнял меня за плечи, показал рукой на стройку за забором. — Наш будущий корпус. Вечерком кирпич подвезут. Помоги разгружать. Заплатим сколько положено...

Разгружать кирпич — много ума не надо, а лишние рублики никогда не помешают...

Прораб, к которому направил меня Отар Георгиевич, метался по этажам необузданной лошадкой. Домчавшись наконец до меня, мельком оглядел с головы до ног мою неброскую фигуру, явно не подходившую для строительных работ такого масштаба, поджал губы и выдохнул:

— М-да... Ну ладно... Только ты поосторожнее с кирпичом-то! Не бросать! Не дачу мне пришел строить! Это добро государственное, и мы обязаны...

— Я с утра рвусь к государственному добру! — прервал я его, потому что солнце уже клонилось к закату, самосвал был набит кирпичом по самые небеса, а мне надо было потом еще добираться до Тбилиси.

Прораб еще раз оглядел меня, хмыкнул:

— Ну-ну... А рукавицы не дали тебе?

— А мне не холодно...

— Хм... — совсем развеселился прораб. — Ты когда-нибудь кирпич держал в руке?

— Держал. А что?

— Да ничего... Ну ладно. Раз не холодно — приступай! Когда кончишь все, позовешь сторожа. Без него не уходи.

Я понял причину его веселья после двухсотого кирпича, когда ладони мои стали красными, словно их долго и упорно терли наждаком. Я все чаще стал дуть на них, опускать в ведро с холодной водой, но боль от этого не утихала, а пожаловаться было некому. На стройке, кроме меня, не было никого. Я даже не знал, где искать потом сторожа...

К юбилейному, тысячному кирпичу, мозоли, не успев родиться, полопались. А подо мной оставалось еще три тысячи...

Я присел, ладони, брошенные на колени, дрожали. Боль ныла не в мозолях, а где-то у самого горла...

С высоты трех тысяч кирпичей, отсюда хорошо была видна Арагви. Вон там, за теми вон крышами, она сливается с Курой, и дальше они бегут уже вместе, смешав свои светлые и темные воды. Освещенный снизу прожекторами, повис между небом и землей Джвари, пристанище Мцыри... Джвари заморожено

смотрит на обе реки, ревниво выбирая, какая ж из них красивее.

Таинственны черепичные крыши в миг, когда свет солнца уже померк, а свет луны еще не засиял...

Застрекотали свою песнь цикады, словно шепот Джвари опустился к крышам...

Вспомнился стих, который я готовился читать на вступительном конкурсе.

— «Между нами крыши, крыши, крыши... Целый мир из синих, зыбких крыш. Улыбнись мне в трубку— я услышу... Только я молчу, и ты... молчишь...»

Вдруг кто-то ухватился за высокий борт прицепа, борт качнулся, и над ним показалась голова мужчины. Я от неожиданности вскочил.

— А-а, это ты тут чирикаешь... — прохрипел знакомый голос, от которого, честно говоря, у меня похолодело в душе.

Славик подтянулся, легко впрыгнул на кирпичи. На фоне вечернего неба он показался мне таким огромным, что я почувствовал себя гномиком.

На всякий случай я взял в руку кирпич. Славик усмехнулся.

— Поэт, а такой грубый... — покачал он головой.

— Я не поэт. На поэта меня не хватает... — стараясь быть спокойным, ответил я с ухмылкой, но нервы не выдержали, и последние слова я пропел фальцетом.

— Да-а... — согласился миролюбиво Славик, — худоват ты парень, худоват. Дома не кормят, что ли?

— Перекармливают. Но у меня организм упрямый.

— Упрямство — вещь неплохая... — Славик оглянулся, он явно кого-то ждал. — Ты давай, закругляйся на сегодня. Утром, на свежую голову, докончишь.

— Для этого дела свежая голова не нужна, — отбросил я кирпич. — Пока сторож не придет — уйти не могу.

— А я и есть сторож. По совместительству... — Славик посмотрел вниз. — А ты молодец, аккуратно работаешь...

Я промолчал. Я никак не мог понять, с чего это вдруг он стал таким мирным.

Славик повернулся к Арагви, несколько мгновений помолчал, всматриваясь.

— Как ты говоришь?.. «Целый мир из синих крыш...»?

— Из синих... — подтвердил я.

Славик еще помолчал, обведя взглядом крыши, затем опять усмехнулся.

— Если б ты был поэтом — продал бы тебе идею... Написал бы ты поэму о том, что творится сейчас под этими крышами... Поднять бы их сейчас тихонько и посмотреть... — он даже хохотнул, представив это дело.

— Был уже такой... Поднимал чужие крыши и смотрел.

— Да ну! — всерьез удивился Славик. — Хм!.. Всегда я опаздываю... Как что задумаю — уже кто-то где-то сделал до меня!.. Расскажешь мне потом про это, а?

У ворот с тихим шорохом остановилась «Волга». Во дворе появился кругленький, шустрый дяденька. Славик спрыгнул с прицепа, поспешил к нему навстречу. Дяденька, здороваясь, тыркнул ему ладонью в ладонь.

— Есть? — спросил тихо.

Славик кивнул, повел его к складу в углу двора. Сняв массивный замок, он бесшумно опустил кованые железные засовы, открыл дверь.

На пороге вспомнил обо мне, вернулся.

— Слушай... Тут такое дело... Это мой... брат, что ли... Ему мешочек алебаstra нужен. Там, во втором подъезде мешки. Помоги, а? Ему тяжести нельзя поднимать. После операции... А я... — криво усмехнувшись, он показал мне перебинтованный большой палец ладони-«топора».

Помочь нетрудно. Тем более, этот палец—на моей совести...

Я вошел в темный подъезд, зажег спичку. У одной стены были сложены бумажные мешки с алебастром, у другой — пахло кислым карбидом.

Я поднял мешок, потащил к проему.

А у склада кипела своя работа. Дяденька-«брат» и Славик слаженно укладывали в багажник машины какие-то коробки. В таких коробках обычно бывает импортный кафель.

Мне почему-то расхотелось нести им алебастр. Я

положил мешок на место, у противоположной стены взял мешок с карбидом.

Когда я подошел к машине, Славик и клиент спокойно взяли у меня мешок, положили его рядом с коробками, прикрытыми сверху бумагой, дядя махнул нам ручкой, и машина исчезла в темноте.

Славик достал из кармана деньги, неторопливо посчитал, отделил от пачки пятерку, протянул мне.

— Держи. Заработал...

— Сегодня мне зарплата не положена, — ответил я и пошел к автобусной остановке.

Славик так и остался стоять с протянутой рукой...

В ту ночь я спал плохо. Все тело ныло, будто меня перепахали.

Утром Отар Георгиевич сразу же послал меня завершить разгрузку. Но не успел я приблизиться к прицепу, как ко мне подскочил Славик с прорабом.

Лицо Славика опять не предвещало ничего хорошего. Я, кажется, начал его понимать. Он, как актер, зажигался при зрителях. Один на один ему было лень разыгрывать из себя супермена.

Впрочем, прораб оказался не рядовым зрителем...

Славик схватил меня за ворот. Пока было не больно, и я не стал повторять вчерашние приемы.

— Плохо шутишь, коллега... — просипел он мне в лицо.

— Не понял, шеф.

— Шефов себе поищи в детсадике! Там твое место пока! Зачем ты карбид человеку подсунул вместо алебастра?

— По неопытности...

— По тупости! Из-за тебя первый раз в жизни меня мошенником обозвали!

— Плохо... — сожалеючи вздохнул я. Прораб все время оглядывался, словно стоял на карауле. — Плохо, что только сегодня тебе это сказали. Сказали бы раньше — кафель не испарился бы...

Славик дернулся, хотя я не трогал его.

— Ну ты! Сопляк!

— За «сопляка» извиниться бы надо... — словно бес в меня вселился. Такое бывает иногда со мной. Как впруть, так...

Славик не поверил своим ушам, наклонился, за-

глянул мне в глаза поглубже. Прораб еще больше за-нервничал, втиснулся между нами. Схватив меня за руку, оттащил в сторону, бубня на ходу:

— Слушай-ка, ты! Иди, иди сюда! Иди, иди... За-канчивай разгрузку.

Я разгружал целый день. Один из рабочих сжался, подкинул протертые рукавицы. Ладоням стало легче, зато спине эти рукавицы что мертвому припарка. Поясница ныла так, что ее нытье было слышно на Джвари...

Когда стемнело и все вокруг стихло, появился Славик. Он открыл склад, затащил туда лопаты, разбросанные у места, где месят раствор.

Я спрыгнул с опустевшего прицепа, отряхиваясь, подошел к распахнутой двери. Славик, не оглядываясь, продолжал наводить порядок.

— Так я жду, — начал я.

— Чего тебе надо? — со злостью выпалил Славик.

— Извинений за «сопляка».

— Чего-о? — Славик подошел ко мне поближе, в руке у него был молоток. — Нет, ты явно чокнутый!

— Ну вот... — вздохнул я. — Теперь тебе придется извиняться дважды.

Надо отдать должное Славику — по вечерам он бывал весьма сдержан.

— Слушай... — совсем как маленькому сказал он. Даже ласково прикоснулся ладонью к моему плечу. — Иди гуляй, а? Иди, пока красивый. Иди и больше сюда не возвращайся, слышь? Здесь пыльно, шумно, не для твоей интеллигентной нервной системы. Иди...

Он мягко подтолкнул меня, чтоб я ушел побыстрее, сам вернулся в глубь склада, включил свет.

— Ладно... — послушался я его доброго совета. — Пойду. Но сюда я вернусь. И пока я буду гулять, придумай, пожалуйста, слова для извинений.

Я плотно закрыл дверь, резко задвинул оба засова. Сперва была мертвая тишина, затем Славик толкнулся в обитую железом дверь.

— Эй! — позвал он. — Ты что? Открой сейчас же.

— Только после извинений.

Железо вздрогнуло от мощного удара молотка.

— Открой! Не заставляй меня много говорить...

— Я ухожу.

Славик еще раз попробовал прочность двери.

— Слушай! Ты мужчина или базарная баба?! На кой черт тебе телячьи нежности?

— Только извинения, — уперся я, прекрасно понимая, что надо держаться до конца. Если уступлю — он расплющит меня и обобьет эту несчастную дверь вторым слоем...

— Ах ты!.. — Славик шумно, переворачивая все, заметался по складу, но вдруг притих. Может, понял, что мне не до шуток. — Слушай, парень... Давай мирно разойдемся, а? Ты меня не знаешь, я тебя не знаю. Хотя ты вчера понравился мне, что не раскис и...

— А ты мне не понравился. Дешевый ты... С такими я не играю.

— Заговариваешься, парень... — прорычал Славик, но я продолжал прессинг без пауз.

— Это не я. Это классик сказал, что у человека все должно быть прекрасно, — и я добросовестно, с расстановкой перечислил, — и лицо, и одежда, и душа, и мысли.

Славик со стоном выматерился тихонько, потом чуть громче произнес:

— Желторот ты пока в проповедники... И у меня нет времени это выслушивать. Меня ждет женщина... Так что... открой дверь и быстро уходи. Я сосчитаю до десяти и только потом выйду. Ты уже будешь далеко.

— Ладно, — решил я сделать ему уступку. — Тогда по-первому вопросу сделаем так. Раз извиняться не обучен, повтори погромче слова классика — и вопрос будет исчерпан.

Последние слова потонули в грохоте и вое.

— Все!.. Все!.. Бог свидетель! Не хотел я убивать!

— Это уже серьезно, — заявил я. — Вынужден удалиться...

Я и вправду направился было подальше от этой Голгофы, но Славик так удачно сменил тон, что заставил меня слушать.

— Стой! Стой... Ах ты... молокосос! — его вой перешел в нервно-хрипящий торопливый шепот. — «Лицо, одежда»!.. По учебникам живешь? А карман? Что о кармане твои классики говорят?.. А?!. Не будет

красивым карман, кому нужно твоё лицо! Ты подними, подними крыши!.. Спроси у тех, кто под ними... Что им нужно больше всего?! Все ответят — деньги!.. деньги!.. В твои годы и я... И мне крыши «синими» виделась... А кафель я не украл... Экономия это... излишки... За эти деньги и куплю красивую одежду, так что классикам я не мешаю. А насчет души...

— Вот это я и хотел вторым вопросом. Чтоб наши души были в норме, скажи вчерашнему дяденьке, чтоб он привез кафель назад. И чтоб карбид не забыл...

Славик на этот раз замолк окончательно. Тишина наступила такая, что я явственно ощутил то терпкое чувство одиночества, которое почувствовал, наверное, Робинзон Крузо на своем острове, убедившись, что он совершенно один на целом свете... Я даже приложил ухо к двери. За нею не дышали...

Вдруг за спиной послышались осторожные шаги. Кто-то вошел во двор, остановился, растерянно осматриваясь. Это была женщина. Славик сказал правду...

Вздохнув, я снял засовы. Славик мгновенно очутился рядом со мной, живой, невредимый, полный клокочущей энергии. Он схватил было меня за плечо, но я успел кивнуть на гостью, приближающуюся к нам:

— Там женщина. К тебе, наверное...

Славик резко оглянулся, я стряхнул его ладонь с плеча, пошел к калитке. На ходу напомнил ему:

— Только не забудь передать дяденьке насчет кафеля, ладно?..

Отар Георгиевич одобрительно потрепал меня по плечу, уважительно хмыкнул:

— Правильно ты его... Давно этого Славку надо гнать, мерзавца этакого...

— Не надо.

— Что не надо?! — отдернул руку с моего плеча шеф.

— Гнать не надо. И разрешать не надо... мерзавцем быть.

Я закинул неразлучную потрепанную сумку за плечо, направился было к автобусу. Отар Георгиевич потоптался на месте, хриловато крикнул вдогонку:

— Может, останешься и сегодня? Цемент надо в хранилище засыпать...

Цемент с машины сбросили прямо на землю, метрах в двух от двери. Куча была внушительной, почти вровень с плоской крышей сарайчика, важно именуемого «хранилищем».

Ни спецовки, ни другого рабочего одеяния в сарайчике не оказалось, и пришлось раздеться почти до гола, благо вокруг уже никого не было.

Широкая лопата, специально для этого дела сбита из фанеры, все время норовила перевернуться, и двухметровый путь от цементного айсберга до двери, за которой я должен был укрыть его от ветра и дождя, быстренько усеялся толстым слоем серой пыли, от чего, к тому же, страшно першило в горле и все время хотелось пить. Колонка была рядом, но пить я боялся. Мне почему-то казалось, что цемент, залетая в горло, может превратиться там в бетон и закупорить все мои входы и выходы.

Часа два ушло на то, чтоб перепробовать разные варианты — я разыскал пожарные ведра, но от них все мышцы затрещали, и в конце концов я стал волочить наполненные до краев ведра по земле, от чего пыль за клубилась так, словно целая толпа всадников ринулась в романтическую даль; обнаружив большой лист фанеры, я сделал из него волокушу — привязал к углу веревку, набросал жирную горку неубывающего цемента, впрягся, подобно дореволюционному бурлаку, известному из учебника «Родная речь», и, матеря сквозь зубы все преддипломные практики на свете, потащил сизифов груз к своей Голгофе. Дело пошло быстрее, но после третьего рейса пришлось влезть в сарай и перекидать образовавшуюся у порога кучу подальше вовнутрь.

А внутри от этого... Данте, наверное, это и имел в виду, описывая все прелести Ада. Иначе, если плотный свинцовый туман, жадно пожирающий и свет, и звуки, и чувства, туман, в котором ты, яростно и безнадежно, мечешься насквозь пробальзамированным призраком, не преисподняя, тогда что же, в таком случае, настоящий ад?!

Дышать я уже не мог. Обе половинки моих лег-

ких превратились в два кирпичика, которые со стеклянно-прощальным звоном ударялись друг о друга при каждом вдохе.

Отбросив лопату, шатаюсь и отплевываясь, я попытался было найти в непролазной мгле дверь на волю, если она еще существовала, и вдруг...

Вдруг совсем рядом прозвучал живой девичий смех! Я даже вздрогнул. Боже!.. Неужели где-то еще смеются?!

Вытянув перед собой руки, как брейгелевский слепец, я двинулся на этот смех, который, не стихая, звенел для меня маяком.

У колонки, щедро извергающей фонтан ледяной воды, резвилась стройная, с разметавшимися по плечам и груди легкими, черными как агат волосами девушка. Уходящее на покой солнце замерло вместе со мной на миг, капельки разлетающейся воды, расхватав преломленные краски лучей, заблестели вокруг ее волос радужным нимбом, пронизанным переливающимся огнем алмазных осколков.

Со смехом она наполняла ладони алмазными капельками и щедрым жестом осыпала ими стоящего невдалеке высокого, плечистого парня.

Он не отворачивался, не укрывал лицо. Стоял не шевелясь, не мигая.

Смотрел, смотрел на нее, холодный алмаз стекал с его бровей и губ на шею. А девушка все смеялась и смеялась его покорности, смеялась так долго, что солнце свернулось, сникло в мгновение, нимб погас, сразу стало холодно.

Девушка не заметила этого. В неутомном азарте схватила валяющийся рядом шланг, укрепила его на металлический конец, из которого бил фонтан, и стала поливать парня из шланга.

— Ну!.. Скажи!.. Скажи что-нибудь! — кричала она, смеясь.

Что-то почувствовав, резко обернулась. Увидев мой таинственный абрис на фоне клубящегося провала двери в преисподнюю, она застыла с открытым ртом. Стараясь не напугать ее еще больше, я тоже не шевелился и не мигал, хотя сильная струя из шланга была направлена теперь на меня.

Истосковавшийся цемент, дождавшись, наконец,

Влаги, стал так жадно всасывать ее, что жидкий раствор тут же неудержимо заструился по всему моему голому телу, и я стал явственно ощущать, что с головы до ног, едва прикрытых новыми, только вчера купленными у спекулянтки носками, покрываюсь шершавой, твердой кожурой. Мелькнула дикая мысль: до утра стану бетонным, превращусь в памятник. Я даже чуть не расхохотался, представив лица коллег, когда они придут сюда завтра!..

Хохот не получился — губы не растягивались, да и выдержка была необходима. Хохот призрака доконал бы девушку.

Я узнал ее.

Девушку звали Мери. Училась она в театральном, на актерском факультете.

В новогоднюю ночь ее группа давала в нашем актовом зале шефский концерт, переросший затем в веселый бал.

И на концерте, и на балу она выделялась не только красотой и какой-то особой, присущей истинно грузинской женщине, пленительностью, но и той необъяснимой свободой, которая вроде и делает подобную женщину доступной любому — не ленись руку протянуть! — и в то же время превращает ее в неуловимый и сковывающий тебя мираж, не позволяющий ненасытной руке даже шевельнуться.

Когда ее выбрали Королевой бала, все восприняли это, как само собой разумеющееся. И корона Королевы божественно шла ей, и я в который раз поверил всем сказочникам на свете, утверждающим, что королевы и принцессы обязательно должны быть такими вот прекрасными!.. Говорю же — мне в жизни везет... Не всем ведь доводится встретить на новогоднем балу настоящую королеву, которую описывали и Грин, и Андерсен...

Везет же! Снова она рядом, Королева — в короне из алмазных капель... и снова бал... и принц рядом с ней, как положено... и я... в роли призрака... Только вместо бального танца — эта безжалостная вода, смывающая с меня дьявольскую униформу и представляющая всему балу мое истинное лицо...

Разглядев его, Мери вернулась из сказки, отбросила шланг и, снова засмеявшись, крикнула:

— Ой, извините! Я не хотела!

Схватив принца за руку, она потащила его за собой со двора, продолжая смеяться и оборачиваться на меня.

«Принц» оказался сыном Отара Георгиевича. Он тоже учился в Тбилиси. Кажется, на врача. О его любви к Королеве знали все и все ждали логического завершения их романа. Но главный бал в их совместной жизни так и не состоялся.

Едва окончив институт, Мери вдруг вышла замуж совсем за другого, не за врача и не за актера. За солидного и серьезного дядю, который никогда не позволил бы обливать себя каплями из нашего фонтана... даже алмазными.

Венчались они в Светицховели.

Горели свечи... Их было много-много...

И каждый, зажигающий под пение хора свою свечу, молил Бога о таком же счастье, которое он ниспослал красавице Мери и ее королю, стоящему у амвона с таким видом, будто он и вправду верил во все святое.

Я, не приглашенный, не приписанный к секте избранных, стоял в укромном уголке и сквозь тонюсенький огонек своей свечи смотрел на Мери. Ее лицо расплавлялось в дымке, теперь уже навсегда становясь миражом.

Кто-то подошел сзади, протянул новую свечу к догорающим, разжег ее. Укрепив у иконы, еле слышно прошептал вместо молитвы: — «Ты венчалась этой ночью, Мери, злобный рок с другим тебя венчал!..»

Не знаю, кто это был. Возможно, сын шефа, или кто другой. Я не оглянулся. Нельзя было... Может, человек впервые признавался себе в чем-то...

Мери так и не вышла ни разу на сцену. Не появилась и на экране.

Устраиваясь на работу в киностудию, я зашел в Министерство культуры и увидел ее в приемной одного из заместителей министра. Она что-то привычно печатала на машинке, все такая же красивая, но уже обыкновенная, чем-то похожая на свернутое, сникшее солнце, от которого гаснут нимбы...

...Вскоре меня призвали в армию.

Служил я под Семипалатинском, в местах, где зимой стояли такие морозы, что в карауле вместо двух часов на посту более получаса не выстоять, кожа ладоней оставалась на раскаленном добела металле автомата, а летом от жары мозги разбухали, охотно вскипая при первом же появлении солнца, и глаза лезли из орбит. Частые пыльные бури, против которых цементная буря в мцхетском сарайчике казалась теперь детской игрой, срывали желтый песок в танцующие смерчи, и острые песчинки набивались в рот, в нос, в уши, за воротничок, впивались в вылупленные глаза, в кожу, от чего постоянно хотелось чесаться, а хруст на зубах стоял такой, будто не взвод солдат идет по своим делам, а солидный отряд доисторических ящеров дружно клацает челюстями в поисках жертвы...

«Отклацав» таким образом целых три года, я вернулся в Телави, в спокойный мамин дом, чтоб немного очухаться, осмотреться, обдумать, как жить дальше.

На осмотр ушло недели две.

Совсем рядом с Телави я отыскал необычное учреждение.

Если ехать к монастырю Алаверди, то на окраине села Руиспири, справа от шоссе, нельзя не заметить огороженный высоким сплошным забором миниатюрный городок. С домами, деревьями, осветительными столбами, контрольно-пропускным пунктом, с бассейном для плавания, с футбольным стадиончиком...

В центре, на каменном двухэтажном доме, — огромная, установленная на ребро тарелка.

Она непрерывно вращается, оглядывая небо, и нетрудно догадаться, что это — радар.

Особенно активно радар начинает раскручиваться, если на небе появляется хоть одна тучка.

Сонный городок мгновенно оживает, динамики простуженно разносят до горизонта команды, начинается деловая суэта.

Все как один — и начальники, и уборщицы, и дежурные инженеры с техниками и связистами, и даже дежурные милиционеры в охранной будке, — все как один начинают смотреть в небо, гадая, чего ждать от

заблудшей в долину тучки — простого дождика или злого града...

И не дай Бог, если решится, что град **возможен!** Сразу такое начинается!.. Почтище, чем на Байконуре в день запуска!

Не одна, а сразу с десятков ракет, отбросив все приличия, с громовым ревом впиваются в тучу, разрывая ее на части, словно свора голодных собак, переваривая все ее внутренности, расплавляя все пылинки, готовые стать градинками, и в конце концов обессиленные и опустошенные ракеты, подобно камикадзе, взрываются, чтобы не свалиться на голову кому-нибудь из следящих за ними с земли.

Как я узнал позднее, самое дорогое в подобных ракетах именно самовзрывающееся устройство. Но государство идет на эти затраты, потому что если ракета свалится все же кому-нибудь на голову, то через Госстрах это удовольствие обойдется ему еще дороже. Была парочка случаев...

Однажды, — тогда еще ракеты не взрывались, а срабатывала специальная система, выбрасывающая большой прочный парашют, и остаток ракеты плавно опускался на чей-нибудь огородик к великой радости сельчан, ибо парашютный шелк тогда вошел в местную моду, и большинство детей окрестных сел ходили в симпатичных оранжевых костюмчиках, сшитых из парашютов, — так вот, однажды парашют не раскрылся, ракета грохнулась с поэтической выси на крышу невинного рядового колхозника. Особого вреда этот случай семье не принес (треснуло несколько черепиц да перегородка между этажами чуть-чуть расщепилась). Колхозник, сообщив начальникам учреждения о случившемся, тут же добавил, что претензий он не имеет, так как понимает, что ракеты охраняют от неугодного града и его виноградник.

Все правильно, конечно, но об этом происшествии узнал и его тесть, отец жены, значит. Тесть оказался человеком иной закалки и опыта, он примчался с неменьшим ревом, чем уходящая в тучу ракета, и немедленно потребовал возмещения причиненного ущерба. Начальство вынуждено было: отремонтировать крышу, то есть заменить всю черепицу, которая не заменялась с начала века; заменить перегородки между

этажами вплоть до подвала, да и потрескавшийся подвальный пол заодно; отремонтировать телевизор, который, хотя и давно уже ничего не показывал, но зато говорил, а после падения ракеты и говорить перестал; закупить дюжину кувшинов для разлива вина, потому что любимый кувшин тестя оказался с отбитым горлышком.

Когда все было исполнено, тесть позвонил еще раз и уже гораздо миролюбивее высказал последнее требование — прислать зятю мешка два кукурузной муки, так как припасы у него к тому времени кончились...

...Итак, в «Службу борьбы с градом» меня приняли без особых проволочек. Еще бы! Биография была безупречной. Золотая медаль в школе, диплом, пусть всего лишь средне-технический, и свеженькая армейская выправка подействовали на отдел кадров неотразимо.

Меня тоже многое устраивало в новой службе.

И зарплата была нормальной, и с ракетами было интересно повозиться, и место, где расположена «Служба борьбы», прекрасное — в самой сердцевине Алазанской долины. Но главное, конечно, люди. Молодые, азартные, начитанные, они привлекли меня своей общительностью, деликатностью, стремлением к совершенствованию, и я не жалею о тех четырех годах, которые провел рядом с ними, учась делиться и бессонными ночами, и радостью, и болью, и куском хлеба. Все это умение пригодилось мне потом, в киношных путях-дорогах, где без всего этого ты не жилец... И еще одно немаловажное обстоятельство. Несмотря на сложный режим, свободного времени у каждого было достаточно. Сутки на дежурство, — двое суток — на отдых. Это мне нравилось особенно. Ведь я решил готовиться в институт...

Для поступления на режиссерский факультет требовалось пройти творческий конкурс. Но и до конкурса надо было отослать в институт несколько письменных работ. Рассказ, рецензию, маленький сценарий...

Я написал новеллу, в которой главным действующим лицом был мой педагог «Япончик». В рецензии восхищался фильмом «Мужчина и женщина», который пронесся тогда по экранам и который я смотрел раз во-

семь. Сценарий долго не получался, и наконец я сообразил — взял и нагло переписал из задрюпанной книжки старинную китайскую сказку и назвал это «сочинение» сценарием для мультипликационного фильма.

Неожиданно мои произведения пришлись по душе приемной комиссии, и меня вызвали на очную ставку.

...Боже! Сколько раз я видел во сне эту вот тяжелую коричневую дверь ВГИКа, которая сейчас никак не хотела отворяться, потому что от волнения я, оказывается, толкал ее не в ту сторону. Помог подошедший мужчина, доброе лицо которого с умными, много повидавшими глазами показалось мне страшно знакомым.

Легонько прикоснувшись ладонью к моему плечу, он сдвинул меня в сторонку и широким жестом распахнул неподатливую дверь, произнеся тихим голосом:

— Смелее, мой друг, смелее...

Голос, часто звучащий с экрана телевизора, напомнил мне его имя.

Это был Алексей Каплер.

Кино, удивительное кино, щедро ко мне на такие, вот, пусть мимолетные, встречи с живыми легендами, с людьми, чья жизнь и творчество казались мне издавна жизнью и творчеством полубогов.

«Смелее...»

Этот наказ я постоянно слышу в себе с тех пор, и распахнувшуюся вдруг передо мной дверь вижу, когда начинаю новое дело, когда срываюсь, проигрываю, встаю, споткнувшись на большой и пыльной дороге, толкаю дверь не в ту сторону, плыву, догоняя ушедшие без меня волны, поднимаюсь на сцену в день премьеры... Я всегда слышу в себе посеянное добрым человеком с умными глазами слово: «Смелее!..»

И когда я, так и не став ни режиссером, ни актером, окончив звукооператорский факультет в Ленинграде и уже полюбив трудную и фантастически интересную эту профессию, зашел в кабинет только-только назначенного директором киностудии «Грузияфильм» Резо Чхеидзе с робкой просьбой дать мне для самостоятельного озвучания хоть какой-нибудь, крошечный, самый заваливающийся фильм, он, строго взгля-

нув на меня, резко качнул головой: «Нет!.. Завалящихся фильмов у нас нет!..» — и тут же добавил:

— Смелее надо за дело браться. Зачем тебе крошечный фильм?.. Ты же институт окончил. Сколько людей тебя учило... В Японии как учат младенцев плавать? Бросают в воду, пусть сами выплывают. Вот и ты... Пойдешь на «Дата Туташхиа». Семь серий. Достаточно времени будет, чтоб научиться плавать. Ну, а если не выплывешь — пеняй на себя. Никаких фильмов больше не будет. Я краснеть за тебя не собираюсь.

Я чуть не задохнулся от такого предложения. И, естественно, никого не мог заставить краснеть за себя. Выплыл... И сразу после «Дата...» Резо Чхеидзе позвал к себе, на фильм «Твой сын, земля...». А потом и на «Дон Кихота»...

...Режиссер из меня не получился на первом же собеседовании. Предварительный отбор проводили две женщины. Та, которая командовала больше, была дородной, властной, с безжалостными серыми глазами, которые сразу видели, кто ты в душе — режиссер или все остальное, что неинтересно, серо...

Вызывали нас по два человека. В паре со мной был худенький паренек в очках. Приехал откуда-то с Урала. Его допрашивала вторая женщина, не такая видная и тоном потише. Она ласково спросила моего конкурента, что больше всего поразило его в Москве. Конкурент потупил взгляд, затем произнес:

— Церковь на Арбате... Стоит себе, маленькая... а вокруг высокие дома. Если снять ее снизу — дома будут еще выше... Если снять сверху — церковь окажется еще ниже. Я нашел одну точку. С нее все наоборот — церквушка кажется высоко-высоко, а дома — низко-низко...

«Надо же!.. — удивился я про себя. — Как это он разглядел?..»

Смотрю — женщинам ответ понравился. Думаю, что же мне им ответить?.. Может, про пакеты рассказать?.. И про тучи, в которых град в дождик переплавляется?.. Интересно это, но не в Москве же с градом борются. А тут про Москву в основном спрашивают... Отвернулся я к окну, высматриваю что-нибудь интересное, про что рассказать можно...

Пареньку картинку в это время протянули. Краешком глаза смотрю — «Девятый вал» Айвазовского. А он, грустно так, отвечает:

— Это «Революционный этюд»... Шопена...

Ответ еще больше разволновал женщин. Они суетливо стали записывать что-то в свои анкеты, разложенные перед ними, и в волнении забыли спросить меня про Москву, а сразу подкинули картинку для отгадывания.

На картинке — женщина обнаженная, и рядом негритенок. Женщину я сразу вспомнил. «Даная»... Но тут же смекнул, что в лоб называть на подобном собеседовании ничего нельзя. Взял и выпалил:

— «Пышка» это... Мопассана...

В комнате почему-то наступила гробовая тишина. Даже конкурент застыл. Смотрит на меня, будто я опять в роли цементного призрака.

Потрясение продолжалось еще несколько мгновений, затем ледяным тоном мне было объявлено, что я свободен.

Конкурент догнал меня в конце коридора, в котором я прогуливался в первый и последний раз, рассматривая висящие на стенах фотографии корифеев, рядом с которыми моей фотографии висеть, по всей видимости, было не суждено...

— Слушай... — доверительно обнял меня за плечи паренек. — Ты... это самое... специально, что ль?

— Не понял... — и вправду не понял я.

— Ну... про «Пышку»?

— А что? Не похоже, разве?

Почему-то оглянувшись на всякий случай, паренек отвел меня в сторонку. Поправив большие очки, тихонько просветил:

— Марью Николаевну, ну, ту... командует которая, так и зовут здесь... мопассановской Пышкой. Не знал, что ль?

Надо же! Из всей мировой литературы... такое совпадение!..

— Ты в первый раз здесь, что ль? — склонился надо мной бывший конкурент. — Прямо без разведки?.. Я третий год... Уже как родственник, все про всех знаю. Та, вторая, бывшая пианистка. Поэтому я и упомянул Шопена...

— А если б тебе моя картинка попалась?

— Все равно сказал бы, что это Шопен.

— Ясно...

Я пошел к лестнице, на ходу вспомнил:

— Покажи мне ту точку, а?

— Какую? — опешил паренек.

— Ну ту, на Арбате. С которой все наоборот...

— А-а... — улыбнулся пришелец с Урала. — Да это не на Арбате... Это у нас там, дома... Место одно... нашел я...

Счастливым... Уже что-то нашел...

...Дома нетерпеливо ожидающим родственникам я объяснил, что съездил зря, что в тот год принимали только тех, кто умеет играть Шопена. Мама расплакалась, виня тяжкую судьбу, которая не позволила мне вовремя заниматься музыкой, как и положено нормальным детям.

Телавский друг, отмечая день рождения, устроил вечеринку, на которой я и познакомился с Мананой.

Оказалось, что многие в той компании никогда не видели, как летят ракеты в градовую тучу, и я пообещал свозить желающих в «Службу» на экскурсию.

А еще через неделю подвернулся удобный случай. Я съездил в Тбилиси за планшетами и, возвращаясь в Руиспири, заехал по дороге за друзьями.

...Дождь нагнал нас, едва мы выехали из города. Тут же сверкнула молния, крупные капли ее слез захлопали по брезентовой крыше моего «газика». Отметились — и растаяли на время...

Стемнело быстро, хотя вечер только начинался.

Я подкатил к воротам, посигналил.

Из охранной будки неторопливо появился милиционер с сержантскими погонами. Присмотревшись, он приветственно поднял руку.

— Ва, Гарри!.. Где ты пропадаешь? Свадьба у нас!

— Вот и спешу, Мито-джан! — улыбнулся я.

— В самый раз поспел, — кивнул милиционер и охотно добавил. — Молодые уже здесь.

— Расписались?

— Расписались, куда денутся! — добродушно отвечает Мито.

— Тогда вот тебе за добрую весть... — протягиваю ему блок сигарет.

— Вах, шен генацвале! — обрадовался Мито. — Как раз все курево кончилось! Только зачем мне столько?

— Ничего, не скиснет... — подмигиваю ему и въезжаю во двор.

Манана, сидящая рядом, повернулась ко мне:

— Неудобно как-то. У людей свадьба, а мы... без приглашения...

— Тс-с-с... Спокойно. У нас приглашения не в моде.

Радар нервно дергался на своей крыше, словно, грызающаяся собака. Дорога повела нас мимо него, мимо бассейна, мимо длинного деревянного дома, над дверью которого лампой освещалась вывеска «Хаши-экспресс», и уперлась в финский домик, окна и двери которого были распахнуты настежь, и из них слышался оживленный говор и смех.

На лестнице в четыре ступеньки сидят по-праздничному нарядные девушка и парень.

Юноша негромко перебирает струны гитары. Девушка, задумавшись, приникла к его плечу, слушает песню. Так увлеклись этим делом, что даже не заметили нас.

Я заглушил мотор, осторожно позвал:

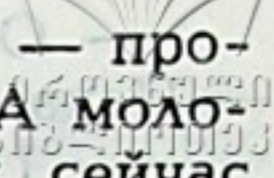
— Эй, молодожены!.. Гостей принимаете?

Невеста легко вскочила, спрыгнула со ступеньки, подбежала к машине, обняла меня, поцеловала. Жених тоже подошел, я обнял их обоих, на мгновение прижал к себе, затем легонько оттолкнул, взмахом ладони отдалил от себя. «Еще дальше... еще!» — продолжаю махать ладонью и, когда они, удивленно переглядываясь, отошли шагов на пять, разом включаю все фары. Яркий свет заставил их зажмуриться, парень невольно прижал девушку к себе, как бы защищая...

— Стоп!.. — кричу им. — Не двигайтесь!

Они покорно застыли, а я уткнулся подбородком в руль и долго смотрел на них.

— Такой красивой пары я еще не видел... — провозгласил я и с сожалением выключил свет. А молодожены продолжали стоять, обнявшись. Им сейчас все равно — свет или темнота вокруг них. Манана снова повернулась ко мне, хочет что-то спросить, но я подношу палец к губам: «Тс-с-с...». Я ведь не завершил ритуал.

Из-под сидения достаю небольшой рюкзак. Бесшумно, чтоб не испугнуть прильнувших друг к другу жениха и невесту, выхожу из машины, кладу рюкзак у их ног. Даю рукой знак друзьям: «Пошли...».

Манана и ребята так же бесшумно спрыгивают с машины, идут за мной.

Поднимаемся по лестнице, на последней ступеньке Манана задерживается. Не вытерпела, оглянулась на молодоженов.

А те заметили, наконец, рюкзак у их ног. Невеста присела на корточки, развязала рюкзак, сунула туда руку. Сперва нащупала бутылку шампанского, поставила ее на траву. Затем достала два больших бокала. Поставила их рядом с бутылкой. Достает с улыбкой главный подарок — две куклы, взявшиеся за руки. Одна кукла в белой фате невесты, другая — очень похожа на жениха.

Парень тоже опускается на корточки, рассматривает куклы.

Девушка осторожно, как маленьких человечков, ставит кукол на землю, те не падают, стоят.

Парень замечает на спине своего двойника кнопку. Нажимает ее, и вдруг кукла четко и громко произносит:

— Люблю!.. Люблю!.. Люблю!..

Смех девушки смешивается с этим признанием и свежим приливом вновь начавшегося дождя. Жених растерянно крутит куклу, пытаюсь остановить ее, но кукла не сдается, кричит во весь голос, и другая кукла с удовольствием слушает, счастливо распахнув огромные глаза...

— Люблю-ю-ю!.. — разносится по двору, перекрывая гром и молнии.

— Она теперь не замолчит... — поясняю Манане.
 — Пока батарейка не сядет.

— Только зачем так громко? — качнула головой Манана. — Об этом же нельзя так... громко.

Я оглядываюсь на усевшихся прямо в мокрую траву влюбленных молодоженов.

— Кто их слышит сейчас? — усмехаюсь. — А впрочем, вы правы...

Подхожу к куклам, подкручиваю пальцем секретное колесико, кукла-жених сбавляет тон. «Люблю...» — кричит она шепотом. — «Люблю...»

1990 год

Гага НИЖАРАДЗЕ

МЫ — ГРУЗИНЫ

(ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ
НЕКОТОРЫХ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
АСПЕКТОВ ГРУЗИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ)

Общество, не способное сочетать верность собственным символам со свободой ревизии этих символов, непременно гибнет — либо от анархии, либо в результате медленной атрофии жизни, задушенной бесполезными призраками.

Алфред Н. Уайтхед.

Культура — живой феномен. Она развивается, видоизменяется, порой медленно, порой быстро. Она эволюционирует. На смену прежним ритуалам, традициям, обычаям, ценностям, нормам поведения приходят новые. Одни меняют содержание или внешний вид, от других остается разве что тень, а некоторые исчезают бесследно. Одним словом, культура зарождается, развивается, меняется и приспособляется к действующим экологическим, экономическим, политическим и любым другим условиям. Если же это не происходит по разным причинам, культура хиреет и рано или поздно окончательно гибнет.

Все вышесказанное справедливо не только по отношению к культуре, но и по отношению к другим эволюционным системам, будь то биологический вид, производственная корпорация, отдельная личность, научная теория, экономическая система и т. д.

Известный американский психолог Э. Эриксон называет культуры «псевдовидами» (по-моему, более точным термином является «квазивид»). Эволюционной точки зрения на культуру придерживается также видный австрийский экономист и социолог Фридрих фон Хайек. Он высказывает весьма примечательную идею: различные социальные структуры, традиции или институты возникают и распространяются не потому, что люди осознают их эффективность или способны предвидеть их благотворное влияние на определенную группу, племя, класс, нацию, нет, просто последователи более эффективных норм сами по себе добиваются больших успехов — улучшается воспроизводство, растет благосостояние, в обществе появляется место для социальных «аутсайдеров» и т. д.

Экономисты и биологи, продолжает Хайек, открыли поразительный факт: порядок, устанавливаемый вне зависимости от чьего-либо замысла (подразумевается человек, а не Всевышний. Это — другой вопрос), часто во много раз превосходит составленный человеком план, он более совершенен, динамичен и жизнеспособен*.

По мнению Хайека, здесь кроется основной порок социализма — это система, созданная рациональным мышлением. А так как человеческое мышление ограничено и в принципе не может объять все возможные моменты, опирающийся на «плановую экономику» реальный социализм в длительной перспективе обречен.

Для иллюстрации вышесказанного можно привести много примеров. Несомненно, что в свое время кровная месть или библейский принцип «око за око» явились весьма эффективными нормами для пресечения агрессивного действия. Но на определенном этапе развития эти правила стали анахронизмом. Преимущество получили те общества, где кровная месть была заменена выкупом, либо другой правовой нормой или традицией.

В XIX веке в Африке во время сильной засухи принесение детей в жертву богу дождя приняло такие масштабы, что несколько многочисленных этносов исчезли с лица земли. Спаслись племена, чьи традиции задабривания безжалостных богов предусматривали другие способы. Одним словом, культура, более приспособленная к существующим условиям или спо-

---

* Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. М., «Новости», 1992, с. 18.

собная быстро адаптироваться к изменившимся условиям, получает преимущество.

Разумеется, вышесказанное не отрицает влияния личности на своеобразие культуры или на ход истории. В истории каждой культуры, этноса, религиозной конфессии имеется множество видных просветителей, законодателей, героев, политиков или ученых, деятельность которых оказала и продолжает оказывать огромное воздействие на общественную жизнь. Вот имена, сразу пришедшие на ум: Моисей, Солон, апостол Павел, Давид Строитель, Лютер, Гутенберг, Петр Первый, Эдисон, Маркс, Сталин, Махатма Ганди, Горбачев (да, именно он) и многие, многие другие. Но дело в том, что и самая гениальная личность не в силах разглядеть более-менее далекое будущее или учесть все действующие в настоящем времени факторы. Поэтому можно сказать, что ни одна политическая, либо социальная программа или религиозная реформа в долгосрочной перспективе (50—100 лет и более) не осуществлялись именно так, как предполагали их вдохновители. С другой стороны, даже незначительные совпадения оказывали огромное влияние в масштабах всего человечества.

Орден францисканцев за короткое время отступил от идеалов своих основателей. В перспективе главным итогом реформации стала не столько замена религиозного сознания, сколько формирование нового отношения к труду, деньгам и развитию капитализма. Попытка реанимации советского режима, предпринятая Горбачевым «перестройка» дали совсем иные результаты и т. д. С другой стороны, принятое под влиянием сиюминутной политической конъюнктуры решение порой способно в течение веков определять лицо культуры, тогда как грандиозные, пусть самые прогрессивные замыслы обречены на забвение. Вспомним фараона Эхнатона, замыслившего и осуществившего великую религиозно-политическую реформу, после смерти которого восстановились прежние порядки... Порох, компас, печатный станок задолго до Европы изобрели китайцы, но эти открытия почти не оказали влияния на китайскую культуру, а вот в Европе сыграли революционную роль.

Таким образом, осознанный план, программы, составленные на основе рационального мышления, и соответствующая деятельность являются лишь одним из факторов развития культуры, как сложной системы. Фактором, который иногда играет решающую роль, но тем не менее всегда преломляется сквозь призму данной культуры, общественного сознания. Только так

он способен оказать на них влияние. (Если вообще повлияет. Здесь простая случайность играет большую роль).

Все вышесказанное, конечно, требует уточнения и вообще более подробного разговора. Мы лишь ограничимся констатацией, что культура может быть рассмотрена как эволюционная система, более или менее хорошо приспособленная к данным условиям.

С этой точки зрения и взглянем на грузинскую культуру.

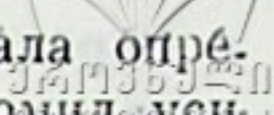
НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Грузию XIV—XIX веков в общем можно рассматривать как зависимую от сильных соседей позднефеодальную страну. В подобном положении находились безусловно многие другие страны. Соответственно в их культурах можно обнаружить немало общего, но и немало специфического — тот «адаптационный механизм», что позволял приспособиться к социально-политическим обстоятельствам. Выявить эти механизмы в виде определенных тенденций можно и в грузинской культуре. Рассмотрим некоторые такие тенденции, которые, на мой взгляд, и в сегодняшней грузинской действительности играют значительную роль, хотя выступают в измененном, трансформированном виде.

В широко понимаемом политическом поведении (подразумевается поведение, направленное на приобретение либо сохранение власти) вырисовывается следующая картина: феодал, дворянин, просто авантюрист, порой претендент на престол проявляют лояльность по отношению к власти, находящейся на отдаленном расстоянии (султан, шах, император и т. д.), но всегда оказывают сопротивление местным правителям. Впрочем, слово лояльность здесь употреблено не совсем точно. Далекая сильная власть воспринимается как данность, против которой воевать с оружием в руках не имеет смысла (а если имеет, то при опеке меньшей силы). Однако эту власть можно использовать — установить хорошие отношения с ее представителями (говоря фигурально, «принося в дар коньяки»), и таким образом укрепив свое положение, бросить силы на борьбу со слабой местной властью, попытаться расширить пространство, подчиненное собственному малому влиянию.

Быть может, это звучит парадоксально, но я убежден,

что подобная модель политического поведения сыграла определенную роль в спасении Грузии: внешний враг громил и разлившийся регион, устанавливая союз с представителями грузинской знати, тем самым эта знать избегала разгрома, выживала в бойне (приблизительно такую же мысль высказывает известный грузинский дипломат и общественный деятель Зураб Авалишвили). Так что постоянная вражда и стремление к марионеточной власти, столь характерные для нашей истории и принесшие столько несчастий Грузии, неожиданно предстают другой своей стороной. Здесь как раз тот случай, когда определенная норма или стиль поведения, совершенно независимо от воли и цели субъектов поведения, приобретают адаптационное значение и обеспечивают, точнее обеспечивали, если не развитие, то сохранение, консервацию культуры.

Описанный стиль политического поведения сам по себе подразумевает развитие определенных психологических свойств: индивидуальной инициативы, компетентности во взаимоотношениях, остроты ума, хитрости, определенного различия между словом и делом, умения «пробивать», «пудрить мозги» и проч. (Фактически адаптационное значение этих свойств подчеркивает Ак. Бакрадзе, когда рассуждает, правда, в другом контексте, о взаимоотношениях грузин с сильными и агрессивными соседями: «Что могло помочь Грузии в этой неравной борьбе, как не ум, проницательность, гибкость и хитрость (Журнал «Критика», 1983 г., № 4, с. 109—134).

С этим же стилем связан характерный для Грузии еще один скрытый ментальный стереотип — за проявление верности легитимной власти должностное лицо ждет определенных и немалых привилегий.

Взаимоотношения с сильными соседями определили еще одну особенность грузинской культуры.

Английский культуролог Виктор Тэрнер показал, что покоренные, угнетенные или имеющие низкий статус социальные либо этнические группы в глазах представителей господствующих групп часто отмечены знаком нравственного доминирования или магической силы (ирландцы в средневековой Европе, цыгане, тибетцы и др.). Этот феномен автор называет «силой слабого». Здесь я не стану вдаваться в подробности (Тэрнер В. «Символ и ритуал», М., 1983, с. 181). Скажу лишь, что исторически и в Грузии выработались элементы «силы слабого». Вспомним, скажем, широко распространенную легенду (ее использовал в «Баши-Ачуки» А. Церетели), что грузинские женщины умеют заклинать оружие врага. Вспомним и то, что

в Передней Азии считалось честью иметь среди предков грузина.

В самой Грузии «сила слабого» выявилась в распространении определенных психологических свойств и стереотипов поведения. Это — чувство преимущества, чести (порой гипертрофированное) в отношениях с чужеземцами и инородцами, желание (порою безграничное) произвести на них впечатление и др.

Еще одна исторически выработанная в Грузии культурная традиция связана с воспитанием ребенка. До XIX века в условиях постоянных беспорядков и нестабильности период детства был весьма короток. Девочка с малых лет включалась в семейную работу и рано выходила замуж. Мальчик же представлял собой особую ценность как будущий воин, защитник родного края. И он достаточно рано выходил из-под опеки матери и приобретал навыки, необходимые для социальной роли мужчины того времени. Наверное, именно реакцией на это являлось старание матери создать для ребенка атмосферу максимальной любви, заботы и комфорта, ее попытка в пределах возможного продлить период детства... И эта традиция теснейшего эмоционального контакта с матерью определила огромный удельный вес материнского начала в грузинской культуре.

Позднее мы вернемся к отмеченным тенденциям и увидим, какую трансформацию претерпели они в изменившихся историко-политических условиях. Сейчас же рассмотрим в контексте грузинской культуры следующие значительные социологические характеризующие начала.

1. ГОРИЗОНТ ВРЕМЕНИ

Одна криминальная история:

В юриспруденции существует понятие «срок давности». Это установленный законом период (довольно солидный), по прошествии которого лицо, совершившее преступление, не может быть судимо. И вот в 50-е годы в США произошел такой случай. Несколько молодых людей ограбили банк и унесли огромную сумму. Похищенные банкноты были одной серии, так что введенная в оборот любая купюра могла легко навести на след грабителей. Но надежда оказалась напрасной, и полиция решила, что деньги вывезены за границу. Однако всего за два месяца до истечения 15-летнего срока давности в одной аптеке случайно обнаружили «нумерованную» купюру. Дело раскры-

лось, и было выяснено, что все это время деньги лежали без движения. Молодые грабители ждали истечения срока давности и, сидя на мешках с деньгами, жили в нужде и бедности. Как говорится, справедливость восторжествовала...

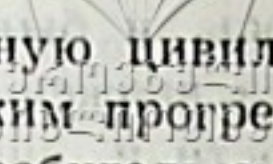
При пересказе данной истории возникает немалый соблазн впасть в дидактику — мол, зло всегда в конце концов наказывается, болезнь жены, из-за чего один грабитель был вынужден пойти на риск и разменять купюру, — кара Божия и т. д. Но в данном случае меня интересует другое — именно черты американского менталитета: полная уверенность в том, что и через 15 лет закон не изменится, а деньги останутся те же (мы бы это назвали наивностью), и главное — у молодого человека, мягко говоря «плохо воспитанного», сидит в крошечном уме планировать далекое будущее — один, два года, пять, пятнадцать лет терпеть нужду в ожидании конечной «награды».

Я намеренно привел «криминальный» пример, ибо эта сфера для нас сегодня особенно близка. Он понадобился для того, чтобы подчеркнуть следующее обстоятельство: культура, национальный или социальный характер отмечают своей печатью практически все сферы поведения человека, включая и криминальную. Поэтому заявлять, что у бандита нет родины, с точки зрения нравственности правильно, но с психологической — нет. Этот бандит может не любить родину, изменять и приносить ей огромный вред, но та среда, где он вырос, оставляет неизгладимый след на его личности.

Оставим возражение, что далеко не все американские преступники поступают подобным образом. Тут интереснее другое — западная культура с детства внушает индивиду, что для достижения цели необходимы значительные усилия, время, преодоление трудностей, стойкое отношение ко временным неудачам, часто выполнение неприятной и надоедливой работы, игнорирование сиюминутных желаний. Одним словом, на первом плане — рациональность и воля. Речь — о стиле жизни, который развивает, насаждает и требует соблюдать основанная на протестантской этике западная культура. А содержание ее может быть любым, цели — совершенно различными, и нравственными и безнравственными, рациональными и иррациональными, включающими власть, богатство (законное и незаконное), карьеру, научные исследования, благотворительность, физическое и духовное совершенствование и т. д.

Разумеется, и такой стиль жизни имеет много отрицательных сторон — проблему отчуждения, дефицит эмоциональных контактов, изгнание аутсайдеров и др. Но нравится нам он или

нет, этот стиль жизни создал современную западную цивилизацию со своими плюсами и минусами, с техническим прогрессом и культом денег, с «хорошей жизнью» и потребительской психологией, наивысшим уровнем профессионализма и индивидуализма, законопослушностью и прагматизмом, культом порядка и чистоты, уважением не только своей, но и чужой собственности, либерализмом и демократией.

Совсем другим является стиль жизни, который условно можно назвать маргинальным (крайним, переходным). Он начинает господствовать в такие периоды, когда по разным причинам нарушается система традиционных ценностей и социальных регуляторов. Сильные «идентификаторы» — религия, идеология, нация, государство, привычная социально-экономическая структура — теряют действенность, а новые не (или еще не) утвердились. В такие периоды в обществе усиливаются волнения, растерянность, агрессия, анархия, возникают и вскоре исчезают экстремистские религиозные или идеологические доктрины и движения и т. д. Можно сказать, что общество, как сложная система, находится в «поисках» новых базовых ценностей, и если данные «поиски» окончатся успешно, культура вступит в стадию стабильности, а зачастую и расцвета. В противном же случае она деградирует или находится в стагнации.

Характерные черты маргинального периода дает нам эпоха разложения традиционного феодализма в Западной Европе.

Начиная с XIII столетия жадность, страсть к наживе охватывает все более широкие слои населения — сперва дворянство и католическое духовенство, затем горожан, позже — целые государства, хотя в разной степени и в разных формах. Вместе с тем стремление к богатству и власти, говоря условно, удовлетворяется «дикими» способами — в основном грабежом и войной. Воля сеньора, рыцаря или простого авантюриста постепенно становится выше традиций, морали, законов. Переродившийся рыцарь, рискуя жизнью, добывает богатство, которое сразу же тратит на пиры и красоток. Экономить деньги бессмысленно, его убьют если не в ближайшей, то в следующей за ней войне. Богатство, в основном, проявляется в роскоши и поэтому тратится быстро, а показателем благосостояния считается обильное питание. В то же время отношение к торговле во всех слоях населения — отрицательное («отношение к торговле было отрицательным везде, где феодализм не отступил» — Ф. Хайек). Хотя в ту пору и торговля, и коммерция носили «дикий» характер, обман, стремление к сию-

минутной выгоде, «мало и дорого» (а не «много и дешево», как стало свойственно следующей эпохе) были обязательными признаками коммерческой деятельности.

Одним словом, человек жил только настоящим. Думать о будущем не имело смысла, этот вопрос вообще не затрагивался. Горизонт времени был узок.

Лишь после того, как для коммерческой деятельности была создана ценностная основа в виде протестантской этики, когда честность, выполнение обещаний и договоров, планирование жизни, воля и подобное стали для коммерсанта как предпринимателя практически обязательными условиями — вот только тогда формируется то, что мы называем «рыночной экономикой», а Хайек «расширенным порядком», то есть — современная западная цивилизация. А главная причина огромной эффективности «расширенного порядка» заключается в том, что в этой системе преследующий свои эгоистические интересы любой индивид невольно служит интересам всего общества.

Короче говоря, Робинзон Крузо побеждает Дон Кихота...

Сказанное не означает, что позднефеодальный жизненный уклад полностью исчез в следующую эпоху. Нет, пережитки данного стиля встречаются даже в самых развитых странах, но их носители — это общественные группы, которые, как правило, ведут или противозаконную деятельность, или принадлежат к социальным аутсайдерам.

Маргинальные периоды переживало любое общество, любая культура, хотя итоги оказывались разными. Как уже отмечалось, за данным периодом следует или новый подъем, или полная деградация и перерождение. Однако в некоторых случаях маргинальный период (хотя и в смягченном виде) становится для той или иной культуры обычным явлением и в определенном смысле приобретает адаптационный характер. Как раз это и случилось в Грузии.

Если с учетом приведенной характеристики маргинального периода мы рассмотрим историю Грузии и сегодняшнее положение нашего общества, то многое обратит на себя внимание. В XIV—XVIII веках фактически не наблюдается более или менее долгого периода стабильности. А когда в течение веков положение по сути не меняется и на место одного врага приходит другой и третий, вырабатываются относящиеся к области культуры ответы существующей социальной среде. Формируются соответствующие ценности, стереотипы поведения (в том числе стереотип приобретения индивидуальной власти, о котором уже шла речь). Стремление жить сегодняшним днем

оправдано и типично. Существование тяжело и скудно. Поэтому краткосрочные периоды спокойствия и изобилия «используются» максимально, дабы не потерять ни одной минуты, несущей плотские наслаждения.

В XIX веке со вступлением в состав Российской империи жизнь значительно изменилась. Перестала существовать опасность опустошительных нашествий, внутри страны установилось сравнительно стабильное положение, из России в страну стали проникать элементы европейской цивилизации. Однако психологическое наследие «маргинально-позднефеодальной» эпохи с трудом уступало позиции. Горизонт времени расширился, но это — в сравнении с прошлым. Началась идеализация эпохи царицы Тамар. Покой и расширившиеся возможности получения «земных услад» оказались настолько желанными, что сохранение политического статус-кво (по отношению к России) серьезно никого не раздражало и не беспокоило, кроме узкого круга интеллектуалов под руководством Ильи Чавчавадзе, не сумевших найти соответствующую социальную базу, на которую они могли опереться. Правда, к концу века и в нашем обществе стали зарождаться признаки ценностей, характерных для новой эпохи. Но их утверждению мешала (и ныне мешает) еще одна грузинская социокультурная традиция, связанная, условно говоря, не со временем, а с пространством.

2. «ПРОСТРАНСТВО ОТВЕТСТВЕННОСТИ»

В этике известно так называемое «золотое правило»: обращайся с другими так, как хочешь, чтобы обращались с тобой другие. Эту максиму в различных видах высказывали многие — она встречается в Новом Завете, народных пословицах, у древних греков и Конфуция и др. Слов нет, последователь этой заповеди безусловно должен считаться высоконравственной личностью, но с психологической точки зрения здесь есть одна весьма интересная деталь — кого считать «другими». Действительно, самому благородному греку не пришло бы на ум, что нравственные нормы распространяются также на раба или варвара. Давшему обет прекрасной даме благородному рыцарю ничего не стоило соблазнить молодую крестьянскую девушку. Раб, варвар, крестьянин, гяур и им подобные никогда не рассматривались, даже чисто формально, как «другие», а фактически как люди.

С самых ранних периодов истории существует деление на «мы» и «они». «Мы» — это та социальная группа (племя, род, нация, класс, религиозное, партийное, возрастное, профессио-

нальное объединение, расовое единство и т. д.), с которой отдельный человек ощущает единство, идентификацию и перед членами которой чувствует определенную ответственность. «они» — это те группы, на которые не распространяются нормы поведения, принятые в группах «мы».

Разумеется, отдельный человек ощущает себя членом нескольких «мы»-групп, из коих одни более важны, чем другие. Наверное, мы не ошибемся, если предположим, что в наше время одними из самых распространенных и одновременно широких пространств идентификации являются нация, государство, языковое единство, хотя намечается и тенденция дальнейшего расширения пространства идентификации (Западная Европа, мир ислама, экуменистическое движение и др.). Вообще, если может идти речь о каком-либо нравственном прогрессе человечества, одним из его проявлений надо считать расширение, хотя бы формальное, ареала «золотого правила».

Одним словом, для каждого человека существует более или менее большая группа — «другие», членом которой он воспринимает «по-своему», распространяет на них нравственные нормы, имеет по отношению к ним определенные права и обязанности и т. д. А крайние случаи, это когда, с одной стороны, человек всех остальных несмотря на родство, национальность и т. п. считает «муравьями» и в лучшем варианте воспринимает их только с точки зрения использования; с другой же, любого человека, будь то папуас или английская королева, преступник или святой, считает своим собратом и соответственно к нему относится (конечно, такие крайние случаи редки).

«Мы»-группы, существующие в данной культуре, их величина, структура, взаимоотношения индивида и других членов группы, двусторонние права, обязанности и ответственность и т. д. представляют важные типологические признаки данной культуры. Повторюсь, в сегодняшних условиях для «среднего» более или менее цивилизованного человека самой широкой «мы»-группой чаще всего является нация.

Взглянем с этой точки зрения на грузинскую культуру. Существование общегрузинского менталитета несомненный факт. Такие реалии, традиции и символы, как застолье, «Витязь в тигровой шкуре», стиль воспитания ребенка, «Дэдаэна», царица Тамар и многое другое — всегрузинское достояние. Родина, Грузия, грузины — это безусловно существующие идентификаторы (то есть символ, понятие, группа, с которыми происходит идентификация). Эти ценности активно утверждались и утверждаются в семье, а также посред-

вом информационной сети, системы образования, художественных произведений и других средств. Однако, как показывают наблюдения, эти высокие ценности зачастую носят декларативный и довольно абстрактный характер. В реальности же, на уровне поведения один грузин другого не всегда воспринимает как равноправного члена «мы»-группы. Существует своего рода «расселина» между словом и делом. В проведенном нами неопубликованном исследовании на прямой вопрос — «любите или не любите Родину?» практически 100% ответило положительно. Но на вопрос — «какие черты хотите воспитать в своих детях?» ответы, которые можно объединить понятием «патриотизм», были найдены лишь в начале второго десятка...

Остается впечатление, что для значительной части грузин понятие «Грузия» в лучшем случае охватывает природу, памятники культуры, привычный образ жизни, но не включает в себя других грузин, как находящихся в таком же отношении к этому понятию единиц. Мои (или моих ближайших родственников) интересы, а зачастую сиюминутные импульсы заведомо стоят выше интересов всех остальных. Я в хорошем настроении, достал оружие и палю в потолок, кому какое дело до этого?! Воровство в принципе надо осуждать, но если близкий мне человек украл, я не пожалею сил, чтобы спасти его от заслуженного наказания; Родину следует защищать, но своего сына в армию не отпущу, пусть другой отпустит, если это так хорошо; мир должен узнать правду о Грузии, но тот, кому поручено это дело, видимо, занят другими, более важными делами...

Серги Данелиа писал: «Сегодня для грузина человек кончается там, где кончается фамилия, то есть группа людей, связанных с ними родственно-дружественными отношениями. Кто не наш родственник, того за человека не считаем. Он — чужак, а любить чужака для нас не обязательно»*. Эти строки написаны в 1927 году, но, как свидетельствуют события последнего времени, положение по сути своей не изменилось. Более того, наметилась тенденция (особенно в среде молодежи) дальнейшего сужения «мы»-групп и превращения их в «я»-группы, то есть в такие, в которых отдельный индивид рассматривает членов группы как исполнителей своих личных интересов и желаний, а свои обязанности по отношению к другим выполняет постольку, поскольку это необходимо для

---

* С. Данелиа. Важа Пшавела и грузинская нация. Тб., 1927, с. 84 (на грузинском языке).

сохранения своего привилегированного положения (о корнях этого явления поговорим в заключительной части статьи).

Разница между типами идентификации «мы» и «я» по отношению к семье хорошо видна из исследования, проведенного в американских колледжах. Выяснилось, что студенты итальянского происхождения учились в достаточной степени хуже, чем евреи, хотя в области интеллекта и одаренности разницы не было. Дополнительный опрос выявил, что студенты-евреи прилежную учебу считали обязательным условием для завоевания и сохранения любви родителей. Итальянцы же были уверены, что родители все равно будут любить их, независимо от академических и профессиональных успехов. Думаю, картина знакомая.

Таким образом, по моему мнению, для значительной части нынешнего, и не только нынешнего грузинского общества характерно весьма узкое «пространство ответственности» (то есть тот круг людей, которых индивид воспринимает в большей или меньшей степени равноправными себе). Пространство ответственности у нас охватывает в основном круг семьи, родственников, друзей, то есть малые группы «мы» и «я». В целом страна, Родина по большей части представляет декларативную, абстрактную ценность и не оказывает значительного влияния на долгосрочное поведение. Хотя следует отметить и то, что безудержное поругание этой ценности (например, во время событий в Абхазии) вызывает определенную реакцию, и отнюдь не слабую, во всем обществе. Но даже спровоцированный национальным оскорблением импульс довольно краткосрочен, обусловлен сиюминутными эмоциями и, как правило, не переходит в организованную, целенаправленную, продолжительную активность. Узость пространства ответственности, отсутствие гражданского сознания определяют атрофию восприятия общественных проблем (будь то экономия энергии, загрязнение окружающей среды, хотя бы регистрация оружия и многое другое, которые касаются всех. В итоге страдает общество в целом и каждый ее член в частности).

Вышесказанное не означает, что «средний» грузин ни во что не ставит всех своих соплеменников. Своеобразие грузинской культуры заключается и в том, что имеющий весьма узкое пространство ответственности индивид тем не менее хорошо себя чувствует именно в грузинской среде. Это заметил Гургам Асатиани: «Поразительно, но грузин как будто более всего враждует с грузином. А без грузина жить не может, ибо

именно с ним жаждет соперничать, помериться ростом, силой»*.

Объяснение этому парадоксу, по моему, следует искать не в своеобразии грузинского характера, а в специфике культуры, культурной среды, которая обуславливает формирование именно такого характера и способствует его распространению. Приобретенное при поддержке групп «мы» или «я» влияние требует показа, демонстрации. Пусть соседи, дальние родственники, односельчане, гости, просто прохожие заметят и оценят, насколько щедр, мужествен, влиятелен, красноречив, богат, ловок «наш парень». И если это вызовет зависть, пусть лопнут от зависти.

Все это определяет типичную картину: богатая деревня застроена чуть ли не дворцами, а «нейтральная территория» — дорога, например, никуда не годится. Или возьмем дворы и подъезды многоэтажных домов, превращенные в свалки мусора. Я уже не говорю об объектах общественного пользования.

В 1904 году в Петербурге издали книгу «Кавказ». Автор ее В. Величко долгое время служил в Грузии. Этот Величко, что называется, — отъявленный империалист, шовинист, стоящий на четко антисемитских и особенно антиармянских позициях. Вместе с тем отношение его к грузинам весьма доброе, хотя и «культуртрегерское». Он называл грузин «братьями» и считал их наиболее надежной опорой Российской империи на Кавказе за исключительную верность и лояльность русскому царю. Тем более заслуживают внимания его соображения об отрицательных сторонах грузинского характера — здесь нет навязчивой антипатии. Величко приводит, по его словам, типичный пример.

Один грузинский князь, проводящий время в кутежах и неге, в духане в драке убил человека. Его сослали в далекую российскую губернию, где он своим трудолюбием и честностью заслужил всеобщую любовь и уважение. Обучил население шелководству и огородничеству, вскоре стал советником губернатора по хозяйственным вопросам. Но достаточно было ему возвратиться на родину, как он вновь окунулся в водоворот прежней жизни и в очередной драке в духане был убит.

Подобных примеров так много, что можно говорить об определенной закономерности. Сколько мы знаем личностей, которые приобрели международное признание и авторитет в

---

* Г. Асатиани. У истоков, Тб., 1982, с. 65 (на грузинском языке).

чужой культурной среде как в области искусства, так и в области политики, но после возвращения на родину стали жертвой «мелких интриг», «столкновения сил», глупой амбициозности. Наверное, не случайно после Георгия Блистательного наша страна не имела ни одного более или менее видного политика, либо общественного деятеля, которому дали бы возможность осуществить позитивную долгосрочную программу, да и была ли она у кого-нибудь из них (кроме Ильи Чавчавадзе)?

Именно культурная среда, система декларированных и реальных ценностей, принятые нормы поведения определяют национальный характер — успеха добивается тот, кто не выходит за пределы данных норм. Как отмечает Эрих Фромм, социальный характер формируется в соответствии с требованиями культуры, а требования культуры не всегда совпадают с объективными требованиями реального бытия. Мошь и жизнеспособность культуры определяются ее динамизмом, или тем, в какой степени и как быстро умеет она в соответствии с изменившимися условиями выработать новые ценности.

Тот же Величко пишет, что жизнь грузинского общества, особенно его высших классов, резко ухудшается. Уклад разрушается из-за рокового противоречия между исторически выработанным характером народа и новыми социально-экономическими условиями. Не так легко изменить образ жизни.

Что бы ни подразумевалось под «новыми социально-экономическими условиями», наблюдение безусловно правильное даже с культурологической точки зрения. У грузинского дворянства с его склонностью к разгулу, с узким временным и пространственным горизонтом, чванливостью, нерасчетливостью, остатками рыцарской чести, инфантильным индивидуализмом не было будущего. Если грузинский народ мог спастись, то только следуя путем, намеченным Ильей Чавчавадзе, — формируя национальное сознание и опираясь на честного труженика. Однако колесо истории закрутилось совсем в иную сторону, и грузинская культура выработала определенную модель приспособления к советскому строю. Звучит, пожалуй, трагикомично, но в основу этой модели легли именно тот инфантильный, позднефеодальный менталитет и те нормы поведения, о которых шла речь выше и которые усвоила значительная часть нации. Грузинская демонстративность, центрирование на «я»- и «мы»-группы и пр. прекрасно подошли к советской реальности, особенно в постсталинский период. Но если во времена царизма экономической и политической опо-

рой подобной поведенческой модели служили в достаточной степени иллюзорные сословные привилегии и быстро разоряющиеся наследственные имения, то в новых обстоятельствах ее залогом стали советская идеология, специфические черты экономики и ресурсы «одной шестой части мира».

Впрочем, все это нуждается в более детальном анализе.

ГРУЗИЯ И СОВЕТСКИЙ РЕЖИМ

Здесь нет места для анализа российской революции и советского режима. Выделю лишь те моменты, которые имеют непосредственное отношение к нашей теме.

Большевистская революция использовала, а после победы возвела в законы общественной жизни характерные для русской культуры тенденции — коллективизм и агрессивный антииндивидуализм, экстазность, резко отрицательное отношение к богатству, традицию сильной государственной власти, мессианиззм и пр. Но все это было сделано под эгидой марксизма, а марксизм, по крайней мере по форме, полностью находится в русле западноевропейского мышления и культурных традиций с их рационализмом, просветительством, протестантской этикой и пр. Те категории, ценности, термины, которыми оперировали марксисты — «производительность труда», «добавочная стоимость», «классовая борьба», «общественный прогресс» и т. д. — были совершенно чужды и непонятны для подавляющего большинства населения Российской империи. Однако быстрое утверждение в обществе этих категорий было той платой, которую требовало узаконивание доведенной до крайности русской социокультурной традиции в качестве единственного правила существования общества. Ясно, что в чужой культурной среде от западных ценностей остались лишь названия, а содержание полностью изменилось. Такие понятия, как демократия, эффективность производства, рентабельность, политическая партия, сервис и многие другие несли совершенно различную содержательную нагрузку на Западе и коммунистическом Востоке.

Вместе с тем, соорудив фасад из западных ценностей, большевизм взял на себя серьезные обязательства перед остальным миром и историей. Ведь советский режим был самым «прогрессивным». Это означало, что в ближайшее время он должен был по всем параметрам опередить «отсталую» Ев-

ропу. Но невозможность этого обусловили, во-первых, принципиальная порочность социалистической экономики и, во-вторых, резкий дефицит культурной традиции, необходимой для рациональной организации любой профессиональной деятельности.

Поэтому очень скоро жертвой идеологических деклараций стала наиболее чуждая советской культурной среде ценность — эффективность производства, играющая в марксистской утопии одну из ведущих ролей. Она была заменена нацеленными на произведение внешнего эффекта суррогатами — гигантскими, но нерентабельными заводами, количественными показателями, манипуляциями цифр, пропагандистской трескотней, банальной ложью о «перевыполнении планов пятилетки», «встречных планах», «социалистическом соревновании» и т. п. Кроме того, в первые советские годы определенную роль играл массовый энтузиазм, обусловленный иллюзией, будто СССР находится в авангарде истории, но он оказался весьма непрочной опорой в качестве гаранта экономической мощи. А экономическую базу советской империи в основном составляли колоссальные природные ресурсы гигантской страны (между прочим, именно истощение якобы неисчерпаемых ресурсов обусловило необходимость «перестройки». Итоги известны, хотя и не до конца).

Из декларации «нахождения в авангарде истории» вытекало еще несколько обязательств. Опять же исходя из марксизма, показателем «прогрессивности» режима был признан рост удельного веса «работников умственного труда». «Поставленная партией задача» была решена чисто советскими методами. Произошел головокружительный рост числа писателей, ученых, вообще лиц с высшим образованием. Причем от «советской интеллигенции» не требовали ни коммерческого успеха, ни высокого качества продукции, а только поддержки и славословия режима. А так как в советских условиях симулировать умственный и творческий труд было значительно легче, чем физический, то предложенные режимом «правила игры» привлекли огромное количество людей, которые с минимальными усилиями и еще меньшей ответственностью могли создать себе сравнительно обеспеченное существование.

Приблизительно так же была «решена» национальная проблема. Официально считалось, что входящие в СССР все народы в равной степени «прогрессивные» и «социалистические» (хотя определенные культурные различия допускались, что находило воплощение в расцвете фольклорных ансамблей). От-

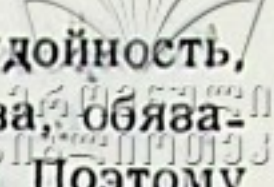

сюда — создание в совершенно неподготовленной культурной среде абсолютно чуждых ей институтов — академий, университетов, индустриальных гигантов, киностудий и т. д. Все это требовало сказочных средств, а служило только лишь престижу. Из тех же обязательств вытекало паритетное распределение званий, чинов, научных степеней. Поэтому защищенная, скажем, в Душанбе диссертация формально приравнивалась к защищенной в Таллинне или Москве, хотя их научные уровни чаще всего были совершенно несравнимы.

В результате этих и подобных процессов СССР превратился в закрытую систему, которая обладала всеми формальными, внешними признаками развитого индустриального государства западного типа, кроме главных — частной собственности и свободного предпринимательства вместе с системой ценностей, существующих в основе этих последних (целерациональность, компетентность, эффективность, профессионализм и т. д.). Все же остальное — промышленность, системы транспорта и связи, всеобщее избирательное право, широкая сеть учебных и научных учреждений, соцобеспечение, здравоохранение и т. д. были налицо. Однако это было не что иное, как игра «в прогресс», игра, вполне серьезно воспринимаемая самими игроками. Заводы регулярно выпускали некачественную продукцию (некоторым исключением являлась военная и космическая индустрия), транспорт и связь не только не облегчали быт, но являлись источником постоянного раздражения и расстройства нервов, уровень образования и науки из года в год понижался, а что из себя представляло советское «всеобщее избирательное право» — хорошо известно. Одним словом, советское государство можно сравнить с автомобилем, точнее броневым автомобилем, очень похожим на настоящий, однако не способным двигаться. Для перемещения с места на место ему требовались лошади.

Вот так весьма схематично может быть охарактеризована та социокультурная среда, в которой вынуждены были существовать объединенные в «братскую семью» нации и народы, и которая требовала адаптации, но адаптации настолько специфической, что для ее характеристики, думаю, полезно провести аналогию с отдельными закономерностями биологической эволюции. В естественных условиях вид более или менее приспособлен к действующим экологическим факторам, что является результатом долгосрочной эволюции. Однако существует еще и искусственный отбор, когда человек с какой-либо утилитарной или декоративной целью выводит новую породу

или сорт, для чего усиливает какое-либо свойство (удойность, вес, окраска и др.). В то же время теряются свойства, обязательные для существования в естественных условиях. Поэтому при возвращении в естественную среду искусственно выведенная порода (сорт) почти обречена. В нашем случае аналогом естественных условий является процесс истории, вида — этнос, искусственных условий — советский режим, а породы — конкретная «социалистическая нация».

На мой взгляд, в Грузии отчетливая модель приспособления к советскому режиму со специфическим менталитетом, нормами поведения, стилем жизни сформировалась раньше, чем у других народов СССР. Это обусловили в основном некоторые исторически сформированные свойства национального характера, но немалую роль сыграло и сравнительно случайное обстоятельство, а именно, грузинское происхождение Сталина.

* * *

Выше уже отмечалась одна из тенденций грузинской культуры по отношению к власти: лояльность к далекой сильной власти и постоянная борьба или соперничество для отвоевания на месте хотя бы малого пространства власти. (В. Величко: «Грузины любят с убеждением выдвигать слово «верноподданный», что означает на кавказском символическом языке исповедание преданности государю, но нежелание подчиняться кавказским властям»). Неудивительно, что при существовании такого ментально-поведенческого стереотипа появление соотечественника в роли дальнего властителя оказало исключительно мощное влияние на грузинское сознание, тем более, что малочисленный слой носителей здоровых национальных воззрений или был уничтожен, или оказался в эмиграции. Этот властитель, обладавший невиданной в истории властью и силой, вполне естественно превратился в символ национальной идентификации (механизм прост: «отец народов» грузин, мы с тобой тоже грузины, то есть и мы отражаем его блеск). К этому добавлялись, так сказать, реверансы извне — флаг над рейхстагом дали водрузить и грузину, во всех советских кинофильмах в числе действующих лиц присутствовали чрезвычайно положительные грузины и т. д. Все это возродило и усилило традиционно характерные для грузинского характера гипертрофированное чувство чести и доминантность, но уже не на индивидуальном, а на коллективном, «мы»-уровне.

Кроме того, поклонение Сталину в Грузии усиливалось еще одним общим механизмом. Я уже делал попытку проана-

лизировать психологические механизмы культа Сталина, которые были приблизительно общи для всех советских народов, однако один из них в Грузии, на мой взгляд, обладал особой силой.

В результате очень интересного анализа мифа об Амირани Григол Робакидзе пришел к выводу, что одним из ведущих свойств грузинской души является «своеволие», и Амირани — именно персонификация этого свойства. Думаю, наблюдение исключительно глубокое. Своеволие, примат собственных желаний над установившимися нормами поведения и правилами и, как следствие, нигилистическое отношение к законности — весьма важная черта грузинского характера. Другими словами, своеволие — реальная и значительная ценность грузинской культуры. Исходя из этого, особо «своевольные» личности в грузинском массовом сознании пользовались и пользуются значительным пиететом, даже если они принесли несчастье множеству людей. В этом следует искать причину той скрытой симпатии, которая проявляется в народных стихах по отношению к изменнику, убийце и насильнику Зурабу Эристави. Этим же частично объясняется феномен культа Сталина: Сталина любили не вопреки тому, что он уничтожил миллионы людей, а именно потому, что он олицетворял свободное от любых ограничений своеволие. Хотя, повторяю, данный весьма инфантильный механизм культа харизматического лидера в большей или меньшей степени был характерен для всего «советского народа», но в Грузии, мне кажется, имел более глубокое, так сказать, архетипное основание.

Таким образом, феномен Сталина и факт грузинского происхождения «отца народов» в грузинском обществе развили, возродили или усилили две важные тенденции — «культ» неограниченной власти, «своеволия», а также чувство индивидуальной и групповой доминантности, что и легло в основу грузинской модели адаптации к советскому строю. Она начала формироваться только после смерти Сталина. В период правления Сталина унификаторские усилия были настолько сильны, что специфические черты культуры, национального характера не формировались как определенная система. Национальная специфика существовала в лучшем случае в виде полускрытых тенденций, потенций, сравнительно второстепенных проявлений. Только после смерти Сталина стало возможным формирование названных систем или моделей. По-моему, раньше всех это произошло в Грузии, толчок же был дан трагедией марта 1956 года.

Итак, Сталин умирает. После кратковременной растерянности и смятения на трон поднимается Хрущев, тот самый, которого «великий вождь» бил по голове трубкой и заставлял плясать вприсядку. Этого было достаточно, чтобы пошатнулся авторитет лидера и режима. Ведь в тоталитарном государстве политическая система полностью отождествляется с лидером, а в Грузии по традиции пост, должность, социальная роль персонифицированы. Поэтому строй у нас любили постольку, поскольку он был связан с именем Сталина (к этому феномену мы еще вернемся).

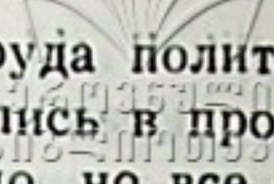
Однако Никита Сергеевич неожиданно показал когти и с шумом сбросил с пьедестала «отца народов». Это обстоятельство чрезвычайно ускорило в Грузии внутреннее отчуждение от официальной советской идеологии и ее ценностей.

Примечательно, что в России массовое сознание изменилось совсем в другом направлении. Там распространилась (даже в среде рафинированной интеллигенции) вера в то, что причиной всех несчастий был персонально Сталин, который «извратил» марксизм, а сам социалистический выбор абсолютно правильный, необходимо лишь восстановить «ленинские нормы». Это указывает, что советский вариант социализма для русских стал важной составной частью национальной идентификации. Частично это и сегодня выглядит так.

Именно мотив защиты символа национальной идентификации обусловил мартовское стихийное выступление. Этот символ оказался достаточно сильным для того, чтобы состоялась первая в советской истории серьезная акция протеста. Однако выступление окончилось страшной трагедией. Система однозначно показала, что любая несанкционированная акция, любая попытка воздействовать на официальную политику или идеологическую сферу заведомо обречены. Этот жестокий урок грузины усвоили хорошо, даже, по-моему, излишне хорошо. Восстановился традиционный грузинский архетип отношения к власти, о котором уже шла речь, — лояльно-индифферентное отношение к далекой сильной власти и с соблюдением предложенных «правил игры», забота о самом себе и узкой «мы»-группе, притом порою с объявлением этой заботы «национальным делом».

«Правила же игры» после смерти Сталина значительно изменились. В первую очередь потому, что репрессивные органы потеряли статус всемогущества, а на вершине власти оказалась номенклатура. Разумеется, органы безопасности сохранили ог-

ромную власть, однако использование рабского труда политзаключенных и «профилактические» репрессии остались в прошлом. Приподнялся и «железный занавес», медленно, но все же рос уровень жизни (в основном за счет жилищного строительства). Самое главное, страх времен Сталина сменился осторожностью. Режим оставил в своей компетенции два столпа системы — идеологию и политику, к которым путь был закрыт. Советскому человеку выдали малый паек свободы — небольшое социальное пространство, в которое государство, как правило, не вторгалось, хотя права на такое вторжение себя не лишало. Гражданин и государство заключили неписаное соглашение: государство непосредственно не вмешивается в личную жизнь гражданина, закрывает глаза на явные нарушения официального законодательства, а гражданин, в свою очередь, не вмешивается в идеологию и политику. Именно это «соглашение» определило существование Советского государства на протяжении трех десятилетий, и именно эти «правила игры» мгновенно усвоили грузины.

С шестидесятых годов за пределами Грузии формируется стереотип грузина — денежный мешок, торговец, спекулянт. Это обстоятельство свидетельствовало о том, о чем шла речь выше, — в Грузии началось формирование системы адаптации к советскому режиму. Развитию так называемой «теневого экономики» в Грузии, кроме процесса отчуждения от официальной идеологии, способствовала важная культурная особенность. Дело в том, что осуществление вышеупомянутого «соглашения» ввиду его законодательной неоформленности было возможно только при помощи неформальных контактов. А мы уже знаем, что именно неформальные «мы»- и «я»-групповые связи (знакомство, родство, соседство и т. д.) имели в грузинской культуре преобладающее значение.

Кому-нибудь может показаться, что формирование теневой экономики означало внедрение каких-то элементов капитализма. Это не так. Советская теневая экономика — порождение советской системы, дефицитной экономики. Теневой экономике чужд главный регулятор рыночной экономики — конкуренция. Соответственно «советский капиталист», или комбинатор, совершенно лишен характерных свойств западного предпринимателя. Весьма знаменательно, что заведомо исключается понятие «честного бизнеса». Ввиду того, что любая коммерческая деятельность являлась незаконной, любой вовлеченный в нее человек уже попадал в категорию «нечестных». А тот, кого официоз относит к такой категории, хотя

бы незаслуженно и искусственно (искусственно, ибо советский режим декретом запретил совершенно естественную сферу человеческой деятельности — коммерцию), в дальнейшем уже значительно легче идет на более серьезные нравственные компромиссы.

Кроме того, прочно укоренившееся в грузинском обществе отрицательное «позднефеодалное» отношение к торговле, вера в то, что «купец» бесспорно лгун и мошенник, сами по себе обусловили привлечение к этой сфере (как государственной, так и «теневой») людей с сомнительной моралью. В грузинской (также и русской) культуре нечестность — неотъемлемый компонент социальной роли торговца. А из социологии известно, что социальная роль сама диктует ее исполнителю нормы поведения.

Как может повернуться язык обвинять человека в том, что он обогащается, потому что предприимчив и умело использует почти намеренно оставленные «слабые места» в абсурдной советской экономике. Несчастье заключалось в том, что подобная деятельность официально считалась незаконной, а неофициально допускалась. Поэтому постепенно утрачивалось всякое уважение к закону, стал господствовать принцип — «если нельзя, но очень хочется, то можно». С другой стороны, общество стало примирительно относиться к иным незаконным действиям, в том числе к явно предосудительным — воровству, взяточничеству и т. п. Неудивительно, что теневая экономика очень скоро расширила сферу действия и вместе с присвоением части государственного богатства начала обирать своих сограждан, братьев. Практически не осталось ни одной области общественной жизни, где бы не пустили глубокие корни коррупция, воровство, мошенничество.

В свое время большевизм уничтожил испытанную веками систему регулирования общественной жизни. Были отвергнуты все (плохие и хорошие, что бы мы ни подразумевали под этими словами) ценности, которые в других обществах дают индивиду возможность достижения высокого общественного статуса (талант, трудолюбие, богатство, происхождение, предприимчивость, физические данные и т. д.). Вместо них утвердилась единственная ценность — недостаточное, но совершенно обязательное условие приобретения социального статуса — лояльность, точнее ее советский вариант. В послесталинский период, с определенным усложнением общественной жизни, параллельно с лояльностью, возникли новые ценности: должность, деньги, круг влиятельных родственников-знакомых. Все это часто пе-

реплеталось, но отличить одно от другого все-таки можно было. Что же касается таланта, трудолюбия, профессионализма, их «цена» по сравнению с предыдущим периодом еще более упала.

Все эти тенденции постепенно, в той или иной степени, охватили весь Советский Союз, но, как уже отмечалось, ранее всего и с максимальной интенсивностью они проявились в Грузии. Постсталинская советская реальность со всей своей иррациональностью и абсурдностью, декларативными обязательствами и неписаными законами оказалась благодатной почвой для расцвета многих тенденций и потенций, свойственных грузинской бытовой культуре. Тут можно назвать гостеприимство, компетентность в личных взаимоотношениях, частая демонстрация чувства достоинства и доминантности, примат «я» над правилом и законом, сильные «мы»-группы, эгоцентризм, стремление к внешним эффектам, отчужденная лояльность к далекой сильной власти и пр.

Здесь следует выделить одно важное обстоятельство. Характерные для грузинского стиля жизни тенденции, о коих шла речь, как известно, представляют собой адаптационные механизмы, выработанные в условиях постоянных войн, беспорядков, неопределенного будущего. И постоянной спутницей их всегда была бедность. Точнее — выработанная в грузинской культуре система адаптационных механизмов и ценностей была экономически беспомощна, лишена благополучия как самостоятельной ценности (в культурах, где существует такая ценность, есть и соответствующее отношение к деньгам, времени или труду). Богатство должно было быть истрачено, причем как можно скорее, ибо завтра его могут отнять внешние или внутренние враги. У нас не выработались нацеленные на сохранение богатства поведенческие и ментальные навыки. Поэтому неудивительно, что когда царская Россия ликвидировала в Грузии внутренние беспорядки, почти все существовавшее «материальное имущество» очень скоро оказалось в руках представителей иных культур.

Но в постсталинский период возникла уникальная ситуация, когда, условно говоря, в условиях позднефеодалного стиля жизни, более того — благодаря этому стилю стало возможным обретение сравнительно стабильного благополучия и солидного (хоть и незаконного) богатства.

Начиная с 60-х годов, через образовавшуюся в «железном занавесе» прореху стала проникать более или менее качественная западная продукция. Появился и предназначенный для

индивидуальных владельцев «цивилизованный» товар советского производства — автомобили, холодильники, мебель, телевизоры и т. д. Выросло жилищное строительство. В Грузии все это вызвало, можно сказать, потребительский бум, что было понятно в условиях внутреннего отчуждения от режима, дефицита сильных общественных идентификаторов и примата неформальных связей. Еще Эрих Фромм отмечал, что потребительская психология особенно сильна в социалистических странах, где господствует дефицит, а этические механизмы регулирования потребления еще не развиты. Система неформальных связей прекрасно работала в советских условиях для всякого рода «добывания», «устройства», получения денег, должностей и привилегий. Выяснилось, что лицо, имеющее знакомого или родственника в любом госучреждении, начиная с продмагазина и кончая министерством и ЦК, заведомо находится в привилегированном положении по сравнению с другими. Но эти «другие» ведь тоже хотят жить! И очень скоро «лекарством» против отсутствия такого знакомого стал универсальный эквивалент — деньги. Итоги не замедлили сказаться — многие слои населения принялись «делать деньги».

Примечательно, что особый гнев среднего гражданина вызывало «рваческое поведение» работников сферы обслуживания — продавцов, таксистов, официантов, а также торгующих на рынке крестьян, так как контакт с ними был ежедневным. Никто не думал о том, что люди этой категории только посредством денег (а не при помощи знакомых или должностей) могут лечиться, освобождать сыновей от призыва в армию, общаться с правоохранительными органами, покупать автомобили и т. д.

В конечном итоге наиболее притесненным оказался честный трудящийся, человек, который не имел ни должности, ни денег, ни влиятельных знакомых (или считал ниже своего достоинства обращаться к ним), который пытался содержать себя своим трудом, но оказался в нижней части общественной пирамиды. Он стал олицетворением слабости и глупости, и внимание с него «оброка» со стороны «сильных» превратилось чуть ли не в универсальное правило жизни.

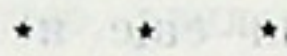
Одним словом, грузинская культура сумела прекрасно приспособиться к поздне тоталитарной советской реальности. Развились и усилились такие тенденции, которые отлично работали в данной социокультурной среде, однако, как показал последовавший вслед за распадом советской империи период, явились мощными препятствующими факторами для возвра-

щения в историю, для существования в образе независимого политико-социально-экономического организма, не говоря уже о либеральной демократии.

В этом отношении большое значение имели и имеют существующие в нашем обществе нормы поведения и специфическое отношение к таким реалиям, как закон, труд, нация, эталоны практической нравственности, профессионализм, воспитание ребенка.

Закон как юридическая категория в Грузии никогда не имел особой ценности. Уже упомянутое грузинское своеволие, а также сильное культурное влияние азиатских деспотий исключали формирование закона как нормы, стоящей выше воли любой личности. Советский же закон, можно сказать, узаконил беззаконие. Писались конституции, кодексы, заключались международные договоры, но все это, в основном, было нацелено на имитацию цивилизованного «лица». Партийные и так называемые силовые структуры стояли выше любого закона. К этому добавилось и неписаное соглашение, о котором речь была выше. Ясно, что в таких условиях излишне говорить о каком-либо правовом сознании, особенно там, где юридические категории вообще в диковинку. Поэтому в грузинской среде отношение к закону приняло специфическую форму: закон — это весьма надоедливая вещь, опираясь на которую, власть пытается ограничить мои личные стремления, интересы, «своеволие». С законом надо считаться не как с таковым, а лишь в той степени, в какой за ним стоят сила, власть. Достаточно этой силе ослабнуть или проявить невнимательность, глупость либо миловать кого-либо, как закон превратится в прах, и ничто не станет поперек «своеволия» (сегодня мы — свидетели этого). С другой стороны, и для представителя правозащитного органа закон сам по себе не представляет ценности. Главное, суметь изловчиться, арестовать нерасторопного нарушителя закона и таким образом послужить своим же интересам (деньги, карьера и т. д.). Основная цель не пресечение преступления, а задержание неудачливого преступника, одним словом, азартная игра.

Вспомним проводившуюся лет десять назад кампанию по использованию в автомобилях ремней безопасности. Водители восприняли ее, как возмутительное посягательство на их свободу в их же собственных машинах, которое открывало новый источник дохода для автоинспекции. Инспекторы, в свою оче-

редь, усердно охотились за «непривязанными» водителями, штрафовали их и отпускали, не привязав. Помню реплику одного инспектора, увидевшего «привязавшегося» шофера: «Что с тобой, пять рублей жалеешь?!» Скоро был найден «компромисс» — увидев инспектора, шофер перебрасывал через грудь ремень, как почетную ленту, а отъехав метров на двести, освобождался от надоевшей «привязи». Затем это правило ушло в прошлое. Но главное, что сама цель его — безопасность водителя и пассажиров — с самого начала никого не интересовала.

Можно сказать, что закон — одна из базовых ценностей цивилизованного мира — пришел к нам в «дважды преломленном» виде. В среде русской культуры он подчинился воле правящего слоя, а уже в Грузии впридачу над ним встал местный регулятор социальной жизни — система неформальных контактов, затем уже — деньги.

Такое «двойное преобразование» испытали многие ценности западного происхождения и общественные институты. Утратило свою основную, сущностную функцию — подготовку квалифицированных специалистов — и высшее учебное заведение. Зато приобрело новые — престиж, освобождение от службы в армии, возможность для студента жить независимо от родителей. Стали обычными такие абсурдные явления, как сдача экзамена по протекции, торговля дипломами, не говоря уже об истерии, связанной с приемными испытаниями. Итоги же таковы: формально Грузия занимает одно из первых мест в мире по процентному показателю дипломированных специалистов, реально же уровень образования и квалификации чрезвычайно низок.

Ясно, что в такой социокультурной среде, где целерациональным трудом и профессионализмом достигалось значительно меньше, чем иным путем, эти ценности были обречены на забвение. Едва не распрощались с профессиональной этикой — ответственностью за собственную продукцию, гордостью за хорошо выполненное дело и т. д. Зато...

Как это всегда происходит, изменения в системе ценностей, появление новых приоритетов нашли отражение в языке. Возникли и прочно заняли место в повседневной речи неизвестные ранее выражения: «пробить», «его человек» и т. п. Эти лингвистические новообразования прекрасно выражают психологические тенденции, лежащие в их основе. Однако, вероятно, наиболее емкое слово, в котором, как в зеркале, отражается настрой и стиль жизни нашего общества — стремление к ин-

дивидуальному благополучию, терпимое отношение к безнравственным поступкам, тяготение к сиюминутным удовольствиям, нигилистическое отношение к труду и учебе и т. д. — это слово «мухлевать».

Когда мы узнаем, что кто-то что-то мухлюет, сразу становится ясно — он не ограничивает себя в выборе приемов и методов. Обратится за помощью к влиятельному знакомому, кому-то «окажет уважение» или ответную услугу, одним словом, в случае необходимости не станет игнорировать несправедливый путь. Однако как быть в стране, где все является дефицитом, где относительно нормальная жизнь невозможна без нарушения закона и притеснения собрата («мухлевать» ведь означает добиваться мошенническим путем). А власть способствует всем этим нарушениям, ибо сама живет по тем же нормам. В такой стране «мухлевание» превращается в правило жизни, и это совершенно понятно, где-то даже оправдано. Но все несчастье в том, что стиль жизни в позднетоталитарную эпоху не претерпел радикального изменения в иной исторической обстановке. По крайней мере, пока... Хотя мы несколько опередили явления.

В начале XIX века Н. Карамзин писал, что выразить происходящее в России следует одним словом — «воруют!». Думаю, если его заменить на «мухлюют», получим картину жизни Грузии 60—80-х годов. Притом мухлевание шло в двух направлениях — в сторону теневой экономики и в сторону структур власти. Именно эти направления привлекали интересы активных, порой весьма одаренных людей. Можно говорить о грузинском комбинаторе и функционере, как о сформировавшихся социальных типах, которые и сегодня в изменившихся условиях не уступают покоренных высот, точнее, не меняют стиль поведения.

В связи с вышесказанным, укажу на один интересный этнопсихологический феномен: культ власти, представляющий главнейший признак тоталитарного режима, принял совершенно различный вид в России и Грузии. Для России должностное лицо представляло, в первую очередь, олицетворение мощи государства и, таким образом, в определенной степени было деиндивидуализировано. В Грузии же, наоборот, должность являлась мерилом умения «мухлевать» для данного конкретного лица. Именно по этому умению оценивался человек, а компетентность, нравственность, ум перемещались на второй план. Подобная иерархия ценностей, социокультурные требования и ожидания, специфика созданной системы формировали и

формируют социальных типов, национальный характер, соответственно меняют пришедшую в эту систему личность. Поэтому в неформальной ситуации, в кругу друзей-родственников самый отпетый функционер или разбойник-комбинатор (разумеется, не все) мог быть обыкновенным человеком, способным на искреннюю любовь и бескорыстное добро.

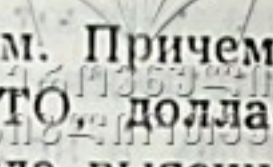
* * *

Выработанный в Грузии «социокультурный ответ» на исключительно специфические «правила игры» позднетоталитарного режима, или грузинская адаптационная модель, оказалась настолько адекватной, что рискну сказать — 60—80-е годы в истории нашей страны можно считать одним из самых беззаботных периодов. Действительно, мир и прожиточный минимум были гарантированы, источники добывания денег — многочисленны, культурная жизнь (в узком понимании слова) была ключом — устраивались фестивали, выставки, конференции, расцвели театр, кино, спорт, улицы были полны улыбающимися, доброжелательными людьми. Приезжие гости клялись солнцем Грузии... Проблемы, конечно, были — коррупция, наркомания, преступность и многие другие, но практически их никто не воспринимал как свойственные грузинской общественности пороки (хотя следует отметить, что и в тот период раздавались отдельные предупреждения. Назову статью А. Бакрадзе «Резкий возглас» и особенно фильм О. Иоселиани «Пастораль»). В лучшем случае все недостатки сваливали на режим, который нес, правда, большую, но не «монопольную» ответственность за существующие изъяны.

В принципе же грузинскому общественному мнению, если о таком можно говорить, была совершенно чужда идея об ином существовании (показательно, что ни у одного грузинского писателя не оказалось написанных для будущего, «отложенных в ящик» произведений, которые было невозможно напечатать в советский период). Речь о независимости заводили, но на уровне абстрактной, далекой мечты. Узость «горизонта времени» и здесь была очевидна.

Но история шла своим путем. Советский режим неожиданно зашатался и где-то вблизи замерцал призрак независимой Грузии. Это вызвало в нашем обществе большой энтузиазм, можно было подумать, что оно только и делало, что боролось за разрушение социалистического лагеря и самостоятельность страны. Хотя наблюдательный человек заметил бы, что идею свободы в Грузии понимали весьма специфически. А именно,

как замену одного, плохого хозяина другим, хорошим. Причем, очень скоро, в два месяца. Ожидались войска НАТО, доллар, дождь, открытие границ, «мерседесы»... Когда выяснилось, что кандидаты на роль нового хозяина особенно не спешат, груз свободы и ответственности с восхищением и благодарностью мы передали личности, у которой хватило наглости и глупости заявить — будьте со мной, а дальше я все сделаю сам. Вскоре выяснилось, что и он ничего не умеет, что минимальное благополучие и безопасность, которые предоставлял нам прежний «хозяин», были платой за свободу, и «освободившись», мы лишились их, свобода, как оказалось, принесла мало хорошего и очень много плохого...

Быть может, кто-нибудь возразит мне, что все было не совсем так, но один факт бесспорен: грузинская политическая и экономическая жизнь, общественное мнение отмечены печатью незрелости, детскости, инфантилизма.

Инфантильность вообще характерна для «хomo советикуса» так же, как и для всякого выросшего в условиях любой тоталитарной системы человека, но в Грузии эта черта приняла весьма специфический вид.

«ЛИНИЯ МАТЕРИ» И «СИНДРОМ РЕБЕНКА-ПОСЛЕДЫША»

В культурной среде сперва Российской империи, а затем советской псевдоцивилизации грузины приобрели отдельные признаки действительно цивилизованных народов. Речь — о падении рождаемости и повышении ценности человеческой жизни. Притом это произошло в совершенно новой для грузинской истории социально-экономической, психологической, политической обстановке — в условиях мира, сравнительной безопасности, благополучия, распространения потребительской психологии. Понятно, что вместе с уменьшением количества детей и ростом материальных возможностей «доля» любви и заботы, приходящаяся на одного ребенка, значительно увеличилась. Но из-за того, что жизнь в стабильной и относительно комфортной среде нам была в диковинку, в грузинской культуре не выработались адекватные такому образу жизни традиции и навыки, в том числе педагогические. Старые, некогда существовавшие, были преданы забвению (например, практика воспитания детей родовитого дворянства в семьях крестьян), а «культуры богатства» у нас не было.

В таких условиях в грузинской семье приобрел приоритет стиль воспитания и взаимоотношений, который можно назвать «линией матери». Сутью «линии матери» являются несомненная любовь, чрезвычайно тесные эмоциональные контакты, всепрощение, принцип — «мой ребенок всегда прав». Что касается «линии отца», она подразумевает выработку чувства справедливости, ответственности, самодисциплины и обязанности, а также осознание принципа — «все имеет свою цену». Разумеется, линию как матери, так и отца могут проводить не обязательно мать или отец, но члены семьи любого пола и возраста или вообще посторонние воспитатели.

В оптимальных условиях вместе с развитием ребенка линия отца постепенно заменяет линию матери, в конечном итоге формируется суверенная личность, свободная от симбиозной прикованности к родителям. Но в действительности дела обстоят значительно сложнее. Культурные традиции играют чрезвычайно важную роль. Психологически анализируя западную культуру, Эрих Фромм отмечает, что в протестантской этике «линия отца» почти полностью изгнала «линию матери», что определяет многие пороки западной цивилизации (одиночество, дефицит эмоциональных контактов и др.). На примере грузинской культуры мы убеждаемся, что противоположная ситуация создает еще более серьезные проблемы.

Вообще следует отметить, что «линия матери» в деле воспитания ребенка в Грузии традиционно была сильной (в начале статьи об этом шла речь). О том же свидетельствует огромная весомость слова и понятия «мать» в грузинском языке, сознании, вообще в культуре.

С другой стороны, об этом же свидетельствуют многие грузинские мужские имена — Бичико, Нукри, Гугули* и другие. В распространении имен такого типа явно выражено неосознанное желание родителей, чтобы их маленький мальчик всегда оставался маленьким, не выросл, был таким же милым и любимым... Данная тенденция понятна — она представляет психологическую адаптацию к социальной среде позднефеодальной Грузии, реакцию на нее, на постоянную тревогу, беспорядки, неопределенное будущее. В это время матерью (или другим воспитателем) движет мощный мотив — с максимальной полнотой использовать возможности тесных взаимоотношений с малолетним ребенком (особенно младшим, по-

---

* Бичико — ласкат. от «бичи» — мальчик, Нукри — олененок, Гугули — кукушка.

следышем), по возможности «растянуть» этот период, выявить всю свою любовь, создать комфорт... Ибо неизбежен и не столь далек тот день, когда сын сразу и навсегда перестанет держаться за подол материнского платья, возьмет в руки оружие и, кто знает, как сложится его судьба, сможет ли он когда-либо вернуться к родному очагу...

Однако исторические условия изменились. Жизни подросткового сына опасность уже не угрожает. Миновала непосредственная, жизненная необходимость овладения воинскими навыками. Мужчина потерял социальную роль защитника родины. Другими словами, все, на что так остро реагировал «период матери», исчезло. В психологии известно, что часто выработанная под воздействием среды реакция в дальнейшем теряет адаптационную функцию (или приобретает другую) и получает самостоятельное значение. Так получилось и в нашем случае. «Линия матери» расширилась, усилилась настолько, что оформилась как образ общекультурного, национального символа. Имею в виду памятник «Мать Грузии». Этот символ — женщина с чашей и мечом — оказался настолько своевременным и органичным, что ни у кого не возник вопрос — где находится и что делает отец?!

В итоге мы получили очень своеобразный феномен. Трудно найти другую страну, где дети так прочно и надолго прикованы к родительской семье, как в Грузии. Переступившая тридцатилетие личность, имеющая собственную семью, экономически и социально все еще зависит от родителей. На их взгляд, сын все еще ребенок, нуждающийся в постоянном уходе и заботе. Для «линии матери», а особенно ее грузинского варианта, характерно именно это — неосознанное желание, чтобы ребенок всегда оставался ребенком — он ведь радость, гордость, неотъемлемая часть лично меня, моей семьи, «мы»-группы. В восприятии родителей их сын (дочь) не является носителем потенции самостоятельной личности. В процессе воспитания и взаимоотношений эмоциональное начало почти полностью подавляет рациональное.

В условиях среды материального благосостояния, низкой рождаемости и относительной стабильности все это проявляется в том, что усилиями родителей в течение десятилетий дети находятся на положении малолетних, их окружают максимальный комфорт и безопасность.

В Прибалтике или, например, в Чечне значительно больше не любили Россию с ее армией, чем в Грузии. Несмотря на это, тенденция освобождения от военной службы у нас при-

няла более широкие масштабы. Объяснение простое: грузины обходили стороной не только Советскую Армию как таковую, но, в основном, некомфортную среду.

В крайних случаях ребенок, юноша, молодой человек обеспечен деньгами, квартирой, автомобилем, протекцией, престижным вузом, хорошей работой, защищен от закона и все это принимает как должное. Для него чуждо уважение к труду, деньгам, личности, не входящей в «я»-группу. На первом месте лишь собственные импульсы и желания. Другими словами, формируется типичный инфантильный эгоцентрик, которого французы именуют «страшным ребенком» («анфан терибл»).

Вот недавний случай. Похитили молодого парня, у родителей потребовали огромный выкуп. Семья стала торговаться, выкуп уменьшили наполовину. Кое-как собрали необходимую сумму и вернули сына... Сын поднял дома жуткий скандал — как, мол, посмели вступить в торг, когда дело меня касалось. В конце концов выяснилось, что «похищение» было инсценировано самим «потерпевшим».

Широкое распространение «линии матери» в грузинской культуре оказало значительное влияние как на индивидуальную, так и коллективную психологию. Выросло уже несколько поколений, для которых основу духовной и социальной жизни главным образом составляют два мотива — индивидуальный комфорт, безопасность и сила, доминантность (хотя бы иллюзорная), то есть своеволие. А неудовлетворение этих потребностей (отрицательное чувство, вызванное неудовлетворением потребностей, устремлений, психологи называют фрустрацией) вызывает агрессию, которая проявляется непосредственно или до определенного момента накапливается скрытно.

Проблема в том, что своеволие и безопасность несовместимы хотя бы потому, что существуют и другие «своевольники». Со временем социальное пространство ребенка выходит за пределы семьи, охватывает двор, ровесников, школу. Выясняется, что для других он вовсе не центр вселенной. А к этому наш ребенок психологически совершенно не готов. На помощь вновь приходит семья — серьезные конфликты улаживаются с помощью родителей. Так что ребенок опять убеждается — что бы ни произошло, существует сила, которая всегда его защитит.

Но позднее, приблизительно в 12—13 лет, в ребенке пробуждается самостоятельная личность. К этому уже не подготовлены родители. Они приумножают заботу в основном в виде

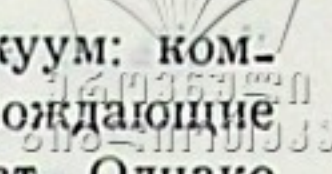
«материального поощрения», что, говоря серьезно, фактически является «взяткой» ребенку за то, чтобы он не отошел от семьи, всегда оставался маленьким. Грузинский тинейджер (13-19-летний подросток-юноша) берет эту «взятку» не колеблясь, даже требует ее, ибо привычен к комфорту и в то же время болезненно переживает собственную «неполноценность», неумение жить самостоятельно. Попытки решить этот конфликт различны, но большинство отмечено печатью инфантилизма. Одна из них — ранний брак и двойное ярмо на шее родителей.

В связи с этим примечателен следующий факт. Количество разводов в Грузии выражено, так сказать, средним числом. Но с точки зрения причин развода на первом месте стоит конфликт с родителями супруги (супруга). Процентный показатель разводов по этой причине несравненно превосходит аналогичные показатели по другим странам. Исходя из вышесказанного, этот феномен понятен: родители считают свое чадо ребенком, частью самих себя (а экономически молодая семья действительно находится в сильной зависимости от родителей). Поэтому невестка или зять воспринимаются в роли «агрессора», покушающегося на твою собственность.

Есть еще одна типичная попытка решения названного конфликта (она характерна в основном для семей, которые из-за экономического положения не могут обеспечить детям комфортную среду и в которых господствует нездоровый психологический дух). Это — почти полный разрыв связи с семьей и поиск индивидуального комфорта (или его суррогатов) собственными силами. Но не путем труда и овладения какой-либо профессией, а именно «мухлеванием», мелким воровством, спекуляцией, а в дальнейшем и более серьезными преступными действиями.

Криминальная тема и по-другому связана с конфликтом между поколениями. С 60-х годов, когда началось формирование грузинской модели адаптации к советскому режиму, одним из главных ее атрибутов стала «двойная мораль». С одной стороны, следовало полностью выполнять выдвинутые режимом ритуальные требования, с другой же, на неформальном уровне жить по совсем иным правилам. Среднее поколение, за малым исключением, легко приспособилось к такой обстановке, тем более, что новые правила игры были истинным благом по сравнению с адом сталинских времен. В среде же тинейджеров сложилась другая ситуация. Для свойственного этому возрасту максималистского сознания оказалась неприемлемой бросающаяся в глаза разница между официальной пропагандой и

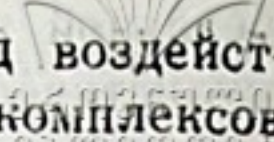

реальной жизнью. Возник настоящий моральный вакуум: коммунистические ценности превратились в прах, сопровождающие «линию матери» моральные нормы вызывали протест. Однако совместное существование людей невозможно без системы моральных норм. Упомянутый вакуум вскоре заполнился — утвердились принципы, заимствованные из морального кодекса уголовного мира, весьма примитивные, понятные и отрицающие как официальную псевдомораль, так и соглашательство старшего поколения. Вот они: побеждает сильный; никакого сотрудничества с государственными структурами, особенно правозащитными органами; нравственные нормы распространяются только лишь на «наш» круг, а остальные (зачастую и родители) имеют в основном «прикладное» значение; наконец, отрицательное отношение к труду стало еще более острым. Ясно, что эти принципы в молодежной среде соблюдались отнюдь не так строго, как в настоящих криминальных кругах. Кроме того, с годами мораль старшего поколения стала занимать господствующее положение. Несмотря на это, «воровское понимание» повлияло не только на грузинскую молодежь, но и на все общество. Результаты влияния стали особенно очевидными после 1990 года.

Знаменательно, что вызванный отчуждением от советской идеологии моральный вакуум, который позже возник и в русской молодежной среде, заполнился там не «воровским пониманием», а армейской моралью. С конца 70-х годов в различных регионах России формируются молодежные банды, для которых характерны твердая возрастная субординация, жесткая дисциплина, обязательная физическая подготовка, склонность к коллективному насилию, что совершенно чуждо центрированной на малые «я»- и «мы»-группы грузинской молодежи. Трудно привести более яркий пример культурной разницы.

Наконец, о наркомании, принявшей в Грузии масштаб пандемии. Это явление сложное, требует комплексного и специального исследования. Здесь коснемся только одного психологического аспекта наркомании, который также является попыткой решить инфантильный конфликт между стремлением к самостоятельности и привычкой жить в комфорте. Создалась целая социальная система, субкультура, которая почти полностью закрыта, недоступна, не поддается влиянию, условно говоря, «культуры взрослых». Вхождение в эту систему, принятие соответствующих норм поведения и стиля жизни создают у молодого человека иллюзию самостоятельности, полноты существования и одновременно дают кажущуюся возмож-

ность временного освобождения от возникших под воздействием «линии матери» типичных психологических комплексов (страх перед реальностью, комплекс неполноценности, агрессивность). «Мухлевание» с целью добыть деньги и наркотики, специфическая манера разговора и жестикуляция, наконец, погружение в эйфорию — все это хорошо выполняет роль самореализации, суррогата сущности жизни. Чрезвычайно тревожно, что приобщение к наркотикам в кругу тинейджеров стало признаком доминантности, самостоятельности, «взрослости». Как свидетельствуют очевидцы, некоторые старшеклассники часто намеренно колят вены обыкновенными булавками, а потом с гордостью демонстрируют сверстникам «почетные» следы уколов. Ничего не говорю о том, что наркомания по модной терминологии является главным фактором «ухудшения криминогенной ситуации»...

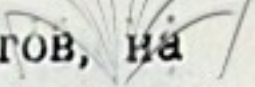
Можно привести множество примеров экспансии «материнской линии» и связанной с ней инфантилизации нашего общества. Именно в последнем десятилетии распространилось странное выражение, которое на русский переводится как «мужской (мужественный) мужчина». Количество «взрослых детей» так выросло, что возникла необходимость в подобной идиоме. Когда вполне взрослый нормальный мужчина говорит другому — в переводе это звучит приблизительно так: «давай будем ласковы друг к другу», здесь явно проявляется неосознанное стремление вернуться под крылышко матери, ведь ласки требует слабое и любимое существо. Скрытая, подсознательная агрессия по отношению к семье, взрослым находит выражение в широком распространении в молодежной среде непристойных идиом (т. н. инвектив).

Компенсацией возникающего под влиянием «линии матери» комплекса неполноценности служат, в основном, любимые «игрушки» нашей молодежи — оружие (сила, безопасность, доминантность) и автомобиль (комфорт, сила, независимость). Пиетет к этим предметам столь огромен, что нет даже жаргонных, уничижительных эквивалентов их названий. Замечательно, что любимая «игрушка» иностранной молодежи — мотоцикл полностью игнорируется в Грузии. На мой взгляд, потому, что мотоцикл не создает чувства безопасности, комфорта.

* * *

В свете сказанного о «линии матери», инфантилизации и пр. взглянем на настрой грузинского общественного сознания,

отдельных течений, официальных и неофициальных кругов, на их реакции на происходящие в последние годы явления, изменение этих реакций. Бурный эмоциональный бунт против режима, жадное, но необдуманное поглощение всего доселе запрещенного, полное, абсолютное игнорирование того, что независимость и свобода связаны с грузом огромной ответственности, неумение осознать эту истину, растерянность, тоска по «хорошей жизни», раздражение против всех и вся, ругань по адресу «старого хозяина» и одновременно ожидание от него помощи, сплошная дезорганизация всего и во всем; поиски «нового хозяина» и чуть ли не надежда на личное вмешательство Богородицы... Все это настолько напоминает сопутствующие явления типичного конфликта между воспитанным под воздействием «линии матери» ребенком и старшим поколением (желание освободиться от старших и вместе с тем неумение самостоятельно жить), что здесь можно говорить не только о внешней аналогии — микросоциальная модель точно повторилась на макросоциальном уровне.

Хочу быть правильно понятым. Стремление к независимости — благородное чувство, иного мнения быть не может. Однако осуществление этого стремления возможно только после выработки соответствующего умения и нахождения адекватных средств. В нашем же случае обстановка была другой. Грузия выработала собственную модель приспособления к советскому режиму. Но это было специализированное приспособление к совершенно уникальным, «неестественным» условиям. Эта модель действовала, когда страна находилась в ранге зависимой политической единицы, когда центральная власть хорошо ли, плохо ли наладила такие важнейшие сферы, как безопасность, правопорядок, хозяйство, энергетика, транспорт и т. д. Именно в такой ситуации можно было жить так, как мы жили. Но когда сеть знакомых-родственников является главным социальным регулятором, когда горизонт времени узок, когда малые группы центрируют, когда не уважаются честь и собственность, когда должность рассматривается как источник привилегий, когда доминирует «линия матери», когда инфантилизация стала всеобщей, тогда построение нормального независимого государства невозможно.

Видный ученый Конрад Лоренц писал, что исследователи рака одной из главных причин образования злокачественных опухолей считают незрелость клеток. Такая клетка растет, не «учитывая» интересов всего организма. Но смертельный рост опухоли возможен только тогда, когда окружающие ткани об-

ращаются с больными клетками, как с равными, и питают их... Человек, у которого не формируются социальные нормы поведения, продолжает оставаться инфантильным и превращается в общественного паразита. Он уверен, что «взрослые» всегда его будут кормить и заботиться о нем...

Очень сильная и страшная метафора. Но существует еще и такой феномен, как умение сложных систем (в их числе относится нация) самоорганизоваться, реадаптироваться. Спонтанное появление на общественной арене носительницы новой, конструктивной этики, энергичной социальной группы может изменить и повернуть к лучшему сегодняшнюю весьма незавидную ситуацию, заслужить поддержку широких масс. Впрочем, пока признаков этого почти нет. Обнадеживающие искры не возгораются в пламя. Дело осложняется тем, что человек с эгоцентрическим сознанием не может представить, что кто-то другой способен мыслить иначе или жить другими ценностями. Поэтому защитника иной мысли, инициатора нового дела он рассматривает как лицемера, который, скрываясь за маской какой-то идеи, борется за собственные эгоистические идеи, или воспринимает его как агрессора, который выступает против него, эгоцентрика... И этот последний изо всех сил старается помешать всему новому.

Будущее покажет, осталось или нет у нации умение преодолеть привычную жизнь, отжившие традиции и выработать адекватный ответ на требования истории...

Автандил МЕНТЕШАШВИЛИ

ЗАКАВКАЗСКИЙ СЕЙМ

(ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ)

Основные политические партии Сейма, исходя из анализа общественно-экономической обстановки в России, весной 1918 года отвергли идеи Октябрьской революции, правильно считая их утопическими. Ведущие позиции в Сейме были у социалистических партий, которые в отличие от большевиков полагали, что в России нет объективных предпосылок для социалистической революции. Образно выражаясь, Н. Жордания отмечал: «Если нет зародыша в утробе, акушер оттуда плода не извлечет». Основные политические партии считали необходимыми демократические преобразования в России с последовательным осуществлением идей Февральской буржуазно-демократической революции. В национальном вопросе — национально-территориальное размежевание Закавказья в составе демократической России.

Большевики, отказавшиеся участвовать в работе Сейма, поддержали Ленина и его Декреты о мире и земле, в национальном вопросе оставаясь на позиции областной автономии для Закавказья. В условиях национально-территориального размежевания в крае под влиянием Национальных Советов и сложной внешнеполитической обстановки этот лозунг звучал архаично и догматически. Он не отвечал потребностям национально-освободительной борьбы и исключал диалектический подход к национальному вопросу. Налицо было игнорирование и недооценка закавказскими большевиками национального вопроса как одного из основных компонентов социальной революции в многонациональном государстве.

Известно, что работа Сейма протекала в сложных внешнеполитических условиях. 5 декабря 1917 года по предложению турецкого командующего Вехиб-паши было заклю-

чено временное перемирие на Кавказском фронте. В декабре — январе между Германией и Советской Россией велись переговоры о заключении мира. Не имея возможности вести войну и оказать сопротивление германскому натиску, советское правительство вынуждено было принять ультиматум Германии и подписать Брест-Литовский договор, который касался и Закавказья. Турция получила Карс, Ардаган, Батуми. Закавказский Сейм отказался признать Брестский договор и предложил Турции начать мирные переговоры. Выступая в Сейме 15 февраля 1918 г., Н. Жордания заявил: «Такой мир, какой подписали большевики, мы не подпишем, и мы считаем, что лучше умереть с честью на посту, чем опозорить и предать себя проклятью потомков». В Трапезунд для переговоров с турками была отправлена делегация во главе с А. Чхенкели. В нее вошли Абашидзе — меньшевик, Гайдаров — мусульманский социалистический блок, Гвазава — национал-демократ, Качазнуни — дашнак, Ласхишвили — федералист, Хан-Мамедов — мусаватист, А. Хатисов — дашнак, Чикалин — эсер. Однако начавшиеся в Трапезунде мирные переговоры ни к чему не привели.

В марте 1918 года турки переходят в наступление, заняв в течение двух месяцев Карс, Ардаган, Батуми, Озургети, Ахалцихе. Все резче стали проявляться разногласия между меньшевиками, мусаватистами и дашнаками в Сейме.

Неудачи на фронте вынудили Закавказское правительство пойти на уступки. Оно заявило о принятии условий Брест-Литовского мирного договора. Было решено возобновить переговоры. Однако турецкое правительство поставило предварительным условием для возобновления переговоров официальное объявление Закавказской республикой своей независимости. Турки желали расширения своей территории за счет Закавказья. Это они могли сделать лишь в том случае, если Закавказье выйдет из состава России, станет независимым, а значит, — легкой для них добычей.

9 апреля 1918 года Сейм большинством голосов принял резолюцию о провозглашении Закавказья независимой республикой. Дебаты, которые происходили при обсуждении данного вопроса в Сейме, наглядно свидетельствовали, что среди политических партий не было полного единства, они опасались отрицательных последствий этого шага. Довольно осторожно действовали в этом вопросе лидеры меньшевиков. Жордания, в частности, от голосования воздержался.

Меньшевики в своей массе были недовольны объявленной

независимостью Закавказья. После обсуждения этого вопроса на заседании областного комитета 2 апреля 1918 года было принято постановление — провести партийные собрания, на которых руководящим товарищам поручалось разъяснить причину объявления независимости¹.

Против отделения Закавказья от России выступили кадет Семенов и левый эсер Л. Туманов. Семенов, предупреждая об отрицательных внешнеполитических последствиях Акта о независимости, заявил: «Объявив свою независимость, вы войдете в турецкую ориентацию, поневоле вы становитесь частью Турции или вассальной, или протекторатом (здесь Семенов не учитывал германский фактор и интересы Германии в Закавказье и, в частности, в Грузии — А. М.). Отделив Закавказье, вы пойдете дальше, вам придется отделять восточное Закавказье, Азербайджан, Грузию от Закавказья, а там, может быть, делить Грузию на части: на Имерети, Карталинию — вернетесь к тому, что было после XII в.»².

Левые эсеры заявили о нецелесообразности провозглашения независимости Закавказья. Их представитель Л. Туманов отмечал: «Я говорю от имени той части фракции социалист-революционеров, которая энергично возражает против провозглашения в настоящий момент независимости Закавказья.

Пусть не покажется вам странным такое заявление в устах представителя партии, на знаменах которой всегда были написаны святыя слова о самоопределении народов...

Мы возражаем по соображениям целесообразности. Тут представитель комиссии по вопросу о независимости Закавказья заявил о том, что будто бы народы Закавказья всегда стремились к независимости и сейчас осуществляют свою давнишнюю мечту. Но, граждане, члены Сейма, мы знаем, что народы Закавказья имели возможность в течение года объявить о своей независимости, о своих взглядах, о своих идеалах, о своей самостоятельности и ни один народ не поставил вопроса о полном отделении от России. Если сейчас возникла эта идея об отделении, о независимости, то нужно честно признать, что она исходит от турецких империалистов.

...Если сейчас ставится вопрос о том, будто провозглашение независимости является следствием волеизъявления

¹ ЦГИА Грузии, ф. 1824, оп. I, д. 3, л. 16.

² Закавказский Сейм, Стенографический отчет, 9 апреля 1918 г., с. 30.

народов Закавказья, то я спрашиваю вас — почему вы при решении такого сложного вопроса жизни и смерти Закавказья, почему вы не прибегаете к помощи референдума?

...Независимость, провозглашенная в такой обстановке, в какой находится сейчас Закавказье, это есть переход в полное рабство к Турции.

Мы уверены, что это явление вызвано... неправильной оценкой момента; оно вызвано желанием как-нибудь достигнуть мира с Турцией»³.

Между тем Турция, воспользовавшись объявлением независимости Закавказья и отказом Сейма признать Брест-Литовский договор, продолжила наступление. Н. Жордания в своих мемуарах отмечает: «Последствий не пришлось долго ждать — турки ворвались в Грузию и заняли Ахалкалакский уезд, весь Азербайджан и три четверти Армении. Только при помощи немцев мы сумели их остановить около Тифлиса. В их руках были города Баку и Батум, и они еще хотели присоединить Тифлис...»⁴.

Турецкая экспансия в Закавказье встревожила страны Антанты. Американский консул в Тифлисе Смит в телеграммах от 10—12 марта в госдепартамент США сообщал о крайне критической обстановке, сложившейся в Закавказье вследствие турецкой агрессии, и настаивал на оказании финансовой и материальной помощи Закавказью. В апреле госдепартамент США отдал соответствующие распоряжения послам США в Англии и во Франции. В телеграмме государственного секретаря США Лансинга послу США во Франции Шарпу от 25 апреля 1918 года отмечалось: «Ситуация на Кавказе крайне критическая: турки наступают, армянам грозит полное уничтожение, хотя при соответствующем руководстве и финансовой помощи последние смогут обеспечить большую военную силу. Британское представительство должно принять более основательные меры, если желает как-то спасти положение.

Тифлисский консул сообщает, что Германия осуществляет свой план использования местного мусульманского населения. Татары и маскирующиеся под местных жителей турки, которых турецкие мусульманские лидеры снабжают большими деньгами, ведут лихорадочную деятельность, провоцируя беспорядки, схватки между мусульманскими племенами и казаками Терека. Вооруженные мусульмане нападают на армянские

³ Закавказский Сейм. Стенографический отчет, с. 16.

⁴ Н. Жордания, «Моя жизнь», Стенфорд, 1968, с. 85.

деревни и военные подразделения. Ситуация ухудшается невмешательством союзников. Требования, предъявляемые Турцией на часть Кавказа, заставили грузин предложить союз с Арменией. Оборона фронта зависит целиком от армян, т. к. их нынешние силы составляют 15.000 человек из турецких подданных и 2500—подданных России. При определенном содействии грузины смогут вооружить 30.000 человек. Премьер-министр просит помощи и утверждает, что армяно-грузинская армия удержит турок, но без немедленной ей финансовой помощи и надежды на военную помощь Великобритании в будущем турки смогут оккупировать любую кавказскую территорию. Если не будут приняты срочные меры, то в течение 2-х месяцев такая оккупация и резня армян будут иметь место наверняка...

Прошу передать все сказанное Военному Союзу союзников...»⁵.

Представитель США в Военном Совете союзников генерал Блисс запросил Британское военное министерство об имеющейся у него информации о событиях в Закавказье. Британское военное министерство прислало следующую информацию: «1. В начале декабря стало ясно, что русские армии на Кавказе больше не могут обеспечивать защиту Армении и 18 декабря по всему Кавказу было объявлено перемирие в расчете на заключение мира. Тем временем, 19 декабря, в результате совещания Военного Кабинета накануне, британский представитель на Кавказе получил указание разрешить армянским и грузинским властям закупить у русских столько оружия и снаряжения, сколько они смогут использовать, а также обещать такую финансовую помощь, какая им потребуется в рублях.

2. Считая, что единственная надежда на успех лежит в объединении различных наций — армян, грузин и татар — в одну оппозицию против турок, были предприняты все меры для осуществления этого плана через национальные советы и национальных лидеров, но безрезультатно. Бакинские татары открыто настроены протурецки. 11 марта пал Эрзерум, 13 апреля — Батум. Мирные переговоры в Трапезунде были прекращены Закавказским правительством, несмотря на желание грузинской делегации их продолжать. Конец близок и неизбежен»...⁶

⁵ Papers Relating to the Foreign relations of the United States. 1918. Volume 1. The world war. Washington. 1933, p. 888-9.

⁶ Ibid.

Об отношении стран Антанты, в частности, США к событиям, разыгравшимся в Закавказье в результате турецкой экспансии весной 1918 года, можно судить по содержанию письма исполняющего обязанности госсекретаря США Френка Полка послу США в Великобритании Пейджу от 31 июля 1918 года, в котором сообщалось: «Сэр, я получил телеграмму мистера Лафлина № 287 от 12 июля, в которой Госдепартаменту сообщается суть неофициального сообщения, полученного вами из Министерства иностранных дел, касательно положения Армении на Кавказе.

Я также получил два письма от специального посланника армянского католикоса в Вашингтоне, д-ра Г. Пасдермаджяна, в которых он подчеркивает критическую ситуацию на Кавказе; пользу, которую союзники могут извлечь для себя, предотвратив оккупацию Кавказа Германией и Турцией; услуги, которые армяне и грузины могут оказать союзникам, если те им помогут; и, наконец, он просит денежную помощь у США.

16 апреля Департамент телеграфировал в Посольство в Париже с просьбой сообщить об отношении к этому вопросу Военного Совета союзников.

Департамент получил ответ генерала Блисса от 6 и 7 мая. Я посылаю Вам для ознакомления, но не для передачи в Министерство иностранных дел копии или краткие изложения этих и других документов по данному вопросу.

Американский народ и Правительство США интересуются ситуацией на Кавказе, армянским вопросом и положением христиан на Востоке по нескольким причинам:

1. Уже почти сто лет американский народ не жалеет усилий для морального и культурного благополучия христиан, живущих в Турецкой империи. В этих странах находится несколько сот американских религиозных, благотворительных и образовательных учреждений, существующих за счет пожертвований Америки и занимающихся практически только христианскими народами.

2. Американский народ не может оставаться равнодушным к судьбе нетурецкого населения Турции, особенно к армянам, подвергающимся гонениям с 1915 г. Американский Комитет помощи Армении и Сирии, работа которого ведется с одобрения Президента, обратился с призывом к народу и на сегодняшний день собрал более 11.000.000 долларов.

3. Как одно из воюющих государств США, естественно,

интересуются тем, что предпринимает Германия для того, чтобы
занять доминирующее положение на Ближнем Востоке.

После революции в России положение Германии улучшилось сначала в европейской части России, затем в Закавказье. Она помогла своему союзнику Турции не только снова оккупировать области Трапезунда, Эрзерума и Вана, которые та до того утратила, но даже обеспечила ей в Брест-Литовске передачу русских территорий Батума, Карса и Ардагана. Немцы и турки без особого труда вторглись в эти области, оккупировали и другие, и даже вошли на территорию Ирана. В глазах исламского мира и народов Центральных держав продвижение германо-турецких сил свидетельствовало об их моральной победе и давало завоевателям стратегические и материальные преимущества. Эти наступления угрожают самому существованию христиан в этих странах, тех, кого германо-турецкие завоеватели сочтут препятствием для своих амбиций и в устремлении на Восток.

Будучи в Тифлисе, г-н Смит, американский консул, обратил внимание Департамента на критическое положение дел на Кавказе и дал вполне определенные рекомендации, представленные вниманию правительства Великобритании. У меня все же создалось впечатление, что Министерство иностранных дел считает, что мистер Смит просто хочет обеспечить армянам помощь от союзников (см. ваш № 8500 от 4 февраля и упомянутые выше телеграммы из Парижа).

Однако задачей мистера Смита была не только помощь грузинам и армянам. Он хотел предостеречь союзников от опасностей на Ближнем Востоке, убедить их в интересах самой Антанты использовать эти христианские народы, их военную силу, взяв на себя руководство ими и финансирование, чтобы помешать Центральным державам укреплять свои позиции на Ближнем Востоке и в Азии.

Департамент не располагает надежной и подробной информацией о действительном положении на Кавказе. Но после отъезда мистера Смита из Тифлиса ситуация здесь сильно изменилась, поскольку германо-турецкие войска прошли дальше на Кавказ и в Азербайджан, а британские войска продвинулись в Персию.

Судя по речи доктора Кюльмана* от 24 июня, опубликованной в «Журналь де Женев», правительство Германии признало «независимость» Грузии. Там говорится, что Грузия

---

* Кюльман — министр иностранных дел Германии.

послала своего министра иностранных дел в Берлин, и немцы начали с ним «серьезные» переговоры, и чтобы получить точное представление о положении на Кавказе, немцы послали генерала фон Кресса в Тифлис с дипломатической миссией. Под аплодисменты доктор Кюльман сказал: «Мы желаем государству Грузия, ее храброму народу, ее богатой земле счастливого будущего. Что касается нас, мы охотно сделаем все, что от нас зависит, чтобы укрепить добрые отношения между Грузией и Германией». Однако контраст совершенно очевиден, когда он говорит об Армении. Он говорит, что в то время, как малозначительные национальные группы присоединились к Грузии, «Армения пыталась превратиться в автономное государство». Это было единственное упоминание об Армении и армянах.

Тон турецкой прессы также важен. Она с симпатией отзывается о Грузии, но очень недружелюбно об «армянских бандах».

Заявление доктора Кюльмана, тон турецкой прессы и другие факты указывают на то, что Центральным державам удалось полностью взять под свою власть Грузию, тогда как армяне остались вне их влияния и по некоторым данным продолжают бороться.

Имея данную информацию и приложения к ней, я прошу вас повидать Бальфура и сказать ему, что, учитывая исторический интерес народа США к армянам, Департамент будет благодарен вам, если Великобритания пояснит свое отношение к положению на Кавказе и будет информировать нас, шаг за шагом, о конкретных мерах, принимаемых для поддержания участия Армении в деле союзников»⁷.

Державы Антанты не могли оставаться равнодушными, видя укрепление позиции Турции и Германии в столь важном стратегическом регионе, каким было Закавказье, но остановить противника они не сумели.

На возобновившихся 11 мая 1918 года в Батуми переговорах (Германия участвовала в качестве посредника) Турция, ободренная военными успехами, предъявила более тяжелые условия, чем предусматривал Брест-Литовский договор. Закавказье должно было уступить две трети Эриванской губернии, Ахалцихский и Ахалкалакский уезды Тифлисской губернии.

---

⁷ Papers Relating to the Foreign relations of the United states. 1918. The world war, Volume 1. Washington, 1933, p. 890.

нии, и под контроль Турции переходила Закавказская железная дорога.

В правительственных кругах Турции существовало три варианта отношения к Закавказской республике. Одни — во главе с Вехиб-пашой считали, что во время переговоров надо придерживаться условий Брест-Литовского договора; вторые — возглавляемые Талаат-беем — считали необходимым отнять у Закавказья и другие территории; третьи — во главе с Энвер-пашой требовали присоединения к Турции всего Закавказья⁸.

В письме А. Чхенкели в Национальный Совет Грузии о ходе переговоров в Батуми говорилось, что турки стремятся аннексировать и превратить Азербайджан в провинцию Турции, посадив там ханом брата Энвер-паши Нури-пашу⁹.

Турки наводнили Закавказье своими агентами, которые вели пропаганду среди мусульманского населения, и со всех концов края, даже из маленьких городков, где проживали мусульмане, в адрес турецкой делегации в Батуми направлялись инспирированные этими агентами просьбы о покровительстве¹⁰.

Мусульманский комитет Ахалцихе передал турецкой делегации просьбу о немедленном присоединении уезда к Турции. В ответ на это делегация Закавказского Сейма представила статистические сведения, согласно которым из 100-тысячного населения Ахалцихского уезда мусульмане составляли лишь 26 тысяч¹¹.

С просьбой о покровительстве обратились к туркам и представители абхазского дворянства¹², которые надеялись с помощью турок свергнуть в Сухуми советскую власть, установленную Е. Эшбой.

В связи с этим А. Чхенкели сообщал Национальному Совету Грузии: «Турки решили послать войска для занятия Сухуми и начали соответствующую подготовку. Однако вскоре ими было получено известие о взятии Сухуми нашими вой-

⁸ ЦГИА Республики Грузия, ф. 1823, оп. 2, д. I, лл. 207-208; См. А. М. Ментешашвили, Октябрьская революция и национально-освободительное движение в Грузии. 1917—1921. Тб., 1987, с. 86.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² ЦГИА Грузии, ф. 1823, оп. 2, д. I, л. 208.

сками и изгнании большевиков. Это известие подействовало на них как гром среди ясного неба, ибо такого поворота событий они не ожидали и вынуждены были отказаться от своих замыслов»¹³.

Переговоры с Турцией в Батуми обнажили всю глубину существующих противоречий между меньшевиками, мусаватистами и дашнаками — ведущими политическими партиями Сейма по вопросам внутренней и внешней политики. Мусаватисты явно тяготели к Турции и не прочь были установить ее протекторат. В этих сложных внешнеполитических условиях Национальный Совет Грузии решил обратиться за помощью к Германии и просить ее покровительства. 14 мая правительству Германии была направлена соответствующая просьба, в которой говорилось:

1. Грузинский Национальный Совет выражает желание и просьбу, чтобы Германия всемерно способствовала как можно более безболезненному разрешению международного и политико-государственного вопросов Грузии.

2. Просить ген. Лоссова принять соответствующие меры, чтобы германские войска продолжили свой путь на Северный Кавказ и настолько приблизились к границам Грузии, чтобы можно было с ними установить контакты и оградить Грузию от опасностей извне.

3. Просить ген. Лоссова, насколько это возможно, оставить в Грузии германских пленных офицеров и поручить им военную организацию, чтобы грузинское правительство имело возможность использовать эти войска для установления внутреннего порядка и борьбы с анархией¹⁴.

Турки стремились занять некоторые важнейшие пункты края и поставить всех перед свершившимся фактом. Главной их целью было покорение Кавказа. Не предъявляя официально ультиматума, они фактически осуществили его на практике. В связи с этими действиями Турции генерал фон Лоссов советовал представителям Грузии незамедлительно провозгласить независимость Грузии и просить Германию о покровительстве. Это был единственный путь, по словам фон Лоссова, который спас бы Грузию от турецкого нашествия и гибели¹⁵.

Надо отметить, что Германия, встревоженная продвиже-

---

¹³ Там же.

¹⁴ Борьба за победу советской власти в Грузии, с. 264.

¹⁵ ЦГИА Республики Грузия, ф. 1823, оп. 2, д. 1, л. 208.

საქართველოს
ეროვნული
ბიბლიოთეკა

нием турок в глубь Закавказья, заставила их 27 апреля 1918 года подписать секретное соглашение о разделе сфер влияния в Закавказье¹⁶. Грузия осталась в сфере влияния Германии. Таким образом, Германия и без приглашения со стороны Грузии намеревалась утвердиться в Закавказье, но официальное обращение Грузии за помощью давало ей возможность прийти не в качестве «оккупанта», а в качестве покровителя и иметь дело с лояльно относящейся к ней страной. Не случайно немецкое командование охотно откликнулось на просьбу Грузии, ибо, как вспоминает фельдмаршал Э. Людендорф, это позволило независимо от Турции «добраться до кавказского сырья и приобрести влияние в вопросе эксплуатации железной дороги, идущей через Тифлис. Ввиду того я ходатайствовал перед имперским канцлером об удовлетворении пожеланий»¹⁷.

24—25 мая состоялось заседание исполнительного комитета Национального Совета Грузии под председательством Н. Жордания, на котором присутствовали Г. Ласхишвили, П. Сакварелидзе, К. Гварджаладзе, Н. Хомерики, Ал. Ломташидзе, С. Джибладзе, Ш. Месхишвили, К. Месхи, Н. Рамишвили, К. Журули, Ал. Асатиани, И. Мачавариани, Л. Вачнадзе, Г. Гвазава, И. Церетели, Г. Гегечкори, К. Чхеидзе, В. Гобечия. Участники заседания были ознакомлены с телеграммами и письмом главы закавказской делегации на переговорах с турками А. Чхенкели, где он, обрисовав сложную ситуацию, создающуюся на переговорах, требовал ускорить объявление независимости Грузии.

Было решено принять рекомендации Чхенкели и после объявления Сеймом решения о самороспуске провозгласить Акт о независимости Грузии. Создали комиссию для составления Акта, в состав которой вошли: Г. Гвазава, И. Мачавариани, Г. Рцхиладзе, П. Кавтарадзе, Р. Арсенидзе и И. Джапаридзе. В обсуждении этого вопроса принимал участие и Н. Жордания. По воспоминаниям З. Авалишвили, во время пребывания в мае 1918 г. Н. Жордания в Батуми, он передал тому вариант проекта провозглашения независимости Грузии, который одобрили Чхенкели, Николадзе, Жордания и Сургуладзе. Однако там же Авалишвили отмечает, что не оставил

¹⁶ Г. Пипия. Германский империализм в Закавказье в 1910—1918 гг., М., 1978, с. 38.

¹⁷ Э. Людендорф. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., М., 1924 г., с. 182.

при себе копии и не знает, «пользовались ли им при составлении Акта независимости Грузии» от 26 мая 1918 года¹⁸.

А вот как описывает в своих мемуарах Н. Жордания процесс составления Акта независимости: «Я предложил члену комиссии Г. Гвазава как юристу составить проект. Он это сделал и принес мне. Когда я с ним ознакомился, был удивлен. В том, что касалось национального вопроса, Акт был составлен правильно, но наряду с этим присутствовали пункты о восьмичасовом рабочем дне, конфискации имений и т. д. Я нашел их неуместными. Нужно было выработать одну национальную платформу, которая бы исключала все социальные моменты. Я исправил проект, выкинул все разъединяющие пункты национального и политического значения. Этот проект я представил и прочел в комиссии. Георгий Гвазава ничего не сказал, но на его лице я прочел удовлетворение... Таким образом была составлена декларация»¹⁹.

К сожалению, из воспоминаний Жордания не ясно, пользовался ли последний при исправлении проекта, представленного Гвазава, проектом Акта о независимости, переданным ему 22 мая в Батуми З. Авалишвили.

На заседании Национального Совета 25 мая обсудили также вопрос об организации правительства. Утвердили следующий состав кабинета министров:

1. Председатель и министр внутренних дел — Н. Рамишвили, 2. Иностранных дел — А. Чхенкели, 3. Военный — И. Гиоргадзе, 4. Финансов, торговли и промышленности — Г. Журули, 5. Народного просвещения — Г. Ласхишвили, 6. Земледелия и труда — Н. Хомерики, 7. Юстиции — Ш. Месхишвили, 8. Путей сообщения — И. Лорткипанидзе²⁰.

Было принято предложение И. Церетели именовать впредь Национальный Совет Грузии — Парламентом Грузии.

26 мая, в 3 часа пополудни Закавказский Сейм объявил себя распущенным. В решении Сейма говорилось: «Ввиду того, что по вопросу о войне и мире обнаружилось коренное расхождение между народами, создавшими Закавказскую независимую Республику, и потому стало невозможно выступление одной авторитетной власти, говорящей от имени Закавказья».

¹⁸ З. Авалов. Независимость Грузии в международной политике 1918—21 г., Нью-Йорк, 1982 г., с. 58.

¹⁹ Н. Жордания. «Моя жизнь», с. 87.

²⁰ ЦГИА Республики Грузия, ф. 1823, оп. 2, д. I, л. 108.

Эя, Сейм констатирует факт распада Закавказья и слагает свои полномочия»²¹.

В тот же день было провозглашено образование Грузинской Демократической Республики.

Правительство и парламент Закавказья не смогли разрешить сложные внутренние и внешнеполитические вопросы, стоящие перед народами региона. Как мы уже отмечали, сказались коренные противоречия между основными политическими партиями закавказского парламента — меньшевиками, дашнаками и мусаватистами как по вопросам внутренней политики, так и по вопросу внешнеполитической ориентации, что в условиях фактической войны, которую вела Турция против народов Закавказья, и привело к распаду Закавказской Федеративной Республики на три независимых государства — Грузию, Азербайджан, Армению.

²¹ Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии, с. 330.

Этери ГУГУШВИЛИ

НАШ ТЕАТР: ЖИТЬ ИЛИ НЕ ЖИТЬ?

Грузинский театр имеет славную и достаточно солидную историю, свидетельствующую о неустанных его поисках, о преданности своему искусству, своей профессии и ответственности перед ней.

Так было всегда. И где бы театр ни возникал, где бы ни находил себе пристанище, как бы ни складывалась его судьба, он всегда был тесно связан с интересами, заботами, проблемами страны и ее народа. Достаточно вспомнить о героическом подвиге актеров труппы «Народного театра» Мачабели (время царя Ираклия II). Актеры проявили невиданный и уникальный в своем роде героизм: они погибли в Крцанисской битве (1795 г.), и подвиг их навсегда остался в памяти потомков. И если можно говорить о творческих традициях театра, питающих и вдохновляющих искусство все новых и новых поколений актеров и режиссеров, то и героический подвиг актеров театральной труппы Мачабели эхом отозвался в нашем беспокойном, насыщенном войнами, взрывами и катаклизмами времени. Сколько грузинских актеров погибло в Отечественной войне 1941—1945 гг.! Сколько ушли на фронт и не вернулись только из нашего Театрального института — мемориальная доска в фойе института навсегда увековечила их имена. Мне кажется, настало время подумать нынешнему руководству института об увековечении памяти новых жертв нашего вуза, погибших в войне с Абхазией. Благодарная память о безвременно ушедших наших воспитанниках должна жить всегда.

Великий русский драматург А. Островский говорил: «Театр есть признак совершеннолетия нации». Совершеннолетие

грузинского театра состоялось много лет назад. Его традиции складывались веками. И по сей день в искусстве грузинского актера сохраняются элементы народного театра, которые уведут нас к площади, к музыке и зрелищности, к ликующему народному юмору, к стихии импровизации. Эта неисчерпаемая тяга к лицедейству тесно переплетается со свободолобивыми патриотическими устремлениями, с элементами народной мудрости и раскованностью, которая только и может обеспечить уровень сценических превращений — смелых, подчас непредсказуемых.

Добрые традиции, которые закладывались и формировались на протяжении веков, находят своеобразное отображение в жизни современного нам театра. Таковы законы преемственности, которые движут вперед культуру нации и определяют ее достоинство и уровень. И можно смело говорить о том, что современный грузинский театр не только не растерял того, что формировалось и складывалось веками, но и обеспечил преемственность непреходящих ценностей, сумев пронести их сквозь множество войн и катаклизмов. И здесь нельзя не вспомнить великих корифеев грузинского театра — Г. Эристави, Г. Авалишвили, Д. Мачабели, а затем И. Чавчавадзе, Ак. Церетели, великих актеров XIX века — В. Абашидзе, Вл. Алекси-Месхишвили, Н. Габуния, М. Сапарову-Абашидзе, К. Кипиани, К. Месхи, В. Гуния, Е. Черкезишвили и многих других. Поистине вечны их имена.

Огромную роль в процессе восхождения театра XX века сыграло творчество К. Марджанишвили и А. Ахметели — они подняли грузинский театр на ту высоту, что принесла ему мировое признание. И здесь следует отметить еще один важный фактор, способствовавший процветанию отечественного театра. Если в первой четверти XX века актерские кадры готовились в студиях (иногда это были студии при театрах), то затем, в 1939 году по инициативе великого нашего актера Акакия Хорава был создан Театральный институт им. Ш. Руставели — А. Хорава стал его первым и поистине самым незабываемым ректором. Институт, руководимый А. Хорава, заложил прочные основы того глубокого процесса, который обеспечил новому поколению профессиональный уровень мастерства, возможность глубокого овладения профессией. Этот процесс, в котором на протяжении многих лет участвовали профессионалы высокого ранга, определил уровень современного нам театра и

●обеспечил ему мировое признание, которое не раз подтверждалось во время гастролей наших театров за рубежом.

Шли годы, институт, созданный А. Хорава, рос и обновлялся, появились новые специалисты, новые профили и направления, вплоть до специального научно-исследовательского сектора (им руководил наш замечательный ученый проф. Д. Джанелидзе), и именно это способствовало успешной подготовке творческих кадров республики. Более того, институт взял на себя инициативу подготовки кадров для других республик (тогда — союзных республик). Много было сделано в этом отношении и для Абхазии и Юго-Осетии. Сам А. Хорава подготовил не один выпуск студентов для Сухумского (абхазского) театра. К сожалению, наши тогдашние выпускники не смогли оценить добро, заложенное нами в их души. Что ж, пусть это будет на их совести... А новые специальности все создавались и создавались. Так возникло отделение музыкальной комедии, балетмейстерское отделение (по желанию В. Чабуквани), кукольное отделение, факультет культурно-просветительского профиля и, наконец, кино-факультет со всеми (постепенно) его профилями.

В этом процессе мы были не одни. Нам помогало руководство республики, шли навстречу, поддерживали нас. Мне не забыть, как однажды, когда встал вопрос о том, что, кроме кинорежиссерского факультета, нам необходимы и другие специальности (киноведение, сценарное отделение, операторское, звукорежиссерское и т. д.), я пришла к Э. А. Шеварднадзе (тогда секретарю ЦК КП) и попросила его помочь нам в этом деле. В те годы новые специальности (а особенно, специальности кино) утверждались только Москвой — такая была система, — и она нам, естественно, отказывала. Эдуард Амбросиевич сказал мне: «А что вам мешает открыть, откройте». Я говорю: «Москва не разрешает!» А он в ответ: «А вы откройте, а мы вам просто выговор объявим и дело с концом». И засмеялся...

И я открыла новые факультеты без санкции Москвы. А выговор мне так никто и не объявил... Факультеты существуют до сих пор, и успех их работы — налицо.

Процесс воспитания творческих кадров — дело нелегкое. Он объединяет и специфику каждого профиля и методологию преподавания, и кропотливость подхода не просто к целому курсу, а к каждому студенту в отдельности, ибо каждый студент творческого вуза — это индивидуальность, которая должна быть досконально изучена, исследована, а главное понята и раскрыта при этом максимально.

Выпускники института пополняли театры, кинотеатры, новые площадки, вносили в их жизнь не только свою молодость, но и новые веяния. А новизна всегда настораживает — тут и эмоции молодости, и желание дерзать, и многое другое, что не всегда принимается безоговорочно. Эти дерзания порой обрачивались полемикой и спорами. Чего только стоила бурная дискуссия о грузинском театре в середине 60-х годов, посвященная традициям и новаторству! Сегодня некоторые театроведы пытаются представить эту творческую полемику, как желание «старших» нивелировать тех, кто идет им на смену. Ничего абсурднее этого быть не может. Это был достаточно серьезный и прежде всего профессиональный спор-диалог, в котором каждая из сторон горячо отстаивала свою позицию. Дискуссия оказалась небесполезной, а итоги ее подвела сама жизнь. Остыли страсти, утихли эмоции, и началось новое восхождение нашего театра, я бы сказала, его золотой век. Еще были живы великие, нет, величайшие актеры, корифеи театра XX века — их имена всем известны. Именно они своим искусством не только определяли высочайший уровень грузинского театра XX века, но и помогали последующим поколениям утверждать себя, двигать вперед искусство родного театра.

Эстафета передавалась, как говорится, из рук в руки. В этой эстафете важнейшую роль играла та школа мастерства, которая действительно была живой, наглядной и бесценной данностью, тем, я бы сказала, национальным кладом, который только и может обратиться вечностью.

Да, фундамент всегда был прочным. Но в этой прочности, или, точнее, вокруг нее, возникали явления, порой не очень согласовывающиеся с ее природой, с ее первозданностью. И хочется сказать: странная, очень странная судьба у театра. В нашей прошлой, доперестроечной жизни театр всегда занимал положение, как бы это сказать, — привилегированное. Почиталось хорошим тоном благодетельствовать актерам, режиссерам, а вместе с ними и другим представителям творческого мира. Их награждали орденами, любили с ними дружить. Но, к сожалению, часто это были «приметы» внешнего благодеяния, на деле же мало кто жил так плохо, как служители театра, особенно актеры. Они получали самую мизерную в стране зарплату. Из жизни театра ушли навсегда бенефисы, эта своеобразная форма признания заслуг и материальной поддержки (пусть разовой) актера. Бедственное положение служителя театра многое определяло в его жизни. Актеры бегали из театра в кино, из ки-

но на эстраду (в цирк, правда, не бегали), словом, бедствовали, мыгались. Впрочем, и самому театру было нелегко в те годы. Порочная система управления, командно-приказной стиль, непонимание процессов творчества, отсутствие гармонии между вопросами художественными, социально-политическими и организационно-экономическими — обычная для тех лет картина. А между тем, гармония в искусстве (в том числе и в искусстве театра) возможна лишь в условиях истинной свободы, в том числе и свободы мышления и уважения к личности.

Но вот случилось чудо. Нам даже не верилось в него, казалось, это нечаянная ошибка, недоразумение, невероятность. Это был спектакль Р. Стуруа «Кваркваре», в котором образ героя получил недвусмысленную ассоциацию с образом Ленина. Стоит Кваркваре на балконе известного дворца балерины М. Кшесинской, что в Санкт-Петербурге, и произносит свою речь. Балкон этот исторически известен тем, что с него в 1917 г. произнесил речь Ленин. Ассоциация рождалась мгновенно и безошибочно. Зал молчал. Что же теперь будет? А ничего не было! Никому никто не объявил ни выговора, ни порицания, с работы никого не сняли, как будто ничего не произошло. Спектакль был принят и получил «зеленую улицу». Спрашивается — не заметили? Как же, все заметили, приняли, аплодировали. Но это еще не все. А история с рождением фильма «Покаяние»? Ведь он был «первой ласточкой» на фоне потепления. Нет, фона тогда еще и не было. То было просто НАЧАЛО. И произошло оно здесь, у нас, в Тбилиси. Мне никогда не забыть мою случайную встречу с Тенгизом Абуладзе у подъезда тогдашнего ЦК. Он вышел с папками бумаг. «Это сценарий нового фильма, — ответил он на мой немой вопрос, — иду от своего соавтора». Соавтор пожелал остаться неизвестным... А вот и еще один момент из жизни тех лет. Спектакль М. Туманишвили «Антигона». В финале спектакля вдруг возникал пронзительный и тревожный вой сирены, который звучал, как знак беды, нависшей не столько над героями пьесы, сколько над нами, сидящими в зале, над нашим миром, который исторически уже был обречен. И вот он, результат! В республике появились признаки оттепели. Не той, хрущевской, а нашей, грузинской. И нам завидовали многие. Помню, как московские друзья говорили мне: «Какие же вы счастливые!»

Однако счастье оказалось недолговечным. И знак беды, которую предвещал спектакль «Антигона», действительно на-

вис над нами. Над нашей республикой, над нашим народом, над молодежью, над нашим, наконец, театром...

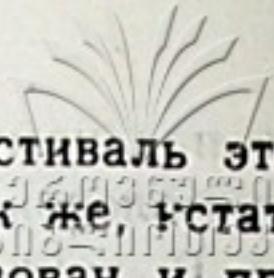
В трудные, страшные годы, когда шла одна война за другой, когда текли слезы матерей и вдов, когда безутешные родители напрасно ждали возвращения своих сыновей, когда, наконец, не работали предприятия, заводы и фабрики, когда не было света и тепла и вечерами город наш вымирал, когда в институтах не было нормального учебного процесса, театр наш, пожалуй, был единственным, на этом фоне, «учреждением», которое работало не покладая рук. Он был в строю, не сдал позиций, не изменил своей одержимой приверженности лицедейству, преданности своей профессии, уважения к ней.

Спектакли игрались лишь два раза в неделю и только днем. В зале было холодно, но театр позиций не сдавал. Более того, игрались не только старые спектакли, но выпускались и новые. И это было равнозначно героизму. А зритель? Зритель, этот один из главных компонентов театра (так учили нас в вузах, и так мы учили наших студентов), сидел в пальто в холодных, нетопленных, промерзших залах, дрожал от холода, но сидел (на сегодняшний день, картина, увы, не изменилась). Сидел до конца! Более того, приводил с собой детей. И дети тоже мерзли, но тоже высиживали до конца. Известны ли им, этим зрителям-патриотам театра, заключения социологов о том, что, если ребенок не ходит в театр до 5—6 лет, он уже никогда не полюбит театр и ходить в него не будет. Что ж, он, этот наш маленький зритель, в трудные годы поддерживавший театр своим вниманием, навсегда останется верным другом театра.

И вот, наш театр сегодня. Здесь нет возможности разобрать работу всех театров республики. Театров много, забот о них не меньше, служителей театра — огромное множество. Проблем — непочатый край. И все-таки следует отметить — и это в первую очередь — в театре нашем не ощущается снижения темпов работы. При всей сложности финансовых вопросов театры все-таки активно работают. Прекрасным подтверждением активной жизни театра явился театральный фестиваль, прошедший в Рустави в прошлом году. Фестиваль показал лицо сегодняшнего грузинского театра, продемонстрировал его уровень, возможности актерского состава, выявил способности молодых актеров и режиссеров и вселил надежду, что театр наш, как говорится, в строю и в форме.

Здесь же следует сказать, что не отстали от профессиональных театров и театры самодеятельные. Вслед за рустав-

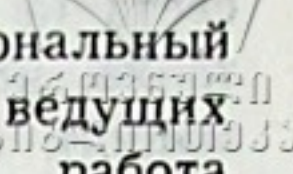
ским фестивалем с большим успехом прошел фестиваль этих театров в Гурджаани. Гурджаанский фестиваль так же, кстати, как и фестиваль в Рустави, был хорошо организован и прошел на высоком уровне. Главное, что можно отметить в работе гурджаанского фестиваля, это огромная ответственность участников, их одержимая любовь к сценическому искусству. А в целом остается только приветствовать их подлинное приобщение к искусству театра, их настоящую преданность ему и пожелать им всем новых успехов.

А что театр профессиональный, — каков он сегодня? Здесь нет возможности обозреть спектакли всех театров, да и делать этого не следует — все равно всего не охватить. Но тенденции театров, которые так или иначе просматриваются, — налицо и небезынтересны. Серьезно работает наш ведущий театр им. Руставели. В нем ни на йоту не ощущается снижения темпов творческой жизни. Прекрасное начинание Р. Стуруа — дать возможность молодым режиссерам проявить себя в творчестве, в работе, этот своего рода эксперимент, — очень большое и очень важное начинание. Р. Стуруа сам возглавляет этот процесс. Молодым дается полная свобода — ставь, твори, дерзай, — таков смысл, заложенный в это начинание. Спектакли, разумеется, неоднозначны, но то, что дело делается, а зритель активно посещает и реагирует на происходящее — о многом говорит. Великолепным подтверждением сказанного является спектакль, уже идущий на сцене и завоевавший искреннее одобрение зрителя — «Дом Бернарды Альба» в постановке молодого режиссера Гочи Капанадзе. А ведь было время, когда мы Гочу не принимали в институт. Приходил его отец, замечательный человек, просил за сына, а мы не брали его. В конце концов приняли. И вот жизнь, а вместе с ней и Гоча, доказали, что отец и сын были правы, а мы «маститые», «профессора» — ошибались... А спектакль ведь и впрямь прекрасный. И как играют наши выпускники!

Спектаклей, поставленных молодыми режиссерами, уже много, и всем режиссерам дана возможность экспериментировать. Это говорит о том, что театр Руставели работает активно, и зритель также активно участвует в его повседневной жизни.

Не отстает в темпах работы и театр оперы и балета им. З. Палиашвили. Тут собранность коллектива, четкость работы в его повседневной жизни, творческая дисциплина, регулярный выпуск спектаклей. Особенно хочется подчеркнуть работу балетной труппы, возглавляемой Г. Алексидзе. Чувствуется

рука опытного балетмейстера, его высокий профессиональный уровень, а также мастерство и великолепная работа ведущих мастеров-репетиторов. Хорошим настроением отмечена работа оперного коллектива под руководством дирижера Д. Кахидзе, в особенности, хочется отметить прекрасный почин — приглашение оперных артистов на гастроли. Такая традиция всегда была у нашего театра, терять ее, конечно, не следует. Хотелось бы, чтобы то же происходило и в балете. Давно не приезжали к нам балетные гастролеры. И еще об одном. Недавно прошла премьера «Симфонические поэмы», которая еще раз подтвердила слаженность, выправку, четкость исполнения актеров балета. Однако желательно было бы, чтобы коллектив балета и его руководитель подумали и о том, что наш балет не должен терять своей прежней классической формы, определяемой духовностью, действенным танцем, глубокой сюжетной наполненностью танца с его внутренним содержанием и смысловыми задачами. А если говорить проще, то речь идет о сохранении традиций, заложенных великим танцовщиком века Вахтангом Чабукиани, творцом грузинского классического балета. И, наконец, не могу не сказать о руководстве театра, о его директоре З. Ломидзе, который отлично понимает нужды этого, достаточно сложного коллектива, где нужно учитывать специфику разных профессий и обеспечить все для облегчения их трудного и неординарного искусства. Именно это и осуществляет директор. При этом, на высоком уровне.

Активно работает и театр им. К. Марджанишвили, но активность (выпуск спектаклей, многогранность репертуара и т. д.) не означает, что все в этом театре на должной высоте. Наряду с прекрасными спектаклями, такими, как «Вечный муж» по Ф. Достоевскому (режиссер Т. Чхеидзе), на сцене театра идут и спектакли не очень высокого уровня, в которых отмечаются порой приемы дешевого вкуса, а иногда и просто — безвкусице. А, между тем, актерская культура именно этого театра требует более пристального внимания художественного руководства.

В этом году намечается юбилей русского театра им. А. Грибоедова, и это ко многому обязывает коллектив театра, а мы, его почитатели, желаем театру новых успехов.

Что можно сказать о других театрах? В крайне трудном положении находятся провинциальные театры. Проблема существования некоторых из них стоит под угрозой. А между тем, в районах, где люди фактически лишены многих духовных ценностей и нуждаются в «отдушинах», где часто не бывает

света (а это означает отсутствие не только домашнего уюта и тепла, но уюта и тепла духовного, а также духовной информации), где люди живут достаточно замкнуто в интеллектуальном отношении, там, как воздух, необходимо общение людей с духовной жизнью, с ее художественными ценностями. Отлучение от театра (а зачастую и телевизора) может привести к аморфности человеческой души, к падению интересов, интеллектуального уровня людей, просто к застою мышления. Об этом стоит серьезно задуматься. Ведь живем мы накануне XXI века! И всем нам надо думать о будущем наших детей и внуков.

Сказанное о трудностях районных театров, конечно, в меньшей степени относится к таким театрам, как Батумский и Кутаисские (оперный и драматический). Батумский, так тот вообще находится, как говорится, на подъеме. Четкость работы и уровень его во многом определяется вниманием руководства Аджарии. Не могу не сказать здесь и о Зугдидском театре, который порастил нас на фестивале своим спектаклем по пьесе Дж. Мониава «Распятое счастье». Спектакль-трагедия в постановке молодого режиссера Дж. Хвтисиашвили произвел буквально фурор, прозвучав, «как колокол на башне вечевой». Здесь же хочется отметить добрым словом и других молодых режиссеров — истинных энтузиастов — Тamar Хизанишвили (театр Мачабели), В. Джакели (Горийский театр) и, конечно же, режиссеров наших театров юного зрителя — грузинского (К. Харшиладзе) и русского (Г. Кития). И, наконец, не могу не сказать об Анзоре Доленджашвили — человеке незаурядном и уникальном по своей одержимой и беззаветной преданности театру. Режиссер-энтузиаст, он создал в Алибегло (Нахский район, Азербайджан) грузинскую труппу из юных актеров, приобщает их к грузинской культуре, несет им свою бескорыстную любовь, преданность театру, что, безусловно, заслуживает самой высокой похвалы и общественной благодарности. И я горжусь, что наш институт вырастил и подарил театру такого человека.

Грузия — страна театральная. Так было всегда. Традиция жива. Сегодня, в нашей нелегкой жизни театр не потерял своего значения. Намечается процесс рождения новых театров. Ну что ж, пусть себе рождаются! В условиях рыночной экономики каждый волен определять свою судьбу. Лишь бы были средства для осуществления желаний.

Так уже открылся новый театр, руководимый режиссером Котэ Сурмава. Помогло Министерство внутренних дел,

район Надзаладеви, где в бывшем клубе Плеханова обосновался театр и достаточно уверенно начал свой марафон. Абсолютная система обеспечивает зрителя, а уровень спектаклей — зрительский интерес. В здании, где находится редакция газеты «Свободная Грузия», открылся театр (небольшой по габаритам), которым руководит режиссер А. Варсимашвили. Пожелаем им успехов. Есть и другие попытки. Трудно? Конечно! Порою вспоминаешь прошлые времена. Ностальгия? В смысле обеспеченности, пожалуй! Театры жили все-таки неплохо, была дотация. Сегодня «поезд ушел», вернуть его нельзя, да и вряд ли следует. Перспектив на улучшение пока не видно. Что же впереди? Очевидно, надо уповать на то, что и впрямь бесценно — на энтузиазм жрецов театра, на их вечную, неизменную, одержимую и невесть откуда берущуюся любовь к театру, к своему искусству, на милость Божью, на удачу, наконец.

Роман МИМИНОШВИЛИ

ОЛИМПИЙСКИЙ УРОК

Олимпийские игры в Атланте стали для нас, грузин, не только спортивным, но и жизненным уроком. Все трудности и проблемы, что сопутствовали нам эти четыре года, необходимых для подготовки к Олимпиаде, отразились и на выступлениях грузинских спортсменов. Не занимать нам было и легкомысленного оптимизма («Наш талант, наши спортивные традиции сделают свое дело...» Вспомним: «Лишь бы провозгласить независимость, а там и войска НАТО помогут...»). Недоценили мы и противников: («Лучших в Европе атлетов вряд ли кто поборет...» Вспомним, как буквально было воспринято поэтическое высказывание, что для поражения противника грузинам достаточно кликнуть «Марабда!»). И уж, конечно же, довершили дело присущие нам беспечность и неорганизованность (примеров чему в нашей повседневной жизни множество).

Итак, наша делегация направилась в Атланту отнюдь не под девизом Кубэртена, согласно которому главное не победа, а участие в Олимпиаде. Мы уповали на чудо, надеясь максимально использовать свои возможности, но чуда не произошло, если не считать «исчезнувшего» на наших глазах веса олимпийского чемпиона Давида Хахаленшвили!

На Олимпийских играх чудес не бывает. Рассчитывать на победу без предварительного четырехлетнего цикла подготовки, возлагая надежды лишь на последний тренировочный год, было большой самонадеянностью. О том, в каких условиях готовилась олимпийская команда, свидетельствует и то, что в нее вошли тридцать шесть спортсменов, в то время как девятнадцать представителей грузинского спорта предпочли выступать под знаменами чужих стран. Пусть многие из них не

сумели завоевать наград, но бесспорно, что в странах, за которые они выступали, они были признаны лучшими и завоевали право на участие в Олимпийских играх благодаря победам на различных международных турнирах. А две золотые и одна серебряная и бронзовая медали, завоеванные нашими соотечественниками, это не так уж и мало! Из двух «грузинских» команд «иностранная» оказалась, несомненно, сильнее.

Особенно впечатляющ был триумф Кахи Кахиашвили, который установил мировой рекорд. Когда я спросил у сидящих рядом с нами греческих болельщиков о национальности выступающего за их команду спортсмена, то получил исчерпывающий ответ — грек. Тогда я обратил их внимание на его фамилию: слишком уж необычно она звучит для греческой. Но это их не смутило: окончание вполне греческое — Акакиос Кахиашвилис. Тогда я, потеряв терпение, указал на свою аккредитационную карточку, на которой было выведено — Роман Миминошвили — прибавьте «с», и перед вами — грек, прошу любить и жаловать! Как ни странно, они не только не были раздосадованы моей настойчивостью, но, напротив, обрадовались, что успех Кахи доставил радость и его соотечественникам. Вообще в зале, где проходили соревнования по тяжелой атлетике, царила удивительная доброжелательность. Аплодисментами и одобрительными возгласами провожали не только победителей, но и побежденных. Признаться, и я от души желал всем без исключения спортсменам побороть свой вес. Возможно, это объясняется тем, что на подмостках спортсмены борются не друг с другом, а с металлом, и кто бы ни стоял перед этой грудой железа, тобой невольно овладевает желание, чтобы в схватке с ним вышел победителем спортсмен.

О курьезе со взвешиванием Хахалейшвили много говорилось не только у нас, но, в первую очередь, в Атланте и во всех странах мира. Шутка ли — чемпион минувшей Олимпиады в полном здравии прибыл на соревнования и не успел взвеситься! А ведь его взвешивание было чисто формальным актом.

Для нашей спортивной делегации это было своего рода нокаутом. Во-первых, Давид Хахалейшвили, как единственный олимпийский чемпион, справедливо считался одним из лидеров команды. Во-вторых, в этот первый день Олимпиады отмечалось столетие возобновления Олимпийских игр, и Грузия имела шанс завоевать первую золотую медаль в первый же год выступления на Олимпийских играх под флагом незави-

симого государства. Первый гимн, зазвучавший в честь победителя в Атланте, мог бы быть гимном Грузии...

Я не думаю, что именно это неспортивное поражение определило дальнейшие события, но уверен, оно удручающе подействовало на всех спортсменов. Даже поражение того же Хахалеишвили, прими он участие в состязании, не вызвало бы большего психологического стресса. Узнав о случившемся, мы поспешили в Олимпийскую деревню. Увидеться с Давидом Хахалеишвили не смогли — он заперся в комнате и никому не открывал дверь. Мы и не настаивали. А вот главный тренер по дзюдо Бердия Гугава, сильный, мужественный человек, как дитя, обливался горячими слезами, твердя, что во всем виноват он. Принимая во внимание состояние главного тренера, нетрудно представить, что творилось со спортсменами. Несмотря на наше подавленное состояние, мы попытались хоть как-то его успокоить, приводя слабые аргументы вроде того, что нужно взять себя в руки, поскольку впереди всех ждет трудная борьба. Что и говорить, подобными утешениями вряд ли исправишь положение. Неудивительно, что после этого Нино Салуквадзе попросила нас не приходить на ее выступление. Тамаз Имнаишвили объяснил мне, что в состязании стрелков почти все зависит от психологического состояния спортсмена. Вот уж воистину, кто бы мог подумать, что Нино Салуквадзе, бьющая лишь десятку, попадет в семерку!

Конечно же, было бы ошибкой объяснять все наши поражения лишь психологическим фактором. Иные из спортсменов не были в достаточной мере подготовлены ни тактически, ни технически и ни даже физически. Сомнительно, что и наши тренеры досконально изучили возможности противника. Все эти вопросы, мне кажется, уже обсуждались специалистами и, возможно, я не совсем вправе судить об этом, хотя считаю, что право на сомнение может быть у каждого. Читатель, думаю, не удивится, если я скажу, что далеко не на уровне была и организационная сторона. Еще бы — ведь у меня на руках такой козырь, как «невесомое» состояние Хахалеишвили! Непростительна и беспечность руководителей нашей делегации, вовремя не опротестовавших необъективность судьи, судившего поединок Кобы Гулиашвили. Все, в том числе и коллегия судей, признали его ошибку. И хотя протесты редко удовлетворяются, внеси мы его, не исключено, что с целью компенсации неудачи с Хахалеишвили, наш протест мог быть удовлетворен. Требовалось лишь своевременно заполнить бланк (на английском языке) и внести каких-то 500 долларов,

которые в случае удовлетворения претензии возвращаются обратно.

Однако организационные промахи этим не исчерпываются. Вероятно, с большей пользой можно было использовать т. н. «Грузинский дом» в Атланте, который располагался в центре города и в то же время недалеко от спортивных баз. Случайно забредавшим туда гостям «хозяйка» Дома Нана Александрия рассказывала об истории Грузии, об олимпийских чемпионах, знакомила с экспозициями, демонстрировала видеоматериалы. Многие вообще впервые узнали о том, что «Джорджия» не только штат в Америке, но и древнейшая страна на Кавказе.

К сожалению, в Доме не проводились организованные встречи, несмотря на то, что в составе грузинской делегации находились Госминистр, председатели парламентских комитетов, посол Грузии в США. Можно было устраивать встречи с грузинскими спортсменами, хотя бы с теми, кто уже выступил, бизнесменами, политиками, наконец. Большую помощь в этом плане мог нам оказать посол Тедо Джапаридзе, но он, увы, жил отдельно от остальных членов делегации в гостинице, расположенной в шестидесяти километрах от центра города! Олимпийские игры — это не только большое спортивное, но и политическое событие. И простительно ли нам, что мы ни словом не обмолвились об Абхазии или хотя бы о сухумском спортсмене Кобе Куртанидзе, о политико-экономическом положении, в условиях которого нам пришлось готовиться к Олимпиаде. Никто, кроме нас самих, не виноват в том, что единственной службой, проявившей интерес к «Джорджии» в Джорджии, оказалась грузинская редакция «Голоса Америки», хотя там же, в каких-то 500 метрах, располагался главный корпус «Си-Эн-Эн».

Что же произошло? С 1952 года по сегодняшний день в Грузии был тридцать один олимпийский чемпион, медалистов же и не счесть. Правда, тогда мы представляли Советский Союз. На Барселонской Олимпиаде мы выступили за объединенную команду СНГ, и на ней тоже несколько раз звучал гимн Грузии. На этот раз, представляя независимую страну, мы завоевали всего лишь две бронзы.

Неужели мы можем быть сильными, только выступая под чужим флагом? Неужели свобода так подавляюще подействовала на нас? Конечно же, нет. И хотя имелись и объективные причины поражения нашей команды (тяжелое экономическое и политическое положение — кто помнил и думал об Олимпий-

ских играх четыре года назад, тогда мы были заняты сведением счетов друг с другом!), но, думается, главное все же как подметил Эдуард Шеварднадзе, в другом: «Одна из причин нашей неудачи в том, что мы еще не до конца осознали, что представляем свою страну, свое, независимое государство. Часто ведем себя так, словно служим интересам другой страны, и, к сожалению, это касается не только спортсменов».

Действительно, это касается не только спортсменов! Поэтому я и считаю олимпийский урок нашим общим жизненным уроком. Чем ответили, к примеру, мы, власти, на поражение олимпийцев? К моему неописуемому удивлению, сумму в 3,9 миллионов лари, которую просил выделить Департамент спорта в первом варианте бюджета на 1997 год, представленном Парламенту, Министерство финансов свело к 3,1 миллиона. В то время, как во всех отраслях расходы увеличены почти вдвое, на развитие спорта по-прежнему остается 0,3 процента. Негосударственный подход к спорту выражается и в том, что Министерство юстиции внесло в Парламент предложение о присоединении Госдепартамента спорта к Министерству культуры (!) Что это, своего рода месть за поражение? Или, быть может, мы намереваемся взять реванш у своих же детей, у нашего же будущего?

Вот, где и как аукнулось нам поверхностное отношение к спорту, дескать, до игр ли нам, когда мир рушится. А при такой постановке вопроса вряд ли есть смысл думать о предстоящей Олимпиаде. И вообще, может, нам пора «остепениться» и «серьезно» думать лишь о хлебе насущном? И может, тогда и те жалкие три миллиона используем «для живота»?

—

И ВРЕМЕНИ РАССЕЕТСЯ ТУМАН...

В Фонде рукописей Государственного музея грузинской литературы им. Георгия Леонидзе хранится богатейший архив поэта Симона Чиковани: стихи, переводы, записные книжки, дневники, письма, свидетельствующие о легендарной любви супругов Симона и Марики Чиковани.

Особый интерес представляют воспоминания поэта о друзьях его молодости: Тициане Табидзе, Паоло Яшвили, Валериане Гаприндашвили, Александре Саджая, Кетеван Магалашвили, Ладо Гуднашвили, Ираклии Гамрекели, Давиде Какабадзе и многих других. Вспоминает он и тех, о ком даже подумать считалось крамолой.

Как сообщила нам заведующая отделом рукописей Маринэ Кипиани, Симон Чиковани начал писать свои воспоминания уже будучи тяжело больным, к тому времени он почти потерял зрение, и поэтому его карандашные записи порой трудно поддаются прочтению.

Воспоминания фрагментарны, записаны в разное время. При жизни поэта ни одно из них не публиковалось. Позднее, супруга поэта Марика Элиава-Чиковани попыталась переписать и привести их в систему, успела кое-что опубликовать, но тяжелая болезнь помешала ей довести до конца начатое дело.

Предлагаем никогда не публиковавшееся воспоминание Симона Чиковани о Паоло Яшвили.

Однажды, когда были напечатаны мои первые стихи, он сказал: «У Симона Чиковани как у поэта есть все — и великолепные образы и художественность, вот только чувства ри-

тма не хватает и он не может его найти». В следующий раз, когда я во Дворце писателей прочел первую часть «Теймураза Первого» (на заседании секции поэзии было чтение неопубликованных стихов, и Паоло читал свои детские стихи «Нита капитан» и другие), он крепко обнял и расцеловал меня — «Великолепно, но это не напечатается»...

Паоло был очень обидчив. В Москве проходили вечера грузинской поэзии, и он буквально воевал со мной. Но потом мирился.

Когда его прорабатывали из-за доклада Берия, который нелестно отозвался о нем, и все не преминули наброситься на него, я видел, как он по-бычьему вращал глазами и был не на шутку встревожен. В то время у нас были натянутые отношения, мы едва здоровались, но я всерьез забеспокоился о нем и выступил в его защиту. Насколько было возможно в тех условиях, я попытался обелить его, напомнил присутствующим, что это большой талант, который не топтать надо, а попытаться по-товарищески разобраться, что к чему, и так далее. Оказывается, он не ожидал от меня такого выступления и сказал Валериану*, что Симон на деле доказал, что он настоящий друг. Валериан обожал Паоло и был очень благодарен мне — «Симон, большое тебе спасибо».

В тот роковой день в зале Дворца Союза писателей присутствовали Константинэ Лордкипанидзе, Нико Лордкипанидзе, Г. Бухникашвили, Бесо Жгенти, Давид Деметрадзе, Александр Кутатели, Тициан Табидзе, П. Сакварелидзе, Михаил Джавахишвили, Валериан Гаприндашвили, Серго Клдиашвили, Акакий Белнашвили, Ал. Машацшвили, Карло Каладзе, Александр Абашели, Сандро Эули и др.

Когда в зал вошел Паоло Яшвили (он был в белой рубашке без пояса), заседание уже шло, рассматривался вопрос о членстве в Союзе писателей Акакия Белнашвили. Паоло вошел из вестибюля. В дверях сидели Ал. Кутатели и Константинэ Лордкипанидзе. Я же сидел в центре зала, справа, то ли в пятом, то ли в четвертом ряду, с краю, на втором или третьем стуле. Когда дверь открылась, я оглянулся. Утром я два раза встречался с Паоло, он справился о моем тесте Нико Элиава. Паоло сел рядом с Ал. Кутатели, о чем-то с ним побесе-

* Гаприндашвили Валериан, один из основателей символистской группы «Голубые роги».

довал, затем встал, направился в мою сторону, сел подле меня и спросил о Николозе Мицишвили*, правда ли, что его расстреляли. Потом спросил, сильно ли переживает Марика. Я ответил, что очень. «Неужели вы ничего не смогли узнать с Нико. Разве Сусанна (Сусанна Элиава — сестра жены С. Чиковани) не может ничего выяснить?» Я ответил, что сейчас уже невозможно что-либо узнать. У меня создалось впечатление, что он что-то знал о Нико. Я спросил, есть ли у него какая-либо информация. Нет, ответил он, знал бы, неужели не сказал бы. «Твои дела пошли на лад», — сообщил я ему. «Да, — ответил он, — все разъяснилось». «Не уезжай в деревню», — посоветовал я. «Куда я сейчас поеду», — как-то раздраженно ответил он и попросил у меня папиросу. Но пока я доставал из кармана папиросы, он успел закурить свою. Попросил передать моей жене сердечный привет и сказать, что ему понятна ее печаль. Я удивился и, вопросительно взглянув на него, поблагодарил. «Симон, — сказал он, — может, ты в душе на меня и обижен, но знай, что я человек благородный и мужественный и вскоре я тебе это докажу». Я, уже не скрывая удивления, посмотрел на него, признаться, я несколько растерялся и не находил слов. Затем он вторично передал привет моей жене и встал. Я сказал: «Повремени, Паоло, твоего соседа исключают из Союза писателей, останься, заступимся за него». «Какого соседа?» — спросил он. «Акакня Белиашвили», — ответил я. «Нет, не могу», — он поднялся, но направился не к тем дверям, которые вели в вестибюль, а к задним, ведущим в сад. Я проводил его взглядом и увидел, как он вышел, но как возвратился и поднялся на второй этаж, не заметил. Собрание продолжалось, наверное, то, о чем говорил Давид Деметрадзе, было настолько несущественным, что я забыл об этом на следующий же день.

Прошло пять или семь минут, и вдруг раздался оглушительный грохот ружейного выстрела, нет, казалось, это был не выстрел из ружья, а разрыв гранаты. Внезапно, на какие-то доли секунд воцарилась могильная тишина, двери зала, ведущие в вестибюль, были открыты, и кто-то воскликнул, что треснуло стекло. Все произошло молниеносно: выстрел, тишина и мой рывок наружу. Я почему-то был уверен, что Паоло попытается покончить с собой, но только ранен и не

-----
* Мицишвили Николоз, грузинский писатель. В 1937 г. был репрессирован.

умер. «Боже, он согрешил» (так обычно говорят о самоубийцах). Я не думал, что он пожертвует собой, и был уверен, что он всего лишь ранен, но, оказывается, я жестоко ошибался. Вниз по лестнице, причитая, бежала Ани (наша уборщица): «Ваймэ швило, ваймэ швило!» Я бросился к Анечке — «Умер?» «Умер, сынок, умер! Голова разбита, мозги вышибло». Выслушивать это было невозможно, я отвернулся. Из зала уже выскочило несколько человек, но большинство все еще находилось там, словно не решалось оттуда выйти. Я вернулся в зал, и первое, что я увидел, — широко раскрытые вопрошающие глаза Тициана Табидзе. Я приблизился к Тициану и тихо сказал: «Паоло застрелился из охотничьего ружья». Тициан только раз взревел: «Ваймэ Паоло!», затем согнулся в три погибели и, как будто испугавшись собственного же крика, вдруг умолк и тихим голосом стал стенать о друге, словно стесняясь проявлять свои чувства перед всем писательским собранием. В смежной комнате совершенно обезумевший Давид Деметрадзе выдвигал и задвигал ящики письменного стола. Убидев меня, он сказал: «Позвони кому-нибудь, Симон». Кому мне было звонить? Но кто-то уже позвонил. Появление НКВД я не заметил. В это время вошел Михаил Джавахишвили и попросил у Давида Деметрадзе машину: «Дождь пошел, мой белый костюм намокнет». Давид жутко рассердился и заорал: «Какое время говорить о костюме, когда такое случилось!» Но Давид был не прав, подобная просьба Михаила была вызвана только лишь его растерянностью. Никто не знал, о чем говорить. Сам Давид сидел оглушенный, слоено проглотив язык. Наш любимец Нико Лордкипанидзе задал мне потрясающий вопрос: «Симон, а собрание продолжится?» Нико очень любил Паоло, он часто говорил со мной о нем, но в тот момент нельзя было ни сокрушаться, ни рассуждать о случившемся. Откуда-то возник Ираклий Абашидзе, Паоло приходился ему родственником, и, наверняка, он очень любил его. Я не знаю, видел ли он Паоло с разmozженной головой, но мне запомнились его красные от слез глаза. Несколько товарищей бросились к Ираклию. Я оставил их и решил взглянуть на Паоло. Для меня это было нелегкое решение. Я с детства боялся покойников и не видел в гробу даже любимой бабушки. Но случай с Паоло показался мне историческим, и я решил непременно посмотреть на него, скорчившегося там, наверху. Я уже миновал первый лестничный пролет, как кто-то довольно сильно схватил меня и рванул к себе. Передо мной стоял Валериан Гаприндашвили,

ближайший друг Паоло; да и мой любимый друг. Видимо, я с обидой и удивлением посмотрел на него. Валериан же приказным тоном сказал мне по-русски: «Я тебя не пущу». Валериан слегка заикался, особенно, когда был взволнован. После некоторого молчания он добавил: «Я тоже не пойду. В нашей памяти он должен остаться живым». Он вывел меня в сад Союза писателей. Моросил июньский дождь. Мы уединились, словно остались в тот вечер одни на всей планете — Валериан, я и еще Паоло.

Мы вышли на улицу. Я жил неподалеку, но побоялся оставить Валериана одного и проводил его до дому. Моя жена с подружкой Барбарэ Цкитишвили бросились мне навстречу. Больше крепиться я не мог, рыдания подступили к горлу. Как он мог, такой красивый, полный жизни, исчезнуть в одночасье. Хоть я и не видел бездыханного тела Паоло, но у меня перед глазами стояла эта жуткая картина — тело с размозженной головой, прислонившееся к стене.

Глан **ОНАНЯН**

ВРАЧЕВАТЕЛЬ ДУШИ

Александр Эбаноидзе в этом году вышел к широкому читателю с новым своим романом-триптихом «Ныне отпускаеши...»

Сразу же хочу оговориться: наверное, я буду пристрастен, рассказывая об этом произведении, поскольку личность автора — моего друга поневоле проецируется для меня на фабулу, героев, коллизии и манеру письма, но все же постараюсь призвать себе в союзники читателя не только на эмоциональном, но и на логическом уровне.

Горжусь тем, что некоторые главы автор читал мне первому, иногда прислушиваясь к моему мнению, так что в некотором смысле роман создавался на моих глазах, — потом, конечно, что-то менялось, что-то уходило и приходило, но первоначальная свежесть впечатлений от встречи с подлинным произведением искусства навсегда осталась со мной.

«Ныне отпускаеши...» — произведение многоплановое, многоуровневое и даже, я бы сказал, полижанровое, если понимать под последним не только саму палитру, но и технологию использованных изобразительных средств.

Роман причудливо, на первый взгляд, но совершенно естественно включает в свою повествовательную ткань элементы гротеска, приемы театра абсурда и театра масок, пронзительную, щемящую лирически-ностальгическую ноту (нить), раблезианские мазки, ориенталистские изыски, пафос жертвенности и обличения, публицистическую открытость и психологическую загадочность мистических озарений героя, потрясенного пещерной жестокостью жизни. В то же время роман — отнюдь не коллаж, не конгломерат броских приемов. «Ныне

отпускаеши...» написан так плотно и емко, на таком пределе безжалостной откровенности, что она корреспондируется уже с откровением, вызывая у читателя библейские ассоциации и не только заглавием-цитатой, но и всей авторской позицией одержимого проповедника, взыскующего вечных истин в земной юдоли...

Опять же архитектоника романа открыто взывает к библейским, церковным параллелям. Весь триптих — это как бы иконный складень, и каждая часть его выстроена, выписана с использованием культовых реминисценций обрядовой символики: «Реквием» — это плач, причитание, скорбное песнопение по невинно убиенным, по ушедшей безвозвратно молодости; «Версия неменяемого» — это фантазмагорическая инфернальность политических реалий недавнего прошлого и настоящего, перманентная и глобальная незащищенность личности во вздыбленном обществе, и, наконец, заключительная часть триптиха «Амок» — это как бы выстраданное очищение, покаяние, катарсис, развенчание старых мифов, но и сотворение новых.

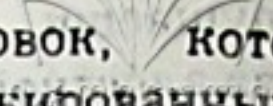
Но катарсис этот — без просветления, без утоления боли, без надежды... хотя надежда подспудно присутствует в мишуре злободневности. Старик, потерявший в необъявленной войне единственного внука, распластавшись на холодных плитах, лежит перед распятием в первопрестольном храме Сиони, раскинув руки крестом и прикрыв голову Библией, как шалашиком, а загадочная и беззащитная Лу, воплощение горькой, святой и запретной любви, говорит главному герою романа: «Потому что тебя не могло быть без меня. Мы всегда были вместе. И всегда будем вместе. И никогда не расстанемся».

Читаешь триптих, не отрываясь, но глаза — в тексте, а душа — в небесах, в памяти сердца, во всепрощении и в сопереживании, она болит, она страждет, но она и исцеляется, ибо слово и калечит, и лечит, а Александр Эбаноидзе, клеймя порок, врачует совесть и возвышает Человека в человеке...

Читаешь триптих, и возникают из небытия голоса и тени Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Гофмана, Ионеско, Кафки, Булгакова, Гоголя...

Тут мне хотелось бы коротко остановиться на гражданской позиции писателя. Надо отдать должное незашоренной смелости и непредвзятости автора, пишущего о самом больном (в смысле «болящем»), иной раз потаенном, упрятанном в глубинах подсознания... Александр Эбаноидзе не убоился хулы и

порицаний со стороны тех политических группировок, которые, несомненно, узнают себя в лапидарно-шаржированных эпиграммных, но, тем не менее, объемных, пластичных, фактурных портретах представителей всего спектра разбуженной социальной активности: здесь анархисты и монархисты, традиционалисты и сталинисты, коммунисты-интернационалисты и звиядисты, экологисты и этнографисты, красно-коричневые и розово-голубые — несть им числа!

При этом каждое политическое течение считает себя спасителем нации и претендует на управление вконец разболтавшимся (простите за небольшой каламбур) обществом. Эйфория которого плавно перетекает в депрессию... Как сказано устами одного из персонажей романа: «Парадоксы истории — цербер тоталитаризма дает приют мягкопузым щенятам демократии». Добавляю, от себя: правда, с их количеством — явный перебор, щенят этих более трех десятков, и все они, как в романе, «толкаются у кормушки, визжат, а про серого волка и забыли...»

В романе Александра Эбаноидзе играет каждая деталь, ружье, висящее на сцене, обязательно выстрелит в последнем акте. Чего стоит, например, старуха в черном с малиновым ведром, проникающая к журналисту в комнату с ее ободряющей сентенцией «Смерть всегда забирает лучших»; или роскошная брюнетка с пунцовым ртом, сомнамбулически вещающая: «Лео! Лео! Подойди к факсу! На связи Женева!»; или очередная распечатка иррационального факса «Христос любит вас до боли»; или стоящая на голове буфетчица (не историю ли здесь персонифицирует автор?) — и страшно, и узнаваемо, и смешно, и символично...

Писатель безжалостно бескомпромиссен, когда речь идет о вульгарном понимании национального менталитета, когда проповедь национальной исключительности ставит местнические этнические амбиции над общечеловеческими прерогативами и правами мыслящей личности, какая бы запись не украшала ее паспортный «пятый пункт». Разве не фарсовой жустью веет от «элегантного старика в роговых очках, с артистическим бантом на груди», когда он провозглашает с трибуны, обращаясь к обступившим ее мужчинам: «Господа! Друзья! Сыновья! Вашу детородную энергию коварно направляют на иноплеменных женщин. При низкой рождаемости, о которой давно трубят демографы-патриоты, это погубит нацию!»

Давно известно, сколь деликатна, сколь чувствительна сфера национальных отношений, как предельно щепетилен

должен быть автор, касающийся «болевых точек» истории и социальной ориентации соплеменников, их самоидентификации. Надо воздать должное тактичности, но вместе с тем и бесстрашной убежденности автора, выверенности его гражданской позиции, когда он с болью в сердце и со слезами на глазах высмеивает отжившее, реакционное, водевильное, но вместе с тем такое родное, привычное, характерное, привязчивое — здесь имеет место, как мне кажется, любовь к родине чаадаевского толка, и только такая незашоренная любовь к отчизне плодотворна и открыта миру.

Писателю одинаково удаются и жанровые сценки, и исторические обобщения, к которым он подводит читателя ненавязчиво, но уверенной рукой, и он пишет образно, метафорично и честно — честно от слова «честь», честно до последней, исповедальной открытости, в которой «дышат почва и судьба». Лирико-трагическая линия Лу, лейтмотивом проходящая через все повествования, сцены в беседке, в тоннеле, на берегу реки, объяснение с дядей, начало и конец большой любви, как я сейчас понял, дают мне основание вызвать из небытия тени еще двоих писателей — Куприна и самого Толстого, Льва Николаевича. Конечно, здесь идет речь не о подражании, а о влиянии.

Перед нами целая галерея эпизодических персонажей (помните — «короля играет свита»?), и каждый неповторим, каждый остается в памяти: и рыжеволосый порочный «альфонс», оказавшийся примерным семьянином и мудрецом, и бездомная бабушка Ашхен, проклиная хирурга за то, что он ее «не зарезал», и эмансипированная хозяйка любвеобильной левретки Мальвочки, и белокурый стюард-херувим с плохими зубами, и охранники, и богомольцы, и терщик Гасан в серной бане на Майдане, и многие, многие другие... Роман при всей своей компактности плотно и густо заселен, в нем оживает даже зловещая «восковая персона» в пенсне, по воле автора беседующая с журналистом о технологии производства «лагерной пыли»...

Роман удачно инструментирован и композиционно строен, его язык богат и музыкален, триптих выстроен с профессиональной свободой и даже с некоторой импровизационной экспромтностью, за которой, однако, два года напряженного труда — именно отсюда идет его легкочитаемость, когда, как говорится, словам тесно, а мыслям — просторно.

С самого же начала автор вводит читателя в атмосферу зыбкую, зловещую и фантастическую, но зиждется она на

почве крутого реализма, с реминисценциями и временными перебивками, создающими стереоскопический и стереофонический «эффект присутствия» (линия Арчила Бурдули и Пааты Ломая, кстати, наверное только тбилисец сумеет оценить всю типичность этих образов). Это своего рода зачин или мост, переброшенный автором к трагическому, шоковому апрелю, жертвой которого падет прекрасная, чистая, трогательная Нино — дочь Пааты, воспитанница и тайная любовь Арчила, ставшего неизменно инвалидом в ту страшную тбилисскую ночь на девятое апреля 1989 года...

Несколько особняком стоит здесь сцена с бойцом спецназа, отказавшимся убивать безоружных и ставшим потом послушником монастыря во искупление чужих грехов. Мне кажется, что это слишком лобовое решение, что герой здесь излишне дидактичен и назидателен, что ли, и зовут его, кстати, Алеша, хотя он и вовсе не Карамазов... Впрочем, может быть, я и ошибаюсь, но уж больно иллюстративен и нарочит этот сусальный Алеша, хотелось бы тут большей нюансировки..

Упрекнуть автора, наверное, можно было бы и за иной раз чрезмерный (по старым, конечно, меркам) натурализм, но сегодня, увы, это в порядке вещей, и при всей рискованности некоторых ситуаций автору, на мой взгляд, все же не изменяет чувство меры и вкуса — он отчетливо различает зыбкую, честно говоря, границу между эротикой и порнографией.

Много в романе печали, скорби, гнева, много вопросов, на которые нет, да и не может быть, наверное, ответов... Жертвой жестокой эпохи становятся не только Нино, ее подруги и товарищи, погибшие и оплаканные народом, но и потерявший себя сын Лу — Резо, который прощается с главным героем со словами: «Не поминай лихом, дядя Лаврентий, я человек конченный. Я даже маму больше не люблю», и павший от ножа ревнивца режиссер Леван — отец Резо, муж Лу, и сама Лу, говорящая под занавес любимому: «Бедный, бедный мальчик... Уже сто лет нет никакой Лу, я сто лет уже Луиза. Жизнь прошла, а ты все тот же!», да и сам главный герой романа — жертва не только обстоятельств, но и собственного выстраданного им отношения к жизни, в которой не только счастья нет, как сетовал некогда поэт, но нет также ни покоя, ни воли...

Александр Эбаноидзе — «врачеватель души» — так я озаглавил свои размышления о романе и вокруг него. Да, болезнь нельзя загонять внутрь, каков бы ни был диагноз: национальное чванство, провинциализм, космополитизм, тоталита-

ризм, анархический беспредел, вседозволенность или великодержавный погромный шовинизм. Каждый человек, как и каждый народ, имеет неотъемлемое право жить так, как привык и хочет, если своей свободой и своим укладом жизни он не ущемляет права и свободу ближних и дальних своих соседей.

Вот какую сложную, внутренне противоречивую, я бы сказал, кровоточащую проблему затронул Александр Эбаноидзе в своем романе, и художественное чутье автора, чувство такта и горячей любви к родине дало ему и право силы, и силу права говорить от имени всего народа, пережившего трагедию девятого апреля...

Александр Эбаноидзе написал реквием — не только первая, но все три части романа могут быть так названы. И реквием этот полифоничен, как традиционное грузинское многоголосие, и возвышен, как грузинский национальный характер в понимании вопросов чести, верности, отваги и красоты...

Роману суждена долгая жизнь и неравнодушное внимание и друзей, и врагов автора с его лирическим героем, который для меня лично — лишь одна из ипостасей личности Александра Эбаноидзе.

Сегодня, когда общество, как никогда, нуждается в санации терапевта, хирурга, а то и психиатра, лекарь и целитель душевных ран Александр Эбаноидзе бесстрашно прижигает его язвы каленым железом сарказма, вскрывает его гнойники стилетом художественного анализа и умащает ожоги и шрамы бальзамом истинной поэзии. Пусть врач причиняет боль — эта боль выздоровления страждущего общества.

Вахтанг БУАЧИДЗЕ

Эксперимент без романтики

Грузинская республика дважды в этом столетии вырывалась на простор независимого существования, дважды пыталась суровой явью поверить внутреннюю природную истину, суть которой в неизбывном стремлении живых этноорганизмов к целостному самоопределению.

Первую попытку предприняли грузинские социал-демократы. На изломе мятежных времен, спровоцированных распадом империи, они оповестили мир о создании нового суверенного демократического государства. Мир откликнулся на это событие сдержанным любопытством. Искусные фразеологи тогдашней геополитики ограничились фигурой умолчания. Только одна Германия сочувственно подмигнула молодой стране. Концовка грянула тридцать три месяца спустя. Над Тбилиси взвилось красное знамя, и все, кого оно затенило, усмотрели в двузначной цифре символический смысл, а время, наполненное этим смыслом, окрестили грустно-романтическим периодом новой грузинской истории. От нас, школяров советской выучки, долго скрывались ее уроки, и поэтому сегодня, несмотря на обилие переосмысленных конспектов, каждому свежему слову правды обеспечен искренний интерес.

Документальный телефильм Мераба Кокочашвили носит прозрачно-адресное название — «Романтика с долей грусти, или грузинский эксперимент». Заголовочное слияние двух, вроде бы невзаимососедствующих понятий (первое — слишком общечеловеческое, второе — что-то скорее информативно-обзорное) сразу же намекает на экранное тождество избранных повествовательных плоскостей. И действительно, преодолевая живучую традицию обзорности документальной картины, режиссер сближает в архивном материале социальную конкретность факта и его эмоционально-драматическую трактовку. Основой любого историко-архивного фильма служат хроникальные кадры, в данном случае — запечатлевшие живой облик вышепоименованных событий первой четверти уходящего века. Однако, признавая главную общественную ценность хроники — реальную подлинность, трудно определить ее эстетическое значение в структуре фильма без учета творческой индивидуальности документалиста. Режиссер, он же автор сценария, преподносит зрителю не столько укрупненный срез минувшей жизни, сколько дает запоминающийся образ времени, отпущенного по самому жесткому минимуму грузинскому самостоянию. Короткий промежуток свободы выписан в фильме отнюдь не однотонно — белым или черным цветом. Пропорции соблюдены, подбавлены и другие оттенки, но среди них нет броско-агрессивных. Кокочашвили сосредоточен на выявлении сущностных закономерностей тогдашней действительности, яркий изобразительный синтез кадров сопровождается раздумчивым дикторским комментарием. Тонкое владение богатым инструментарием организованной экранной публицистики помо-

гает автору безболезненно для тканевой стилистики фильма вторгаться и в нашу современность.

Неоднозначный опыт давнего прошлого проецируется на сегодняшнем фоне монтажными сравнениями и столкновениями фактов, взятыми из различных сфер жизнедеятельности обоих государств. Точнее, одного государства, рассеченного надвое временем и превратностями судьбы.

Утверждение демократических институтов власти, развитие плюралистической политической системы, восстановление разрушенной экономики — обо всем этом рассказ ведется в русле глубокой исторической перспективы. Подчеркнуто деликатное отношение к исследуемому жизненному материалу вовсе не принуждает зрителя разделять авторскую точку зрения: просто наглядность аргументации либо увлечет его за собой, либо выведет на инвариантное толкование спорных моментов. Кому-то, скажем, не понравится кокочашвилевская манера посмеиваться при виде откровенных нелепостей нашей неустроенной жизни. «Неустроенная жизнь во всем и повинна, зачем же копыа ломать!» — восклицает иной «дедуктивист», оправдывая, допустим, летаргию отечественной экономики. И будет неправ. Заплутать в причинно-следственных связях — полбеда, хотя ясно, что обустраивать страну обязаны не добрые дяди из Международного валютного фонда. Гораздо грустнее, если умная ироничная критика воспринимается порой как кощунственная дерзость правдолюба, которого тут же зачисляют в штатные наветчики.

Ни в «наветчиках», ни в «советчиках» Мераб Кокочашвили никогда не ходил. Он спокойно, без пышнословия и сезонной фронды делал то, что умеет. И в «...эксперименте» еще раз доказал, что, снимая достойное документальное кино, нужно уважать прошлое, но не тяготиться напускным почтением к его скользким крутым извилам. Ошибки на этой порожистой кривой, утверждает автор картины, имели чрезмерно высокую цену. Как уберечься от фатальных повторов? Может быть, сторонясь безлимитной выдачи новых векселей старым займодавцам? Дружить надобно со всеми. А вот брать в долг и вести большой торг в надежде остаться при полном своем интересе следует очень осторожно. Дабы часом не пришлось потом отдавать во сто крат больше, чем было получено.

Внешнюю политику грузинской социал-демократии Кокочашвили анализирует в плотной параллели с нынешней международной доктриной республики. Это предмет его особенной тревоги. Наверное, с той поры, когда он в составе грузинского

кинодесанта посетил осажденный Сухуми, не предполагая, сколько долгой окажется разлука с городом. Так резкое личностное начало входит в покадровое обобщение причин национальной беды. Шагреневая кожа страны, к сожалению, саморасширяться не способна. Довести ее до изначальных пределов, по праведному авторскому разумению, суждено вам — гражданам, слава Богу, крепнущего день ото дня государства. И тогда сквозная мудрость лейтмотивно озвучившей весь фильм бесхитростной песни об Ано и Ване откроется абсолютному большинству жителей картвельской земли.

И еще об одном. Социальная остро направленность этой ленты не обременена гнетом мертвящей лозунговой идеологии. Достоверность конкретных наблюдений и опорный архивный материал живут на экране в строгом ладу с авторским зримым патриотизмом. Но он полностью подчинен художественному гражданскому мышлению и нигде не превышает прав свидетеля справедливой истины. Той самой, выстраданной, которая настойчиво предписывает живому этноорганизму неподъемное, свободное существование как наестественную форму бытия.

Три четверти века назад эту истину попрала грубая сила. Сегодня ее воскресила вероятность успешного продолжения прерванного эксперимента. Иначе бы не стоило Мерабу Кочацшвили, взывая к нашей исторической памяти, устремлять надежду в будущий день.

Георгий ЧАРКВИАНИ

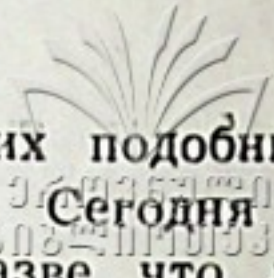
«...А душа вся в слезах»

(ПАМЯТИ БОРИСА АНДРОНИКАШВИЛИ)

Бывает, и нередко, что дети видных актеров и режиссеров становятся талантливыми наследниками своих родителей, порою превосходят их с профессиональной точки зрения, добиваются большего, то есть более широкой известности и славы. Вопрос этот деликатный, и, чтобы ненароком не обидеть отечественных, вспомним деятелей зарубежного искусства. Скажем, Джейн Фонда вполне достойная дочь своего отца Генри Фонда, а Лайза Миннелли как актриса не уступает своей матери Джуди Гарланд. Можно вспомнить оставившие след «династии» перцов, танцоров, даже композиторов и художников, представители разных поколений которых по одаренности не слишком уступали друг другу, работали более или менее на равных. Но в литературе это очень редкое явление. Братья Гримм — да, братья Гонкур — да, можно назвать еще Августа и Фридриха Шлегелей, Генриха и Томаса Маннов, Валентина Катаева и Евгения Петрова... Но чтобы известными писателями были отец и сын, таких я вспомнил только лишь двух Александров Дюма. Правда, пришло на память, что сын Достоевского писал и издавал романы, что трое из многочисленных потомков Льва Толстого также пытались быть профессиональными писателями... Но идти по пути таких гигантов-отцов, в каком-то плане вступить с ними в соревнование — это наверно заранее, мягко говоря, обречено на неудачу.

Писатель, о котором пойдет речь в этой статье, был сыном еще при жизни ставшего весьма популярным, приобретшего широкую известность писателя Бориса Пильняка. Произведения отца вызывали, можно сказать, ожесточенные дискуссии, нападавшие обрчняли автора в искажении действи-

тёльности, натурализме, безыдейности и в других подобных, с точки зрения рапповцев, «смертных грехах». ^{Сегодня об} этих несправедливых обвинениях вспоминают разве что литературоведы, изучающие движение общественной мысли в двадцатых-тридцатых годах. А имя незаконно репрессированного, а затем реабилитированного Бориса Пильняка прочно вошло в историю русской литературы.

И скажем сразу, сын — Борис Андроникашвили — достойно продолжил дело своего отца, хотя по манере письма, по художественным приемам, образному мышлению они очень отличаются друг от друга. Впрочем, надо говорить не «хотя», а «именно потому». Именно потому, что творчество сына отмечено «лица необщим выраженьем», то есть оригинальностью и индивидуальностью, он и стал настоящим, истинным писателем. А для него это было вдвойне трудно.

Дети, растущие в семьях художников, окружены творческими соблазнами, и надо уметь более или менее объективно оценивать свои возможности, чтобы выбрать правильную дорогу в жизни. У Бориса Андроникашвили отец был писатель, мать — Кира Андроникашвили — сыграла главную роль в прославленном фильме «Элисо», родная тетя — выдающаяся актриса грузинского кино — Нато Вачнадзе, ее муж — знаменитый режиссер Николоз Шенгелая... Сам Борис в юности сыграл ключевую роль князя Арчила в фильме Михаила Чиаурели «Отарова вдова». Он учился во ВГИКе, был, что называется, более чем своим человеком в среде кинематографистов. Однако не стал ни артистом, ни фактически киносценаристом. Стал прозаиком и поэтом.

Но до всего этого было увлечение морем, мечта стать моряком. Отнюдь не отвлеченная, а вполне реальная и осуществляемая мечта. Борис Андроникашвили учился в Батумском мореходном училище, и эта часть биографии нашла отражение в повести «Капитаны», в рассказе «Суббота, воскресенье». Воспоминания об училище, о ранней юности окрашены лирическим цветом, светлой печалью, но одновременно и добрым юмором. Чего стоит хотя бы капитан-лейтенант Горсо своими высказываниями — «Противник как можно дольше не должен замечать, что вы к нему подползаете»; «В санчасть ходят только симулянты»; «И среди немцев попадаются хорошие люди»; «Тот, кто заснет на боевом посту, наказан будет прежде всего своей совестью, которой у него, очевидно, нет»; «Ничего, что винтовка учебная. Надо научиться стрелять и из такой».

Борис Андроникашвили любит откровенных, непринужденных и веселых героев-фантазеров. Зоотехник Гуго из зоопарка, например, чтобы увеличить количество посетителей, предлагает провести по всем правилам юбилей слона (рассказ «Юбилей»). Такого же типа — герой романа «Дон Алонсо» и другие. То есть люди, «кто страстно не хочет, чтобы солнце заходило».

Сейчас нет ни возможности, ни желания анализировать, по каким объективным и субъективным причинам тот или иной представитель так называемых нацменьшинств бывшего Советского Союза писал на русском языке. Ясно, тут пришлось бы затронуть и политические, и социальные, и бытовые аспекты вопроса. Но хотелось бы сказать вот что — язык не является главным определяющим фактором принадлежности того или иного произведения той или иной литературе. Во многих бывших европейских колониях пишут по-английски или по-французски, но это еще не значит, что там работают английские или французские писатели. Даже Рабиндранат Тагор, лауреат Нобелевской премии, в поэзии наряду с бенгальским пользовался английским языком. Но никто его не считает представителем изящной словесности «туманного Альбиона». Все дело в том, где, как, на чем рос человек, как формировались его взгляды, менталитет, его художественное мышление и чувство родины. Судя по его произведениям в целом, а не только по тематике, Борис Андроникашвили — грузинский писатель, так же как и недавно ушедший из жизни Леван Челидзе. А, скажем, Булат Окуджава — замечательный русский поэт грузинского происхождения.

Я не был знаком с Борисом Андроникашвили. Только раз случайно встретились на квартире у одного из его родственников. Я участвовал в написании киносценария, а он вдруг заявился с ватагой друзей. Средних размеров комната наполнилась людьми и разговорами. Борис Андроникашвили попросил внимания и прочел шутливый приказ, «изданный» им по случаю своего прибытия в Тбилиси. Он приказывал, как кому себя вести и что делать в связи со столь знаменательным событием. Словом, хохма на хохме. Ребята смеялись...

Борис Андроникашвили рано ушел из жизни. Остались его жизнестойкие произведения. И память о нем, как о талантливом и прекрасном человеке.

Театр

Был крик доведен до предела,
и в нем затаенная страсть
казалась физическим телом,
готовым на сердце упасть.

Пал занавес в изнеможенье.
Одни устремились в буфет,
другие включились в движение,
ведущее в туалет.

В отделанных коридорах
огнями кичился паркет,
и шарили жадные взоры,
кто как и во что одет.

А малая редкая кучка
людей, потрясенных игрой,
искала минутный покой
в пустой и никчемной толкучке.

* * *

Говорю вам, что я — подлец!
Мне проклятие — суждено.
Сотни женских разбитых сердец
В мое сердце погружено.
Да, проклятье давит на грудь,
Но утешная тянется нить,
Коль любили за что-нибудь,
Значит, было за что любить.
Хвастовство не особо пеня,
Вспоминаю порой, что уплыло,
Коль за что-то любили меня,
Значит, что-то наверное было.
Поседел мой задорный чуб,
Ус не тот, лишь глаза горят,
Но опять обнять вас хочу,
Моих девочек всех подряд.
Мою молодость если вернуть,
Я б тотчас поспешил — сивый конь,
В ваши глазки опять заглянуть,
Чтоб увидеть там тоже огонь.

Главный редактор ЗАЗА АБЗИАНИДЗЕ

Редакционная коллегия:

Чабуа АМИРЭДЖИБИ, Амиран АРАБУЛИ (зам. главного редактора), Гурам БЕНАШВИЛИ, Игорь БОГОМОЛОВ, Георгий ГАЧЧИЛАДЗЕ, Гурам ГВЕРДЦИТЕЛИ, Коба ИМЕДАШВИЛИ, Михаил КВЛИВИДЗЕ, Роман МИМИНОШВИЛИ, Лиана ТАТИШВИЛИ (отв. секретарь), Лия СТУРУА, Тамаз ЧХЕНКЕЛИ.

Художник ОЛЕСЯ ТАВАДЗЕ

Техредактор К. КОТОМИНА
Корректоры: М. МЕРАБИШВИЛИ,
Е. СОПРОМАДЗЕ

„ლიტერატურნაია გრუზია“
საქართველოს მწერალთა კავშირის
ორგანო

Сдано в набор 12.03.97 года. Подписано к печати 24.07.97 года.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Печать высокая. Заказ № 284. Тираж 300.

Цена договорная

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Костава, 5.

Телефоны: 99 65 15, 99 06 59.

© «Литературная Грузия», 1997.

Типография издательства «Самшобло», Тбилиси, ул. Костава, 14.

20 321/3

საქართველოს
მეცნიერებათა
აკადემიის
ბიბლიოთეკა

საქართველოს მეცნიერებათა აკადემიის
ბიბლიოთეკის კატალოგი

საქართველოს მეცნიერებათა აკადემიის
ბიბლიოთეკის კატალოგი

